ЛИ ХОЧХОЛЬ

ЮЖАНЕ И СЕВЕРЯНЕ

ЛИ ХОЧХОЛЬ ЮЖАНЕ И СЕВЕРЯНЕ

ГИПЕРИОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

25 июня 1950 года Северная Корея напала на Южную. Началась Корейская война, в которой приняли участие войска ООН — шестнадцати государств, в том числе США. Сначала почти вся территория Южной Кореи была занята северокорейскими войсками. Однако некоторое время спустя войска ООН отбросили их назад. Более того, они заняли почти всю территорию Северной Кореи. Казалось, объединение страны неминуемо. Но 4 января 1951 года в Корейскую войну вступила двухмиллионная армия коммунистического Китая; войска ООН и южнокорейская армия вынуждены были отступить.

Автор этой книги в начале июля 1950 года был мобилизован в Корейскую народную армию, а в начале октября того же года был пленен Национальной армией Южной Кореи. Находясь в гуще событий в то неспокойное время, он имел возможность лично наблюдать за взаимоотношениями между Севером и Югом.

Для читателей старше 14 лет.

- Ли Хочхоль
  - От автора
  - Южане и северяне
    - Глава 1
      - 1
      - 2
      - 3
    - Глава 2
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
    - Глава 3
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
    - Глава 4
      - 1
      - 2

        - 3
        - 4
        - 5
    - Глава 5
        - 1
        - 2
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Ли Хочхоль

От автора

В начале июля 1950 года я был мобилизован в Корейскую народную армию, а в начале октября того же года был пленен Национальной армией Южной Кореи. Меня забрали в армию, когда я учился в выпускном классе средней школы повышенной ступени. К счастью, я не был интернирован в лагерь для военнопленных. Поэтому, находясь в гуще событий в то неспокойное время, имел возможность лично наблюдать за взаимоотношениями между Севером и Югом. Как писатель и современник я стремился показать события тех времен со своей точки зрения.

С середины 80-х годов XX века я стал эпизодически, отдельными частями писать эту работу, а в 1996 году она была издана отдельной книгой. Однако я был не совсем удовлетворен тем, что расположение материала в книге не совпадало с хронологией описываемых событий. Теперь же, с добавлением новой главы — «Эскизы к портретам трех прототипов», — всё встало на свои места, наконец-то книга приобрела свою завершенную форму. В связи с этим я как писатель впервые почувствовал радость и облегчение, словно сбросил с себя тяжелую ношу, которую носил в течение долгого времени. Кроме того, настоящая работа имеет глубокую связь с моим первым рассказом «Моллюск», который был опубликован в 1956 году. И рассказ «Моллюск», и роман «Южане и северяне» были написаны на основе моих личных впечатлений, ведь я был участником и свидетелем описываемых событий.

В 1955–1956 годах было заключено перемирие в Корейской войне. Через два года было еще рановато описывать события, свидетелем и участником которых я был с июля по октябрь 1950 года. На то были разные причины. Откровенно говоря, пусть даже никто не знал, что автором описываемых в произведении событий является человек, который служил в Корейской народной армии, и что он описывает свой личный опыт, все равно невозможно было изобразить всю правду суровой военной действительности. Время было неподходящее.

Однако всё существует в своем времени и в пространстве. Начиная с середины 1980-х годов в нашем обществе начали происходить стремительные изменения, и появилась возможность поделиться личным опытом. Как раз в результате этих перемен и появилась книга «Южане и северяне».

Это произведение стали переводить на иностранные языки: в 1999 году книга была издана в Польше, в 2000 году — в Японии.

А в 2002 году, в мае, произведение было переведено и издано в Германии, где получило хорошие отзывы. Кроме того, на завершающей стадии находятся переводы на английский, китайский и испанский языки.

К тому же в последние два года происходят заметные изменения в отношениях между Севером и Югом. Автор будет весьма удовлетворен, если эта книга хоть в какой-то мере поможет разобраться в том, почему вот уже на протяжении более чем пятидесяти лет страна расколота на две части, между которыми продолжается прямая конфронтация, которая является главной проблемой в развитии каждой из сторон.

01.10.2002

Пульквандон

Ли Хочхоль

Южане и северяне

Глава 1
Эскиз трёх прототипов

1

Пак Чхонок был учеником восьмого класса. В нашу школу он был направлен по разнарядке Союза демократической молодежи Минчхон{1}. До освобождения страны[1] он числился учеником токаря на судоверфи и всего лишь за полтора года сумел стать активным членом этой молодежной организации. К тому же молодой человек очень хотел учиться. Именно поэтому по рекомендации профсоюза города он был зачислен в нашу группу.

Наступила весна 1947 года. Пак Чхонок ходил в черной одежде, сшитой из конопляного холста и небрежно окрашенной чернилами. Краска легла неровно, везде были видны пятнышки и обрывки белых ниток. Он был тщательно пострижен, но голова его была покрыта слоем густой потрескавшейся черной грязи. Он производил на нас, учеников, неприятное впечатление. Даже при огромном желании в нем трудно было заметить хоть какие-то мало-мальски привлекательные черты. Еще до появления Пак Чхонока классный руководитель предупредил нас, что в нашу группу придет новый ученик по направлению из судоверфи. Он серьезно сказал, что это совершившийся факт, поэтому к нему надо отнестись должным образом. Вот почему при встрече с мальчиком такого неприятного вида мы все были довольно сдержанны.

Куратор нашей группы преподавал английский язык. Он всегда носил оранжевый костюм из тонкого материала и жилет, из кармана которого торчали карманные часы на цепочке. Его одежда никак не соответствовала обстановке того времени в Северной Корее, где взяли курс на строительство социализма. Скорее, она напоминала мелкобуржуазную моду. Но, несмотря на внешний вид, он был робок, прост в обращении с людьми и не пользовался большим уважением среди коллег. Одним словом, был неприметным человеком.

Когда он писал на доске английские предложения, у него совсем некрасиво получалось написание буквы «у»: изогнутый ее конец непомерно торчал вниз. Это вызывало смех учеников. По сей день вспоминаю эту картину.

У Пак Чхонока были короткие ноги, маленькое, но толстое тело; на лице его выделялись пухлые губы. С самого первого появления у нас он вел себя довольно раскованно, с

любопытством разглядывая каждый угол помещения. Из-за его жадного, беспокойного взгляда казалось, будто он постоянно ждал какого-то указания от классного руководителя. И вот однажды на собрании он сказал:

— Товарищи, рад вас всех видеть. Меня зовут Пак Чхонок, я работал токарем на заводе.

Так он начал свое выступление. Не давая опомниться классному руководителю и учащимся, он продолжал:

— Прежде всего, мы должны быть бдительными, непримиримыми к классовым врагам. Без этого не получится ни одно дело. Я еще раз хочу подчеркнуть, что именно с этого должны быть начаты первые революционные шаги. Прошу это запомнить!

Это было дерзкое выступление. В подобных случаях обычный мальчик, робея, едва произнес бы даже свое имя. Этот же с первого дня пребывания у нас вот так сразу ошеломил всех. Поклонившись, Пак Чхонок сел на свое место. Классный руководитель, смущаясь, пробормотал в его адрес несколько лестных слов. Было заметно, что преподаватель находится в некотором замешательстве. На учащихся выступление новичка произвело резко отрицательное впечатление. «Тьфу, какой гадкий тип! Он нас еще удивит!» — с отвращением сказал кто-то из учеников, сидящих сзади. Старшеклассники брезгливо посмотрели в сторону Пак Чхонока.

Примерно через два месяца после этого случая классный руководитель перебрался на Юг. Ночью при помощи проводника, рискуя жизнью, он пересек 38-ю параллель, разделявшую Северную и Южную Корею… Через несколько лет в Сеуле я встретил человека, который работал директором полной средней школы на одном из островов Южной Кореи. У него была очень приятная улыбка. Он интересовался судьбой Пак Чхонока. Глядя на него, я почему-то подумал, что собеседник, очевидно, получил образование в Японии, затем переехал в Северную Корею и жил где-то в одном из захолустных мест, перенося все тяготы и лишения. Оттуда, не выдержав тяжелых жизненных трудностей, сбежал на Юг, где, как стало известно позднее, прожил еще несколько лет и умер.

После освобождения страны Пак Чхонок вращался среди торгового люда. Учился вместе с уличными мальчишками, занимавшимися торговлей. Надо сказать, что учился он плохо, как ни старался, учение не шло ему впрок. Так и остался он неотесанным деревенщиной, вызывая насмешки у однокашников. Да и по природе он был недалекого ума, не разбирался в элементарных вещах. Однако никто не отваживался унижать его.

Лишь изредка в его адрес можно было услышать какие-то бестактные слова, да и те произносились негромко.

Пак Чхонок в свою очередь догадывался, что происходит вокруг него. Затаив злобу, он испытывал жгучую ненависть к классовым врагам. В любое время был готов к смертельным схваткам с ними. Видимо, не случайно после зачисления в нашу группу он был избран вожаком первичного звена Союза демократической молодежи школы. Его активная деятельность была замечена, и он быстро продвинулся вперед, вскоре став хозяином положения. Можно сказать, Пак Чхонок настолько увлекся общественной деятельностью, что учеба отошла на второй план. Главным для него стало выяснить, кто реакционер, кто пассивный, кто еще не освободился от буржуазных предрассудков. Многие считали его поведение отвратительным, просто не могли его терпеть. Его невозможно было слушать. Например, на собрании учащихся он в течение 30–40 минут безостановочно с надрывом в голосе говорил одни и те же давно известные, заученные фразы. То же он делал и на политзанятиях, на коллективных читках. Тем не менее, Пак Чхонока все время возвышали. На крупных мероприятиях, съездах, конференциях он выступал первым или вторым оратором. Его власть прочно устанавливалась над ученическим коллективом. Более того, большинство учителей избегало его присутствия, они опасались стать объектом критики со стороны нового лидера учащихся.

Прошел год с тех пор, как Пак Чхонок пришел в наш школьный коллектив. Вслед за классным руководителем — преподавателем английского языка — многие учителя тоже перебрались на Юг. В школе за это время появились молодые преподаватели, окончившие двухгодичные педагогические институты. Они довольно быстро адаптировались в новом школьном коллективе.

К этому времени в школу прибыл и новый классный руководитель, преподававший одновременно русский язык. Его звали Чхве Санхо. Пак Чхонок быстро нашел с ним общий язык и сдружился. Учитель русского языка обладал голосом тенора, всегда носил простую куртку. Взгляд его всегда был каким-то свирепым. Он родился в нищей деревне. Рос с матерью-одиночкой. После освобождения страны поступил в пхеньянскую школу русского языка. Как правило, ее выпускники служили в армии офицерами. Он же уклонился от призыва и стал учителем русского языка в школе. Однако через пару лет понял, что допустил серьезную ошибку в выборе специальности. Дело в том, что наше учебное заведение по своему значению приравнивалось к английской военной школе в Южной Корее. Отличалось только

названием. Чхве Санхо не знал, что в этой школе готовят офицеров Корейской народной армии. Уклонение от армии было его сознательным выбором, он действительно считал заботу о матери своим первейшим долгом. Лишь через два года, осознав свою ошибку, он пошел служить в армию простым солдатом. К тому времени его сокурсники уже стали старшими офицерами. До сих пор помню, как однажды ранней весной 1950 года к нам в школу приходил тщательно остриженный Чхве Санхо, одетый в солдатскую шинель. Казалось, на его лице было заметно раскаяние за то, что два года назад после окончания школы русского языка он уклонился от армии и пошел работать учителем.

И вот 25 июня 1950 года разразилась война между Севером и Югом. В один миг вся страна оказалась в состоянии хаоса. В этот сложный момент Чхве Санхо особым распоряжением был мобилизован в армию в чине майора. Вот такая обстановка была в то время в Северной Корее, такими непредсказуемыми событиями была наполнена жизнь северян.

Надо отметить, что учитель русского языка Чхве Санхо вел себя агрессивно, как и Пак Чхонок, всегда с вызовом смотрел на людей. Даже вид его был неприятен: налитые кровью глаза всегда бегали, словно следили за чем-то. В то время новым директором нашей школы был назначен выпускник японского университета в Киото. Еще до освобождения страны он был теоретиком социализма, а после стал директором высшей партийной школы в одной из корейских провинций. Говорили, что он владеет шестью иностранными языками и пользуется уважением среди учащихся. Будучи человеком невысокого роста, он всегда носил опрятный костюм и шляпу, словно стремясь показать свою образованность и интеллигентность.

Не прошло и года после его назначения, как он был понижен в должности и отправлен переводчиком в издательство ЦК партии. Причиной этому послужило следующее: однажды в кабинет к нему пришла трактирщица в нарядной юбке и кофте, чтобы вернуть какие-то свои долги. Этот случай стал предметом разбора в первичной партячейке. Затем дело дошло до вышестоящих парторганов. Как и следовало ожидать, директор был обвинен как буржуазный элемент.

В нашей школе директор на общественных началах руководил литературным кружком. Словно желая подтвердить слухи о том, что он знает шесть иностранных языков, мелом на доске писал стихи Гёте на немецком языке. Скорее всего, это была показуха.

На место отстраненного директора прибыл новый. Это был

доброжелательный человек высокого роста. В прошлом он руководил партийным комитетом уезда Пхёнган. При каждом удобном случае он всегда давал искренние советы молодому коллеге Чхве Санхо — читать как можно больше мировой классики. Но Санхо не питал никакого интереса к литературе. Он был занят другими делами, и ему некогда было заниматься чтением классиков.

Пак Чхонок, как и учитель Чхве Санхо, был человеком переходной эпохи. Не случайно их авторитет среди учащихся и учителей был мнимым.

Кажется, это случилось, когда я учился в 10-м классе. Однажды в субботу, на редкость рано, мы вместе с Пак Чхоноком возвращались домой. По пути Пак Чхонок вдруг предложил зайти к нему домой. Его дом стоял за железнодорожным переездом в практически безлюдной деревне, где не росло ни одного деревца. Крыши старых домов были покрыты черной копотью от паровозного дыма. В этой бедной деревушке коротали последние дни картежники, воры, старые беспризорные женщины и мужчины, пьяницы… Одним словом, все отбросы общества. Резкий зловонный запах исходил от ветхих жилищ и их обитателей. На подходе к своей хижине Пак Чхонок внезапно сник и замолчал. В школе он был совсем другой — вел себя довольно раскованно. Сейчас же он шел впереди меня поникший, с кипой книг, завернутых в платок. В эту минуту мне почему-то стало грустно. Не припомню такого случая в прошлом. Обычно у Пак Чхонока был злобный, неудовлетворенный взгляд. Сам он всегда казался чем-то озабоченным. Хоть он и был выходцем из простой семьи, он не проводил свободное время с уличными мальчишками. Да и ко мне в общем-то относился вполне нормально. Не знаю, может быть, поэтому в тот день я захотел посмотреть, как он живет.

— Что сказал тебе этот Ким Хогё? По твоим словам, и Толстой был таким же человеком. Как известно, Ленин высоко ценил Толстого. И Сталин во время Великой Отечественной войны неоднократно ссылался в своей речи на него. Но почему же такой человек верил в религию, в этот опиум для народа? — спросил Пак Чхонок. Я был растерян и не знал, как ответить на этот вопрос.

Вся обстановка говорила о том, что в этом жилище влачат нищенское существование. Высокая, крытая, почти полностью развалившаяся терраса была покрыта толстым слоем серой пыли. Зато обзор местности с этой высокой точки был хороший. Сверху было четко видно, где проходит граница между берегом реки и дорогой.

К единственной комнатушке была пристроена кухня, пол которой был застелен соломенным матом. Эта хижина лишь условно могла называться домом. Из предметов обихода я заметил лишь старый сундучок и большой латунный таз. Здесь же находилась старая мать Пак Чхонока, одетая в лохмотья. Она страдала астмой.

— А, это ты пришел… На кухне две вареные картошки. Возьми, съешь, — сказала она тоненьким голосом. Еще добавила, что отец на работе, а братишка в школе.

Пак Чхонок сходил на кухню. Принес белую тарелку с остывшей вареной картошкой и с горсткой соли. В школе он всегда отличался дерзостью и непослушанием. Теперь же от такого его поведения не осталось ни малейшего следа. Он выглядел как простой и добрый человек.

— Давай съедим по одной. Хоть и остыла, но есть можно, — сказал он, бесхитростно улыбаясь, и протянул мне одну из картофелин.

С тех пор прошло уже почти сорок лет. Но я и сейчас помню, как мы ели эту картошку, её приятный вкус во рту. Мне становится очень грустно, когда я вспоминаю эти минуты. Теперь, кажется, я понял, почему он так вел себя в школе, и даже готов простить его наглые выходки. Полагаю, он просто приспосабливался к тому обществу, в котором жил.

У Пак Чхонока были проблемы, когда он заканчивал среднюю школу, — успеваемость его была неважная. Зато у него была подходящая биография для учебы в Советском Союзе. Он и сам это понимал, поэтому взялся за учебу серьезнее, но было уже слишком поздно. Он был физически здоровым парнем, но ему не хватало способностей.

Именно в это время, 25 июня 1950 года, грянула война между Севером и Югом. Как будто пробил его час. 28 июня Пак Чхонок уже произносил патриотическую речь на первом съезде активистов молодежной организации. Он и раньше часто выступал с длинными идеологическими речами. Но на съезде было как никогда много народу. Даже самые ленивые пришли на это мероприятие. Небо, покрытое облаками, внезапно стало серым. Несмотря на это, отчетливо были видны очертания близких и дальних гор.

Люди группами выходили из аудиторий, направляясь в сторону лекционного зала, и тихо говорили друг с другом. Все были взбудоражены сообщением о взятии Сеула. В актовом зале, освещенном лишь тусклым дневным светом, не было ни одного свободного места. В отличие от других дней, все сотрудники во главе с директором чинно сидели в одном ряду на почетных

местах. В зале, битком набитом людьми, царила абсолютная тишина. В этот торжественный момент у каждого перед глазами мелькали картины объединения страны. Первым выступил Пак Чхонок, который сказал:

— Товарищи, наши доблестные войска сегодня на рассвете заняли Сеул. В скором будущем наступит объединение Родины. Мы не можем наблюдать за этими событиями со стороны!

Заканчивая выступление, оратор громко стукнул кулаком по столу. И тут произошло нечто невероятное. Как будто бурные волны снесли мощным ударом крепкие дамбы. Торжественная тишина мгновенно была нарушена бурными аплодисментами и возгласами «Ура!»

— Правильно, правильно! — громко закричал один из учеников, вытянув руку вперед. А другой, вскакивая с места, кричал, что он обеими руками приветствует взятие Сеула. При этом он четыре раза повторил слово «Приветствуем!». Вслед за ним кто-то сказал:

— Мы не можем задерживаться даже на один день на этом славном пути. Вперед, вперед и вперед!

Картина ликования и всеобщего возбуждения более всего напоминала доменную печь, в которой плавится металл. Людям мерещилось скорое объединение страны. Они считали, что в борьбе за достижение этой цели каждый должен внести свою лепту. Будь то Пак Чхонок, Чхве Санхо, отстраненный директор, вновь назначенный директор, уехавший на Юг преподаватель английского языка — все должны принимать участие в благородном деле объединения Родины.

Но прошло всего два дня, и 30 июня по учебному заведению поползли недобрые слухи. Стало известно, что войска ООН принимают участие в войне против Северной Кореи. Услышав эту новость, все умолкли. Люди не понимали, что происходит, они находились почти в шоковом состоянии. Так чувствуют себя люди, внезапно спустившиеся с большой высоты. Им, верившим в скорое объединение, казалось, что эти сомнительные разговоры — всего лишь слухи, не имеющие никакого отношения к реальному положению дел.

2

В июле уже началась бомбардировка Главного управления Военно-морского флота на нашей улице, Генштаба и других тыловых объектов армии. В спешном порядке в армию были мобилизованы учащиеся старших классов средней школы. С каждым днем обстановка все ухудшалась. Согласно плану

молниеносного наступления, к тому времени наши войска должны были занять Пусан, а чуть позже, 15 августа, в Сеуле должен был состояться праздник победы объединенной Родины. Однако передовая линия фронта застряла в районе городов Масан, Вэгван и Ёндок. Доходящие с передовых позиций слухи только добавляли неясность в умах людей. Исходя из того, что шепчут офицеры, люди делали вывод, что на фронте не все благополучно. Да и без этих слухов вся реальная обстановка способствовала появлению паники в обществе.

Почти каждый день вражеские самолеты бомбили объекты военного назначения. Более того, нападению с воздуха подвергались все объекты, кажущиеся военными, — горные цепи, ущелья, дороги… Замерло всякое движение воинских частей. Люди прятались под землей, в зданиях народных школ или в частных домах. Остановилось движение поездов и других видов наземного транспорта. Что касается армии в целом, то ее фронтовые и тыловые части оказались в состоянии полного хаоса.

Говорят, что беда не приходит одна. Как раз в тот момент, без всякой подготовки, на Север стали отправлять ополченцев из южных районов, в том числе из Сеула. К несчастью, мне пришлось заниматься с ними политико-воспитательной работой. Надо сказать, что делал я это не по своей воле. Для работы с этими ополченцами Главный штаб в спешном порядке сформировал отряд политработников из числа выпускников средней школы. Вот так я оказался среди них.

Именно тогда, хоть и не совсем подробно, я впервые узнал о жизни на юге страны. Вместе с тем у меня возникал вопрос, почему эти южане решили стать ыйёнгунами[2] и вступить добровольцами в армию северян. Хотелось как можно скорее встретиться с ними и тем самым удовлетворить свое любопытство. Порой у меня возникала мысль, что, возможно, эти добровольцы еще верили в объединение страны, невзирая на постоянные бомбежки вражеских самолетов. Мне также хотелось узнать, как изменилась жизнь на юге страны за последние пять лет и соответствует ли она тому, что говорит о ситуации в Южной Корее северная пропаганда. На митингах и собраниях для читки вслух, в кружках по изучению стихов постоянно говорили также о сопротивлении в городе Ёсу{2} и на Чеджудо{3}.

Мне также хотелось знать, кто такие Ли Сынман{4} и Ким Гу{5}, которых с особой ненавистью называли главарями банды южнокорейской реакции. После вывода советских войск из Северной Кореи, в процессе строительства социализма быстро появлялись такие типы, как Пак Чхонок и Чхве Санхо, — неизбежные продукты системы. Мне не терпелось узнать, как же

выглядят строители нового демократического общества на юге страны.

Правда, к этому времени у меня уже были кое-какие представления о жизни людей в Южной Корее. Пищу для размышления давало бегство через 38-ю параллель{6} — на Юг — состоятельных людей. Этот факт неизменно оказывал влияние на душевный настрой других людей. Кроме того, о жизни на другой стороне я узнал от человека по имени Чон Сандон. В последний период японского колониального господства, когда я только поступил в среднюю школу, он уже был учеником 4-го класса средней школы высшей ступени и числился командиром отряда по подготовке учащихся к военному делу. Он производил на меня самое приятное впечатление. Пропорционально сложенный, небольшого роста, с первого взгляда он был похож на отпрыска знатного рода. Кстати, жил он в деревне, жители которой были далеко не бедными. В обычное время всегда спокойный и осторожный, он никогда не вмешивался без повода в какие-либо дела. Однако если возникали какие-то важные вопросы, никто не сомневался, что именно Чон Сандон должен возглавить ученический коллектив. Он пользовался каким-то особым доверием. Так было до освобождения страны от колониального ига и после него.

После изгнания японских колонизаторов, 9 сентября 1946 года в школу пришли новые ученики, но они были в старой темной школьной форме. Почему-то люди стихийно тянулись к Чон Сандону. Рядом с ним всегда находились товарищи, словно показывая тем самым свое уважение. Не случайно он был единогласно избран председателем ученического самоуправления. Свою вступительную речь Чон Сандон произносил тихо, спокойно, но уверенно.

Наступил январь 1946 года. Общая обстановка в стране серьезно осложнилась{7}. В связи с этим произошли изменения и в судьбе Чон Сандона. Новым директором школы был назначен бывший заведующий отделом провинциального Комитета образования. Пользуясь временной неразберихой в рядах руководства, бывший директор школы, а также шесть-семь старшеклассников перебрались на юг страны. В какой-то момент исчез и Чон Сандон.

Возникает вопрос, не являются ли те люди, которые переехали на Юг в начале 1946 года, настоящей «первой волной»{8} с Севера? Хотя людей, перебравшихся в Южную Корею в то время, никак нельзя называть беженцами. Если мысленно вернуться назад, к событиям четырехмесячной давности[3], такое развитие ситуации кажется невероятным, как в детской сказке.

Всё это происходило вопреки новым порядкам, которые устанавливались в тогдашней Северной Корее[9]. Напротив, они скорее напоминали начальный период правления Тайсё и Сева в Японии[4] или беспорядочную жизнь в Южной Корее.

Дело в том, что большинство преподавателей окончили среднюю школу или институт в Японии, а другие (в редких случаях) получили образование в США или в Европе. Эти господа с европейскими манерами выросли в благоприятных условиях, не испытывая никаких серьезных трудностей. Это было видно по манере их поведения. Например, один из них — директор школы в оранжевом европейском костюме с жилетом — каждый раз на утренней линейке, запустив большие пальцы рук в карманы, неизменно любил повторять:

— Господа, сегодня на небе ни облачка. Всё вокруг светло, как это ясное утро!

Я до сих пор отчетливо помню его мягкий, нежный голос, который можно услышать только при чтении детских стихов. Учителя, бежавшие вместе с ним на Юг, несколько лет спустя уже работали на новом месте профессорами, занимали солидные должности в учреждениях. В то же время и в нашей школе понемногу стало исчезать шоковое состояние, вызванное отъездом этих людей. Стала устанавливаться новая северокорейская система. В частности, это было связано с приходом в нашу школу нового директора, бывшего завотделом провинциального Комитета образования. Мы тогда впервые слушали двухчасовую агитационно-пропагандистскую речь настоящего оратора. Например, вот что он говорил:

— В многовековой истории нашей страны тридцать шесть лет — срок небольшой. Но в течение этого периода мы находились под жестоким гнетом японского империализма, и лишь четыре месяца назад пришло долгожданное освобождение. Товарищи школьники! Благодаря славной победе над врагом под мудрым руководством генералиссимуса Сталина происходит освобождение всего угнетенного класса в мире. Нам надо идти в ногу с этим процессом!

Эти слова были сказаны чистым и высоким голосом. Они были непонятны нам и воспринимались плохо. Но в некоторых моментах, когда произносились такие слова, как «история», «социалистический строй», мы все-таки догадывались об их смысле. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами: новый директор, держа в одной руке синюю тетрадь и положив на стол такой же синий головной убор, похожий на ленинскую кепку, на протяжении двух часов произносит пламенную речь, вытирая со лба обильно льющийся пот.

С этого момента слова «Сегодня на небе ни облачка. Всё вокруг светло, как это ясное утро!» были забыты…

Чон Сандон незаметно исчез именно тогда, во времена шатания и разброда. Надо сказать, что все эти события произошли не внезапно. Изменения эти надвигались постепенно, неминуемо. Самоуправление, в котором Чон Сандон был председателем, вскоре превратилось в Кончхон[5], а позже в Союз демократической молодежи.

К тому времени председателем Союза был другой человек. В той сложной обстановке исчезновение Чон Сандона особенно никого не удивило. Люди в какой-то мере привыкли к неожиданностям. Лишь спустя некоторое время мы доподлинно узнали, что наш старший товарищ перебрался на Юг. Поступок Чон Сандона мы объясняли тем, что он все-таки был отпрыском знатного рода и человеком с европейским образованием.

Еще можно отметить, что первые беженцы на Юг были людьми другого склада ума, нежели мы. Что касается тех, кто уехал до закрытия границы по 38-й параллели (то есть «второй волны» беженцев), они стали учителями английского языка, как и те, кто перебрался на Юг до и после 1948 года. А те, кто остались на Юге после 25 июня (во время отступления 4 января 1951 года{10}), считались просто беженцами, и никакой работы им не предлагали. Чон Сандон относился к «первой волне» переселенцев. По слухам, он учился на юридическом факультете Сеульского университета. Если это действительно так, то, полагаю, он мог поступить туда только благодаря своим способностям.

С момента исчезновения Чон Сандона прошел почти год, наступил 1947-й. Значит, это произошло приблизительно перед зачислением Пак Чхонока в нашу школу. И вот однажды — совершенно неожиданно — во время каникул явился Чон Сандон. Наше удивление усиливалось еще и тем, что к этому времени переход через 38-ю параллель был строго запрещен. Граница была на замке. Сторонники японского империализма к тому времени в большинстве своем уже покинули Север.

Возникал вопрос: почему он уехал на Юг? Может быть, хотел учиться в высшем учебном заведении? Но ведь к тому времени и в Северной Корее был открыт университет в Пхеньяне, куда устремлялись взоры многих молодых людей.

В то время переход границы между двумя государствами, через 38-ю параллель, был опасным делом. Обычно перебежчики пересекали демаркационную линию через город Ёнчхон с помощью нанятого проводника. При обнаружении нарушители границы могли быть посажены в тюрьму или даже расстреляны

советскими войсками. Однако Чон Сандон, недавно вернувшийся с Юга, казалось, не испытал никаких трудностей. Глядя на его поведение, можно было решить, что он переходил границу средь бела дня, как бы играючи. Трудно было поверить этому факту. Мы объясняли это его незаурядными способностями. Он рассуждал, что никто не вправе помешать ему бывать в родных местах когда захочется. Как бы то ни было, Чон Сандон выглядел так же, как и до бегства на Юг. Теперь, как и другие южане, он был модно одет; носил костюм с галстуком, был коротко подстрижен. Но все же его прическа отличалась от других. Светлый затылок производил какое-то особое впечатление. Чон Сандон выделялся особым изяществом, присущим только ему. В остальном он остался таким же, каким был, возглавляя ученическое самоуправление.

Он просто хотел вернуться в родную школу — и вернулся. Чуть позже стало известно, что его семья ушла на Юг в начале 1946 года, когда началась «первая волна» перехода северян на Юг. А теперь он снова в родной школе. Сопровождаемый одним из учеников младших классов, он вошел в школу. Скромно улыбаясь, он внимательно рассматривал помещение. Наверное, он хотел увидеть, какие изменения произошли за время его отсутствия. Казалось, что ему было немного грустно вспоминать, как в прошлом он был председателем ученического самоуправления, которое после превратилось в Союз демократической молодежи. Однако на его лице не было ни тени обиды. Вероятно, он рассуждал, что жизнь развивается по своим законам, так или иначе. Ещё больше в этот день меня удивил тот факт, что он выступил перед учащимися. По окончании занятий пришел срочный приказ руководства Союза демократической молодежи школы. В нем говорилось о собрании вожаков ученических групп. Местом сбора было помещение, похожее на зал, в котором при японцах занимались фехтованием или дзюдо. Теперь этот зал не использовался по назначению. К началу собрания убрали татами, так что остался лишь голый блестящий темный пол. По старой привычке мы называли его «мудочжан» (танцплощадка). В последнее время он предназначался для проведения различных мероприятий и для встреч важных персон. Поэтому я сразу подумал, что будет важный митинг.

В этот день поздней зимы погода была на редкость мягкая. Облака висели над землей довольно низко, словно предвещая обильный снегопад. Группами по несколько человек мы вошли в зал, где еще чувствовался затхлый запах после недавней уборки. Осмотревшись, старосты групп рядами устроились на полу.

Некоторое время спустя в сопровождении председателя Союза демократической молодежи в зале появился человек,

которого все ждали. Глядя на него, я подумал, не Чон Сандон ли наш гость. Уж очень был похож на него. Подойдя к столу, над которым висел большой национальный флаг тхэгыкки[6], председатель сказал:

— Сегодня мы решили послушать необычный доклад. Дело в том, что уважаемый всеми нами Чон Сандон несколько дней назад прибыл из Сеула, где в наши дни он возглавляет борьбу против проекта реорганизации Сеульского государственного университета{11}. Попросим нашего уважаемого старшего товарища рассказать об этой борьбе!

Чон Сандон, слегка улыбаясь, направился к столу. Первые несколько секунд он стоял у края стола молча. Потом тихим голосом сказал:

— Только что председатель Союза демократической молодежи сказал, что я руководитель борьбы против проекта реорганизации Сеульского государственного университета. Это не совсем так. Я не являюсь руководителем, я всего лишь один из участников этого движения.

Одновременно с этими словами он посмотрел на председателя Союза демократической молодежи и слегка улыбнулся. И мы, сидевшие на полу, также улыбнулись, глядя на него.

В самом деле, по его внешнему виду нельзя было сказать, что он активный борец. Он производил впечатление довольно мягкого и нежного человека. Но говорить начал уверенно, четко расставляя акценты. Прежде всего он начал свою речь с прямой постановки вопроса: что такое проект реорганизации Сеульского государственного университета? Чьи это козни? Кому это выгодно? Говорил он просто, ясно, но основательно, так что все хорошо его понимали. Его выступление резко отличалось от тех, которые обычно слушали учащиеся. Раньше ораторы говорили долго, нудно, навязывая своим слушателям идеологические штампы. Чон Сандон же говорил очень конкретно, уделяя основное внимание анализу современной обстановки. В его общении с аудиторией не было абсолютно никаких негативных моментов, будь то верхоглядство или возвеличивание собственной персоны, как это часто бывало у других докладчиков.

Его улыбка была похожа на наивную, детскую, но в целом он производил сильное впечатление. Именно сочетание этих приятных качеств способствовало его успеху в борьбе против проекта реорганизации Сеульского государственного университета в Южной Корее.

Вполне логично возникает вопрос, почему такие люди, как Чон Сандон, которым до смерти надоели такие люди, как учитель

Чхве Санхо, Пак Чхонок и им подобные типичные образцы северокорейской системы, выступили против проекта реорганизации Сеульского университета.

Именно Чон Сандон был тем человеком, через которого я более или менее узнал о реальной жизни в Южной Корее. И вот вскоре он снова ушел на Юг через 38-ю параллель. С того момента в течение вот уже сорока лет от него нет никаких вестей. Есть только предположения. Например, о том, что 25 июня[7] Чон Сандон был убит в Сеуле северянами или южанами, или о том, что он перебрался на Север добровольцем в Народную армию. При таких предположениях он никак не мог сказать в начале весны 1947 года такие слова: «Я на моей земле хожу там, где хочу, и никто мне не запретит». Впрочем, есть еще одна версия о нем. Быть может, он, воспользовавшись сложной обстановкой в стране, вместе с семьей эмигрировал в США в 1950-х годах? Теперь же, будучи гражданином США, как важный господин путешествует по горам Кымгансан или Пэктусан? Такая версия также не исключается…

3

Одним из эпизодов моего знакомства с южнокорейской жизнью была встреча с человеком по имени Ли Гванчжин. Он жил; в местности Хончхон провинции Канвондо. Мы были одноклассниками. В нем не было простоты, свойственной деревенским мальчишкам, и с самого начала пребывания в нашем классе он привлекал к себе внимание. Как и другие ребятишки из соседних деревень, он пришел учиться в нашу школу после освобождения Кореи. Вообще, в то время быстро появлялись новые школы. Этому, в частности, способствовала большая тяга людей к знаниям после изгнания японских колонизаторов.

Дети из ближних деревень Анбён, Мунчхон, дальних южных районов Сепхо, из отдаленных северных сел Ковон и Ёнхын жили в пансионате и ежемесячно платили за жилье по два маль риса[8]. Большинство этих деревенских детей отличались простотой, добродушием и трудолюбием. У них была как бы своя атмосфера. Не случайно за какие-то пару лет они добились больших успехов в учебе, общественной деятельности. Многие из этих ребят занимали руководящие должности в Союзе демократической молодежи и играли важную роль в школьной жизни.

Между тем Ли Гванчжин, будучи также родом из деревни, отливался от своих сверстников. Прежде всего, он выделялся своим внешним видом, выглядел щеголевато даже по сравнению с городскими ребятишками. Зимой он носил дорогое пальто с

капюшоном, а под ним — добротный свитер серого цвета с белым волнистым узором на груди.

Формально в графе о социальном происхождении было сказано, что он из средних крестьян. Однако стоило копнуть немного глубже, как выяснилось, что его семья занималась не только земледелием, но и торговлей, в частности рыбной. Факты говорили о том, что он выходец из состоятельной семьи. К тому же его родной брат окончил медицинское училище «Северанс»[9] и работал врачом-стажером в больнице. В то время беднякам такое образование было фактически недоступно. Дети из торговой среды учились не хуже других, и Ли Гванчжин был тому отличным примером.

По натуре он был вспыльчивым и неуравновешенным человеком. Например, если возникали ссора или драка между учениками, то он набрасывался на других с шилом в руке. Голос у него был чуть болезненный и осипший.

Был такой случай. Кажется, это происходило во втором классе средней школы в конце второго семестра на экзамене по родному языку. Ли Гванчжин сидел недалеко позади меня. Ответив на вопросы экзаменационного билета, я немного призадумался о чем-то, точнее — думал, что делать дальше. В это время по моей спине сзади легонько стукнули три-четыре раза. Когда я тихонько повернулся, он быстро губами подал знак, чтобы я подвинул экзаменационный билет к концу стола. Я был слегка растерян, потому что впереди стоял экзаменатор, наблюдавший за нами. Кстати говоря, в физике и химии Ли Гванчжин разбирался лучше, чем я, и в классе между нами происходила незаметная конкуренция за звание лучшего ученика. Не ответив на его просьбу, я подошел к экзаменатору, положил на стол билет и удалился. Выходя, я украдкой оглянулся.

Успел заметить, что Ли Гванчжин нервно кусает кончик карандаша, лицо его было багрово-красным от волнения. Потом мы встретились на стадионе. Со злостью он сказал мне, что мой поступок является мелочным и смешным из-за какого-то престижа. Но никто из присутствующих при этом разговоре не поддержал его. Тогда спрашивается: если он не стремится занять почетное место в классе, то почему хотел воспользоваться чужим экзаменационным листом? Но присутствующие не задали ему этого вопроса. Видимо, им не хотелось накалять обстановку, глядя на его поведение. Все знали, что он большой эгоист и в любой момент может выкинуть какой-нибудь неприятный номер.

Изменения, происходящие в школьной жизни, все больше раздражали Ли Гванчжина. Например, он с самого начала невзлюбил Пак Чхонока. При случайной встрече с ним его трясло

от ненависти, как гусеницу шелкопряда. У него менялся цвет лица, он с отвращением харкал и исчезал как можно быстрее.

Пак Чхонок знал об этом. При встрече с Ли Гванчжином в его глазах загорались угольки ненависти. Это было типичное поведение двух враждующих людей. Я про себя подумал, что так, наверно, выглядели отношения между коммунистами и нацистами в далеком 1930 году в Германии. Разумеется, взаимоотношения людей во многом зависят от состояния общества, но отношения этих двух людей выглядели как естественное, врожденное поведение.

Еще один случай довольно сильно повлиял на Ли Гванчжина. Стало известно, что он встречается с ученицей старшего класса средней школы. Кстати, он этим гордился. Такая дружба была необычным явлением для тогдашнего времени. Вскоре эта новость дошла до Пак Чхонока, вожака ученической группы. Этот факт никак не мог пройти мимо него. На очередном субботнем собрании первичной организации молодежи, как и следовало ожидать, Пак Чхонок включил данный вопрос в повестку дня как основной. После сообщения Пак Чхонока выступили и другие активисты, единогласно осудившие поведение Ли Гванчжина.

Его обвиняли в индивидуализме, во вседозволенности, проявлении буржуазной морали, которое ни в коем случае нельзя простить. В процессе осуждения приводили факты во всех подробностях. Одним словом, вытряхивали все до дна. В конце выступил Ли Гванчжин. Надо отметить, что он был не робкого десятка. В отличие от других учеников, чьи поступки разбирали на собраниях, он вовсе не собирался заниматься самокритикой. Наоборот, в какой-то мере пошел в наступление. Вот что он сказал:

— Что плохого в том, что молодые люди встречаются? Как известно, я живу один, далеко от родного дома. Эта ученица, как старшая сестра, стирает мне белье, помогает в разных домашних делах. Я считаю, что в этом нет ничего плохого. Наоборот, ее поступки заслуживают похвалы! — Этими словами он закончил свое выступление.

Однако и Пак Чхонок был настроен решительно. Он не унимался:

— Если ваши отношения действительно товарищеские, как между братом и сестрой, то почему ты в гнилой буржуазной манере распространял подозрительные слухи? Если товарищ не осознаёт свою вину и только оправдывается, то дело принимает более серьезный оборот, и мы не можем закрывать глаза на это. Есть мнение, что дело надо передать общему собранию Союза демократической молодежи.

Ли Гванчжин не на шутку испугался и только теперь, вопреки желанию, начал самокритику. Через несколько дней после собрания первичной организации Ли Гванчжин внезапно исчез. Все заметили это и забеспокоились. Активисты ходили в общежитие, где проживал наш герой, но ничего не смогли выяснить, кроме того, что будто бы несколько дней назад он сказал, что съездит домой. Взял сумку и ушел.

Однако через двадцать дней он неожиданно появился в школе. Несколько позже выяснилось, что все это время он вместе со своей подругой находился в устье реки Туманган, изучая пути перехода через границу в Советский Союз. Там он был задержан пограничниками, которым говорил, что хочет попасть в Москву, где быстрее, мол, изучит опыт строительства социализма. При этом у беглеца были обнаружены золотые изделия и дорогой мех. Обоих нарушителей пограничники передали местным властям и сделали запрос в школу, а также сообщили об инциденте по месту жительства. После первоначального расследования беглецы были доставлены поездом в школу. Органы безопасности снова их допросили, а затем отпустили, рассматривая поведение Ли Гванчжина как легкомысленное и неосознанное. Руководство школы решило также не поднимать лишнего шума. Отчасти такое либеральное отношение к беглецам объяснялось тем, что брат девушки в то время был одним из кадровых работников провинциального Комитета партии.

Не прошло и месяца после этого случая, как Ли Гванчжин снова исчез. На этот раз он перебрался на Юг. Из-за вмешательства брата девушки Ли Гванчжин вынужден был расстаться с ней. Теперь у него был единственный выход — бежать в Южную Корею.

Между прочим, в один из ранних весенних дней 1948 года он снова появился в нашей школе. Рассказывал, что в Южной Корее он учился в школе Пэчжэкодынхаккё[10], но из-за какого-то инцидента попал в список неблагонадежных и вынужден был бежать оттуда на Север. Надо сказать, вел он себя вызывающе, агрессивно. По манере его поведения, по одежде в некоторой мере можно было судить о жизни на «той» стороне. Носил он широкие брюки черного цвета, которые плотно прилегали к туфлям. От него исходил душистый аромат лосьона. Но от этого запаха веяло чем-то чужим, непонятным, отталкивающим. Вместе с тем этот человек принес с собой новую пищу для размышлений.

Как известно, в большом мире человек существует как его частица, но у него своя жизнь. Это явление сложное. Нечто подобное я сам ощущал, будучи северокорейским беглецом. Это было в декабре 1950 года в Пусане, когда мне было семнадцать

лет. Тогда я впервые пришел на причал № 3 ночью в поисках работы и в первый раз услышал простую мелодию «Лунная ночь в Силла»[11]. В то же время по радио постоянно передавали песню Патти Пэйдж{12}, казалось, эта песня подобна ушату грязной воды, который вновь и вновь выливали на голову.

Несмотря на неприязнь к только что вернувшемуся Ли Гванчжину, нужно сказать, что была в нем какая-то живость. Но, в отличие от Чон Сандона, он не обладал ни искренностью, ни серьезностью. Он носил кепку, вымазанную смолой. А манеры его были довольно развязные. Хвалился тем, что на Юге его научили, как правильно бить ногами, и пытался показать это другим ученикам. Глядя на то, как отталкивающе он себя ведет, можно было подумать, что это норма поведения человека на Юге. Ли Гванчжин даже признавался, что принимал участие в поножовщине, в которой был тяжело ранен сын одного высокопоставленного чиновника. Именно по этой причине, как он говорил, ему и пришлось бежать на север страны. Тогда нам казалось, что эти его слова не так уж далеки от истины.

Несмотря на явную антипатию, активисты школы — Пак Чхонок и другие — не знали, как с ним поступить. В какой-то мере они находились в щекотливом положении: было неясно, как оценить действия Ли Гванчжина — отрицательно или положительно. Однако примерно через два месяца Ли Гванчжин снова стал объектом острой критики. Да и сам он начал падать духом. Жалко было смотреть на него, чахнущего день ото дня. Через несколько месяцев, в начале 1949 года, он снова ушел на Юг. Это был его окончательный выбор. Кто знает, где он нашел пристанище — в этом или в ином мире…

Глава 2
Южане

1

Когда я впервые встретил Каль Сынхвана, члена партии Намнодан[12], только что прибывшего с Юга, вдруг вспомнил младшего брата моей матери. Внешне они были не похожи друг на друга. Но странным образом создавали вокруг себя удивительно похожую атмосферу. Мой дядюшка работал секретарем в кооперативе рыбного хозяйства, поэтому раньше других крестьян познал прелести городской жизни. В это время в городе происходили некоторые изменения: были снесены мрачные дома с черепичной крышей, окруженные глинобитной оградой. При строительстве новых домов использовались толстые прозрачные стекла и дорогой камень. Более того, многие к тому времени уже обзавелись невиданными до той поры радиоприемниками «Денис» 10-го класса. Их включали так громко, что казалось, будто переезжает вся деревня Кильмёлли.

Как настоящий городской житель, дядя ездил на работу на велосипеде красного цвета, а перед окончанием войны красовался в военной форме и в модной пилотке. Кажется, где-то за год до освобождения он принес к нам домой радиоприемник «Демиан» 4-го класса.

После освобождения, как только в страну вошли советские войска, мой дядюшка «повернул на 180 градусов» и первым делом вступил в Компартию. С этого момента началась у него новая жизнь. Перед началом Корейской войны 1950–1953 годов он уже был председателем сельского совета.

Мой покойный отец, можно сказать, с симпатией относился к маминому брату. Отцу нравился дядя прежде всего как человек, без оглядки на занимаемую им в тот момент должность. Но мне, в отличие от отца, не нравился дядюшкин характер. Каль Сынхван, мой новый знакомый, своим поведением напоминал мне дядю.

В первой декаде августа война уже близилась к концу. С самой первой встречи господин Каль Сынхван произвел на меня какое-то странное впечатление. Это был высокий, худощавый, довольно стройный человек в пенсне. Ему было около тридцати лет. И в разгар лета, как ни странно, он носил темный шерстяной свитер. Даже в строю среди пятидесяти человек Каль Сынхван выделялся благодаря высокому росту. Так что поневоле можно было заметить его небрежно торчащие на затылке волосы. Этот

неприглядный вид я запомнил надолго.

В тот день после обеда вместе с двумя сослуживцами я выехал из спецотряда, который дислоцировался в Нансоне. На грузовике мы прибыли в Тансалли, где располагался резервный батальон бригады. Там мы получили приказ вести политико-воспитательную работу с только что прибывшими новобранцами.

К началу августа так называемого резервного батальона уже фактически не существовало. Осталось лишь несколько человек, которых разместили в доме для приема гостей. А новобранцы вынуждены были размещаться в землянках под холмами или в подземных помещениях под фруктовыми деревьями. Служба в этом батальоне была совсем не трудная. Обучив элементарному обращению с оружием и кое-как научив новобранцев петь короткие песни, через неделю их отправляли в распоряжение вышестоящего командования.

Когда мы прибыли сюда, нас встретил симпатичный офицер, похожий на человека аристократического происхождения. Быстро накинув на себя плащ, он вышел во двор. Приветствуя нас, он несколько сдержанно произносил слова:

— С прибытием, товарищи! В пути вас не застала бомбежка? Недавно из Сеула к нам прибыли добровольцы. Вы должны провести с ними политико-воспитательную работу.

Признаться, никто из нас не обрадовался такой перспективе. Вместе с тем нам хотелось увидеть южан, о которых мы знали только понаслышке. Сначала мы были немного растеряны, потому что не понимали, как проводить с ними идеологическую и политическую работу. Мы ведь совсем их не знали, никогда не видели. Заметив нашу неуверенность, офицер слегка улыбнулся и негромко сказал:

— Не надо так волноваться, не принимайте это так близко к сердцу, не преувеличивайте трудности. Полагаю, вы уже успели заметить, что в батальоне не хватает людей. Здесь просто некому проводить эту работу. Предлагаю начать ваши занятия с добровольцами с хорошо известных песен, популярных в этих местах. Товарищи с Юга должны знать такие песни, особенно русские. Надеюсь, ваше образование позволит хорошо справиться с моим заданием. Желаю успехов! Благодарю вас за внимание!

Судя по тону разговора, офицер северокорейской армии уже успел перенять кое-какие бюрократические манеры чиновников нового общества.

То, что я не знал людей, с которыми мне предстояло работать, немного смущало меня. Я думал: по плечу ли мне эта работа? Раньше, в течение пяти лет учебы в школе, я всегда принимал участие в разных идеологических мероприятиях только

в качестве пассивного слушателя. Коллективные читки, политзанятия, особенно посвященные критике и самокритике, были мне хорошо знакомы. Они были настолько неинтересны, а иногда даже противны, что при первой же возможности всеми правдами и неправдами я старался не ходить на такие мероприятия.

И вот, по иронии судьбы, именно мне поручают проводить такую работу, которую я ненавидел всеми фибрами моей души. Я подумал про себя: за что же так жестоко судьба наказывает меня? Конечно, в жизни бывают дела и похуже. Но такая работа больше всего подошла бы таким типам, как Пак Чхонок.

Однако еще в начале июля, пока мы, старшеклассники, готовились к мобилизации, активисты Союза демократической молодежи, в том числе и Пак Чхонок, были отправлены в качестве агитаторов и пропагандистов в «культурные бригады» на занятые северокорейскими войсками территории. Я представил, что в данный момент он с пеной у рта проводит агитационно-пропагандистскую работу где-нибудь в таком месте.

Мы поужинали раньше обычного и отправились через центр деревни в сторону дамбы. У берега раздетые по пояс военные повара вытирали посуду, только что вымытую в речной воде. Пройдя мимо них, мы заметили сидящих на скалистом берегу людей, наблюдавших за заходом солнца. Они сидели на корточках; мне показалось, что их было более пятидесяти. Когда мы подошли поближе, они дружно, словно по команде, посмотрели в нашу сторону. Даже с первого взгляда можно было заметить, что это была группа совершенно случайно собравшихся людей. На самом деле это было правдой. Они были мобилизованы из самых разных мест на юге страны и шли на Север днем и ночью в течение нескольких дней. Внешний вид у них был одинаково неряшливый, но это были разные люди. Они смотрели по сторонам перепуганными, покрасневшими глазами. Этим мальчишкам с наивными лицами было примерно по 15–16 лет. До мобилизации они работали в различных мастерских слесарями, токарями, ремонтниками. Одним словом, это были молодые рабочие. Создавалось такое впечатление, будто их против воли забрали прямо с рабочего места. Правда, кроме этих мальчишек, мы заметили нескольких старшеклассников в ученической форме. Среди них своим горделивым видом выделялся Каль Сынхван — высокий сухощавый человек в шерстяном свитере и в очках, сидевший позади всех.

В создавшейся обстановке прежде всего мы должны были собрать сведения об этих людях. Для этого им раздали по листу бумаги, где были указаны следующие пункты: фамилия, имя,

место постоянного жительства, социальное происхождение, пол, род занятий, семейное положение, увлечения на досуге, группа крови, желаемая воинская часть, причины вступления в добровольческую армию, партийность или принадлежность к иной организации на юге страны. Однако истинная наша цель прежде всего заключалась в том, чтобы они предъявили партбилеты или удостоверения личности.

Если говорить точнее, то руководство бригады поставило перед нами конкретную задачу: как можно тщательнее проверить достоверность каждого слова, сверить каждую анкету с личностью хозяина. Формально эта работа называлась политико-воспитательной. В действительности же преследовалась другая цель: установить социальное происхождение каждого человека, выяснить, каким образом он оказался в числе добровольцев. В общем-то, для этого достаточно было выяснить партийную принадлежность и установить организацию, в которой человек работал до призыва.

Просмотрев заполненные анкеты, я убедился, что среди добровольцев были люди из самых разных слоев населения: рабочие, учащиеся, беднейшие крестьяне и торговцы. Прежде всего меня интересовало их социальное происхождение. По анкетным данным, в числе наших добровольцев были два-три члена Трудовой партии. Одним из них оказался Каль Сынхван. В анкетах встречались и знакомые мне названия средних школ высшей ступени в Ёнсане, Кёнбоке и Кёндоне.

Перед окончанием полной средней школы высшей ступени я был спешно мобилизован. Возможно, эти старшеклассники с Юга тоже хотели внести свою лепту в историю Объединения Родины. Потому, наверное, и вступили в ряды добровольцев, мечтая отметить праздник Объединения в Сеуле 15 августа. Честно говоря, я, как учащийся старшего класса, испытывал определенное любопытство к сверстникам с Юга. Поневоле обращал на них внимание, особенно на самого молодого и симпатичного парнишку, который всегда сидел впереди нас. Его звали Ким Чжонхён.

По сравнению с самодовольным Каль Сынхваном, сидевшим на самом последнем ряду, этот юноша выглядел неуверенным, даже несколько печальным. Казалось, он не знал, куда себя деть. И в то же время он производил какое-то теплое, приятное впечатление. Он сидел как раз впереди меня и все время что-то записывал. Мне стало любопытно, и я, украдкой взглянув на эти записи, прочитал: «18 лет, второй класс средней школы повышенной ступени». Значит, подумал я, он моложе меня всего на год. Однако выглядел Ким Чжонхён еще моложе и казался

очень наивным. Он был одет в брюки Американской армии с большими карманами, пришитыми по обеим сторонам. Кстати, тогда я впервые в жизни увидел американскую форму. Кроме того, он носил добротную куртку, дорогие наручные часы и очень модный для того времени головной убор. К моему удивлению, он совсем не знал, как обращаться с оружием. Так, во время чистки ствола винтовки вместо шомпола он держал в руках какую-то железную палочку.

При всем желании невозможно было предположить, что Ким Чжонхён оказался в рядах добровольцев по своей воле. Уж больно не похож он был на человека, способного служить в армии. Создавалось такое впечатление, что он в модной одежде отправляется куда-то на прогулку. Уже с первого взгляда можно было определить, что он житель Сеула, а никак не Северной Кореи и что на Север он попал абсолютно случайно. Но он совершенно не унывал, вел себя довольно спокойно, не тревожась ни о чем. Мне приятно было находиться рядом с ним. Поскольку он сидел недалеко от меня, однажды, как бы случайно, я задал ему несколько вопросов. Кстати, это было мое первое неофициальное общение с добровольцами с Юга.

Я спросил:

— Вы, товарищ, учились в школе?

— Да. Учился во втором классе средней школы повышенной ступени.

— А где вы живете, ваш постоянный адрес?

— Наш дом находится на улице Чонно, 2, — ответил он четко, глядя на меня своими ясными глазами. Затем, скромно улыбнувшись, добавил:

— Мое хобби — верховая езда. Я хорошо езжу на лошади. Если бы сейчас здесь была лошадь, то я тотчас же мог бы сдать вам экзамен. Раньше мы вместе с отцом каждое утро по два часа ездили верхом.

Обращаясь ко мне, он, по корейскому обычаю, называл меня старшим братом. Никто до него еще не обращался ко мне так уважительно. Совершенно не понимая, в какой обстановке мы находимся, какие последствия может повлечь за собой подобный разговор, он откровенно говорил со мной. От неожиданности я даже смутился и немного покраснел. А он, не догадываясь ни о чем, продолжал рассказывать:

— Мой отец был депутатом парламента. Однажды я с матерью ехал в деревню на повозке, запряженной волом. И по дороге случайно был схвачен какими-то незнакомцами.

Захихикали люди, случайно подслушавшие наш разговор. А он, не обращая ни на кого внимания, продолжал рассказывать:

— Мы жили в просторном двухэтажном доме на проспекте Чонно, 2. Старший брат, вы приедете к нам в гости после Объединения? Обязательно приезжайте. Мы будем очень рады. Договорились?

Я спросил как бы ненароком:

— Откуда у тебя эта железная палка?

— А, это? Во время отступления Национальной армии какой-то дядя выбросил ее с грузовика.

Я серьезно опасался, что нас могли подслушать. Ведь если случайно кто-то из людей, сидящих рядом со мной, вроде Пак Чхонока, услышит наш разговор, то я неминуемо стану объектом критики на специальном собрании. Думая об этом, я посмотрел по сторонам, особенно на задние ряды, где сидел Каль Сынхван. Именно в этот момент он поднял руку и громким голосом спросил:

— Чем отличаются понятия «социальное происхождение» и «род занятий»? Дело в том, что в Южной Корее при вступлении в партию мы уже отвечали на подобные вопросы. Хотелось бы знать — здесь, в Северной Корее, делают то же самое или нет?

Я тут же задал ему встречный вопрос:

— А вы член партии?

— Да, — последовал ответ.

— В какой партии состоите?

— В Трудовой партии Южной Кореи. В настоящее время она объединилась с Трудовой партией Северной Кореи.

— Носите при себе партбилет?

— Нет.

— Как же так? Вы член партии и не носите партбилет с собой?

— Дело в том, что после приезда сюда, в республику, я не успел получить новый партбилет. Однако старый, наверно, сохранился… Хотя точно не могу утверждать, что это так.

— Хорошо, поговорим об этом позже, — сказал я.

Затем, знакомясь ближе с присутствующими, я стал объяснять, чем отличается социальное происхождение от рода занятий. Хотя Каль Сынхван и кивал головой, словно соглашаясь со мной, вел он себя сдержанно, с лица его не сходила подозрительная, ироничная улыбка. Нервы мои были напряжены, но я делал вид, что ничего не замечаю. Большинство добровольцев уже заполнили свои анкеты, но Каль Сынхван все еще продолжал что-то писать. Мне захотелось узнать, почему он так долго заполняет. Я подошел поближе и увидел, что он добавил еще одну графу и в ней написал небрежным почерком: «жизненный путь борьбы». Я был недоволен и не счел нужным это

скрывать. Довольно холодно я сказал ему:

— Пожалуйста, заполните сначала уже имеющиеся графы, а другие успеете позже.

Каль Сынхван нехотя протянул мне свои записи:

— Да. Теперь закончил.

В анкете было написано: возраст — 29 лет, место проживания — Сеул, социальное происхождение — из рабочих (революционер), род занятий — учитель…

С самого начала он показался мне немного чудаковатым.

2

Как человек Каль Сынхван мне не нравился, поэтому не очень-то интересовал меня. Но я вынужден был контактировать с ним и собрать его анкетные данные, чтобы передать вышестоящему органу.

Можно сказать, что этим добровольцам с Юга изначально не везло. Сначала все они — пятьдесят человек из разных провинций Южной Кореи — были собраны в Сеуле. Однако в последней декаде июля они оказались никому не нужными людьми: по существу, никто конкретно за них не отвечал. В хаотической обстановке тех дней каждая воинская часть, каждое учреждение прежде всего думало о собственном спасении. Этих бесхозных людей перебрасывали из одной инстанции в другую, словно волейбольный мяч на игровой площадке. Иногда в течение двух дней (а бывало даже каждый день) их то сдавали, то принимали различные организации. Например, из мобилизационного отдела направляли в интендантский, затем в какую-то тыловую часть, потом в штаб корпуса и т. д. Эта неразбериха продолжалась до августа, пока их не отправили на Север, где кое-как разместили в нескольких подразделениях.

Каль Сынхван как-то рассказал мне:

— Сначала в отряде было около ста человек, но постепенно количество добровольцев уменьшалось — удирали, кто как мог. Да и никакого контроля, по существу, не было. Для порядка утром и вечером делали перекличку. Сдающая и принимающая стороны не знали ни фамилий людей, ни их точного количества. Одним словом, не было никакого учета. Тогда я решил как-то остановить уменьшение численности нашего отряда. Как член партии я был обязан это сделать. Вообще кто-то должен сделать первый шаг для наведения элементарного порядка.

Формальным поводом для нашего разговора послужило его стремление рассказать, почему он не носит с собой партбилет. Однако, по существу, Каль Сынхван ничего конкретного не

объяснил, все говорил о последних событиях в жизни добровольцев. При этом он не раз намекал на сугубо доверительный характер разговора. Однако я критически отнесся к его сообщениям, считая, что это его личное мнение, которое не может быть официально подтверждено. Вот почему, откровенно говоря, я с самого начала пропустил его слова мимо ушей. Полагаю, что точно так же поступали и те, кто сдавал и принимал этих несчастных добровольцев. Даже если кто-то и попытался навести порядок среди этих неорганизованных людей в той обстановке хаоса и неразберихи, это все равно ни к чему бы не привело. Вообще говоря, никого это и не интересовало, кроме Каль Сынхвана. На общем фоне он выделялся своим пылким характером.

Каждое воинское подразделение, принимая добровольцев, не получало никаких сопроводительных документов, поэтому его руководство абсолютно не знало, кто какую должность занимает в отряде. Вообще-то принимающая сторона особенно и не задавалась этим вопросом. И люди, передаваемые по такой упрощенной схеме, в том числе и Каль Сынхван, тоже постепенно привыкали к своему положению и старались сдерживать свое волнение при встрече с новым начальством.

Каль Сынхвану, возглавившему эту группу добровольцев с самого Сеула, по-видимому, тоже было неловко рассказывать о себе и о своей работе каждый раз при встрече с начальством новой воинской части. И это не случайно. Подчиненные ему добровольцы относились к нему вполне лояльно. Но в то же время каждый стремился решать свои проблемы самостоятельно, исходя из конкретной обстановки. Так что о внутренней сплоченности команды не могло быть и речи. К своей работе люди относились совершенно безразлично, вели себя как посторонние наблюдатели.

Каль Сынхван вынужден был приспосабливаться к этой сложной обстановке. Особенно трудно ему было найти точку соприкосновения с новыми начальниками очередных воинских подразделений, в которые добровольцев забрасывала судьба. Он хотел любыми способами выделиться из толпы новоприбывших, чтобы его как можно быстрее заметили. В данном случае он был похож на незадачливых школьных вожаков, которые стремятся во что бы то ни стало показать себя перед новым классным руководителем, когда переходят из одного класса в другой. Они уже с первого урока выпендриваются, чтобы выделиться на фоне других учеников. Так они стремятся сохранить свой статус в следующем классе. Это уже можно назвать проявлением властолюбия.

Так и Каль Сынхван при каждом удобном случае пытался показать свою руководящую роль в отряде добровольцев начиная с самого Сеула, где он собрал этих людей. Конечно, его заслуги в отношении организации людей имеются, никто не отрицает. Вместе с тем он хотел не просто привлечь внимание, ему было необходимо, чтобы его оценили.

В первый же вечер на политзанятиях я кратко познакомил добровольцев с несколькими советскими военными песнями. До службы в армии я был членом городского молодежного клуба любителей поэзии. Поэтому без особых трудностей находил общий язык с молодыми людьми и, можно сказать, чувствовал себя уверенно среди них. Полагаю, что и слушатели вполне были довольны мной. Особенно радовались студенты, увлекающиеся стихами и песнями. Вот одна из этих песен:

…Льется над Доном военная песня,
Любимая провожает молодого казака.
Над полями и лугами зарождался рассвет,
Засверкала вода на реке,
Девушка на прощание дарила ему кисет…

...Проводы завтра, утром ранним.
С песней веселой ночь проведем,
Любимая улица, мне завтра в море.
Утро настанет, исчезнет туман,
С борта увижу платочек знакомый…

…В темную ночь на границе Приморья
Зорко глядит часовой молодой,
Страха не зная, стоит на посту.
В далекий путь меня провожая,
Любимая мне у ворот помахала рукой…

Вот такие отрывки песен я исполнял на русском языке, сопровождая определенными комментариями. Эти простые народные песни трогали слушателей, особенно молодых людей, гораздо больше, чем легкомысленные, бравурные японские военные песни.

Как известно, песня выражает естественные чувства человека. В те годы основная масса молодежи постоянно слушала только легкие популярные песенки. Они тогда назывались «модными». Но многим надоедало однообразие, им хотелось услышать более трогательные, близкие к сердцу песни.

Общаясь с этими молодыми людьми, я понял, как быстро

веселая и мелодичная военная песня затрагивает душу слушателей. Как это помогает в агитационной работе. Не случайно первые занятия прошли очень успешно, а результат превзошел все наши ожидания. Офицер, поручивший нам воспитательную работу, был очень доволен. Больше всего он было поражен тем, что я знал так много советских песен. Вместе с тем, вспоминая тогдашнюю мою политико-воспитательную работу с этими добровольцами, я иногда думаю, что слишком увлекался советскими песнями и недооценивал народные песни своей страны. Тогда мне было невдомек, что некоторые из присутствующих были мною недовольны. К их числу относились Каль Сынхван и член Трудовой партии Ким Сокчо. Они были явно возмущены тем, что молодым людям так нравятся советские песни. Еще будучи школьником, я ходил в городской молодежный клуб, не только чтобы петь песни. Это помогало мне избежать участия в скучных политико-воспитательных мероприятиях, проводимых в школе. Разумеется, об этом никто не догадывался.

Итак, первый вечер отдыха удался. Он продолжался примерно два-три часа. Поскольку было уже поздно, я привел добровольцев в землянку, которая находилась в фруктовом саду. Сообщив распорядок следующего дня, я вышел на улицу. Незаметно следовавший за мной Каль Сынхван вдруг сказал:

— Извините, я хочу вам кое о чем сообщить.

Я думал, что он хочет поговорить со мной по поводу партбилета, о котором мы с ним разговаривали раньше. Высоко в небе облака закрывали луну, поэтому в саду было темно, хотя можно было разглядеть висящие на деревьях спелые плоды. Неподалеку журчал ручей, а во дворе одного из домов беззаботно лаяла собака. Была ранняя осень, и уже хорошо чувствовалась ночная прохлада, воздух был прозрачный. Вокруг царила таинственная тишина, в небе высоко над нами луна медленно катилась на юго-запад, то скрываясь, то показываясь среди плывущих облаков.

Несмотря на окружающую нас красоту, мне, как ни странно, было не совсем комфортно. К тому же первые слова Каль Сынхвана совсем испортили мне настроение. Когда он продолжил говорить, казалось, он делает это неохотно:

— Я хотел бы сообщить вам, что больше половины этих товарищей прибыли сюда не совсем по своей воле. Полагаю, что вы должны знать об этом.

— Что вы говорите?

Почувствовав себя так, словно на меня вылили ушат холодной воды, я машинально отвернулся от него. В растерянности я пытался зацепиться за что-то взглядом и не сразу

понял, что смотрю куда-то вдаль, словно стараюсь что-то разглядеть в ночи. Затем я заметил, как сверкают стекла его очков, отражая свет далекой луны. Он продолжал неуверенно рассказывать об основных испытаниях, которые перенесли добровольцы, и о том, что в той конкретной обстановке сам он не мог поступить иначе. Надо сказать, факты он излагал довольно умело. Особенно доверительно он говорил о Ким Сокчо:

— Есть еще один деликатный вопрос, который носит сугубо информационный характер. Речь идет о классовой позиции товарища Ким Сокчо. Много дней мне приходилось находиться рядом с ним в разных ситуациях, но я так до конца и не понял, какова его идеологическая, классовая позиция.

Движением одной руки я машинально остановил его и успел только сказать: «Вы говорите о Ким Сокчо?» — как тут же вспомнил, что среди прибывших добровольцев кроме члена партии Каль Сынхвана были еще два партийца. Один из них, мужчина в годах, всегда находился рядом с Каль Сынхваном, а другой был еще совсем молодой, примерно лет двадцати. Изучая анкетные данные добровольцев, я мысленно отметил для себя запись: «Ким Сокчо, 24 года, рабочий, печатник…» Я поневоле обратил внимание на молодого члена Трудовой партии Южной Кореи. К тому же был и другой повод: он вел себя чересчур свободно, даже в какой-то мере развязно. Он всегда сидел с Ким Чжонхёном в первом ряду, громко разговаривал и постоянно хихикал. Внешний вид его был довольно невзрачен: он носил поношенную тужурку, грязную, в масляных пятнах, как будто забрали его прямо с рабочего места. Роста он был невысокого, телосложения плотного. Сразу было видно, что он рабочий. На голове во все стороны беспорядочно торчали немытые волосы, похожие на плюску каштана, а на туповатом лице выделялся широкий, «картошкой», нос. Одним словом, он был совсем не похож на своего дружка из состоятельной сеульской семьи. Было совершенно непонятно, как могли эти люди подружиться. Они были разными не только по социальному происхождению, но и по уровню образования и культуры. По идее, между ними не могло быть ничего общего. Но каким-то образом Ким Сокчо, незаметно для себя, оказался пленен «чарами» Ким Чжонхёна и был этим очень доволен. Они всегда были рядом, Сокчо выполнял все желания своего друга, заботясь о нем, как о ребенке, играющем на берегу реки. Причем это все выглядело довольно естественно. Мне очень хотелось понять, что связывает этих людей, принадлежащих к совершенно разным социальным слоям. Возможно, именно поэтому Каль Сынхван как бы доверительно говорил об идейной неблагонадежности члена партии Ким Сокчо.

Я сделал вид, что меня это особенно не интересует, но, тем не менее, спросил:

— А вы сами-то можете доказать, что были членом Трудовой партии? Кто-нибудь из добровольцев может это подтвердить?

— Сейчас, к сожалению, нет, — сказал он, с трудом выдавливая из себя слова.

В это время высоко в небе из-за облака показалась луна, освещая тусклым светом печальное лицо моего собеседника. Он решил уточнить свой ответ:

— Сейчас таких людей нет. Однако если встречу товарищей, которые прибыли сюда, на Север, раньше, то можно будет подтвердить это. А также другие сведения о моей прошлой деятельности в Южной Корее.

— А что за товарищи?

— Я имею в виду тех, кто перешел на Север до и после 1948 года.

— А почему вы не перешли на Север? — задал я заведомо неудобный вопрос. И тут же добавил: — Впрочем, всем известно, что тогда на Юге была непростая политическая обстановка. В данный момент вряд ли есть возможность и необходимость говорить об этом подробно. Вместе с тем кое-какие вопросы все же еще остаются. Вы говорите, что большинство этих добровольцев попали сюда не по собственному желанию. Интересно, а как вы оказались среди них? Кроме вас среди добровольцев находятся еще два члена Трудовой партии. Одного из них зовут Ким Сокчо, имя другого не помню… Ну да ладно. Я уже подал сведения о вас в вышестоящий орган — то, что вы сами о себе написали. Знайте об этом.

Господин Каль Сынхван хотел сказать что-то еще, но ограничился словами «Спасибо, понял». Затем он потихоньку исчез, видимо считая, что теперь все его слова уже не будут иметь существенного значения.

Этот разговор оказался настолько неприятным, что я долго не мог успокоиться.

3

В тот момент все обстоятельства складывались так, что в качестве агитаторов и пропагандистов для вновь занятой территории Южной Кореи набирали старшеклассников средней школы на севере страны. Казалось бы, в новых парторганизациях и административных учреждениях, образованных на занятых территориях, должны работать настоящие члены Трудовой партии. Естественно, возникает вопрос: почему же члены

Трудовой партии не были задействованы на юге страны, а оказались в рядах так называемых добровольцев, направлявшихся на Север?

Даже при детальном изучении сложно было найти этому разумное объяснение. Дело осложнялось тем, что кроме Каль Сынхвана среди добровольцев были еще два члена Трудовой партии Южной Кореи. Как ни старался я разобраться в этой «задачке», решение ускользало от меня. Впрочем, если даже, предположим, мне и удалось бы найти какие-то ответы в этом запутанном деле, все равно от этого не было бы никакой пользы.

Не знаю, чем это можно объяснить, но с самого начала мне не понравился ни он сам как личность, ни та роль, которую он играл в общественной жизни нашего отряда. Он не внушал мне никакого доверия. На мой взгляд, он был каким-то непрозрачным, вызывающим подозрение. Мне даже подумалось, что, быть может, возглавить этих добровольцев с самого Сеула ему помогла случайность.

С самого начала, когда мне поручили проводить идейно-политическую работу среди добровольцев, я ответил, что не подхожу для этого задания. Это было сказано отнюдь не из-за скромности, скорее — из-за собственной неуверенности. Дело в том, что в то время у меня, старшеклассника средней школы, еще не было определенной жизненной позиции. Я определился с ней через полтора месяца, после службы в армии. Тем не менее, другого выхода у меня не было — мне поручили эту работу, и я должен был ее выполнять.

Вообще, нас мобилизовали в обстановке полной неразберихи в обществе. Сначала в армию в качестве культурных работников были мобилизованы активисты Союза демократической молодежи. Нами же, старшеклассниками, никто конкретно не занимался. Дело в том, что между городским Комитетом народного образования, Союзом демократической молодежи и школьным руководством не было согласованных действий. Не случайно 500 здоровых старшеклассников слонялись без дела по школе. Тогда школа решила самостоятельно сформировать один батальон, связаться с соседней воинской частью и отправить туда новобранцев. Однако мобилизовали не всех сразу: кандидатов на службу отбирали серьезно. Из списка «подлежащих мобилизации» исключали неблагонадежных учащихся, к числу которых относились имеющие выговор или предупреждение. Отказывали также лицам с «нежелательным» социальным происхождением и негодным к воинской службе по состоянию здоровья. После такой сортировки осталось около 360 человек, из которых и сформировали батальон. Кстати, некоторые смышленые ученики,

заранее знавшие о мобилизации, накануне дали деру. Что касается меня, я относил себя к категории пассивных. Как члена городского молодежного клуба, сразу меня не мобилизовали, ждали указания сверху. Честно признаться, втайне я мечтал быть участником большого хора на первом празднике в честь Объединения Родины.

Итак, первая группа новобранцев прибыла в воинскую часть, которая дислоцировалась в районе Мунчхона. Однако командование этого подразделения не было в восторге от такого пополнения личного состава. Как оказалось, они совершенно не готовы были принять этих новобранцев. Дело в том, что не было ни обмундирования, ни достаточного количества огнестрельного оружия, ни другого воинского снаряжения. Молодых людей, по-прежнему одетых в школьную форму, разбили на группы и раскидали по отдельным ротам. Например, в первую роту определили первую и вторую группы учеников, во вторую — третью и четвертую, а в третью роту — пятую и шестую группы. Старшеклассники не понимали, куда они доставлены — в сборный пункт или в воинскую часть. Но вместе с ухудшением обстановки на фронте их судьба наконец-то решилась. Их разбили на мелкие группы и вместе с другими бойцами отправили в район военных действий к реке Нактонган. Там многие из них стали жертвами бомбежек американских самолетов.

Надо сказать, что этот батальон оказывал противнику ожесточенное сопротивление, нанося врагу ощутимые удары. Но так было три месяца назад. Теперь же, 28 сентября, южнокорейская армия, освобождая свою территорию, успешно продвигалась на Север. Лишь остатки батальона Народной армии продолжали вести разрозненные бои в районе Саныма на берегу Восточного моря. К тому времени в подразделении не было и пятидесяти человек. Тем не менее, отдельные бойцы, отступив в горы, сражались до конца. Так, например, мой школьный друг Чхве Чунман, вооружившись автоматической винтовкой «Браунинг», добрался через Оге и Анбён до Вонсана и перед родной школой в Намсане бился до конца, пока не кончились патроны. Он хотел покончить с собой, но не успел и попал в плен. Этот рассказ я услышал позже от одного из очевидцев. Вот так трагически сложилась судьба наших спешно мобилизованных старшеклассников. По вине школьного руководства и общественных организаций эти ни в чем не повинные юноши стали «пушечным мясом».

Итак, 3 июля из пятисот третьекурсников{13} нашей школы отобрали лучших ребят. Из них организовали один батальон и отправили на фронт. Но уже четыре дня спустя ситуация

существенно изменилась. Теперь мобилизации подлежали уже не отборные бойцы — все ученики нашей школы получили повестки.

В связи с резким изменением общей обстановки в стране вскоре решилась и судьба участников хора молодежного клуба. Они не дождались выступления в день празднования Объединения. Их также в срочном порядке начали мобилизовывать в армию. Однажды нас собрали в актовом зале школы, которая находилась на северной окраине города. Прямо там, даже не дав возможности сообщить домой, после формального медосмотра нас зачислили в известный на всю округу 87-й десантный полк. Призывникам выдали новую военную форму, головной убор, стальной шлем, полный комплект белья, обувь с длинным голенищем, армейскую лопатку, автомат с патронами, алюминиевую миску причудливой формы в японском стиле и грубоватую миску для вареного риса в русском стиле. Одним словом, мы получили все необходимое, вплоть до нижнего белья и портянок.

Так и началась моя военная жизнь. Мне тогда было всего-то девятнадцать лет — я был еще учеником старшего класса средней школы. Тогда я имел довольно смутное представление о службе в армии. Прежде всего, мне хотелось больше общаться со сверстниками из Южной Кореи, чтобы узнать как можно подробнее о жизни южан. Откровенно говоря, меня мало интересовала моя идейно-политическая работа с подопечными добровольцами. Я откровенно радовался тому, что среди прибывших были два студента. Обычно они сидели рядом в центре зала. Один из них был студентом третьего курса Пусанского института рыбного хозяйства, а второй учился на третьем курсе в Сеульском университете на факультете английской литературы. Я заметил, что все относились к ним спокойно и уважительно. Это выглядело вполне естественно.

Рядом со мной сидел студент Сеульского университета, одетый в ярко-зеленую осеннюю куртку. Однажды я спросил его как бы невзначай:

— Студент рядом с вами тоже из Сеульского университета?

Он посмотрел на своего соседа в серой куртке и ответил:

— Нет. Он из Пусанского института рыбного хозяйства.

Тогда я поинтересовался, не родственники ли они. Он ответил, что нет, а затем уточнил, что они учились в одной школе и дружат с тех пор. А также рассказал, что они состояли в одной молодежной организации и вместе вступили в добровольческую армию Юга. Из его рассказа я более подробно познакомился с послевоенной ситуацией на юге страны. В числе прочего узнал, что этот студент Пусанского института рыбного хозяйства, когда

началась война, преодолевая огромные трудности, шел на Север. Несмотря на то, что в то время мощный поток беженцев двигался в обратном направлении на Юг, Чан Согён дошел до передовой линии фронта около города Тэчжон, затем в поисках своего друга Чан Сеуна оказался в Сеуле, в районе Тхониндона. Там они встретились и вместе вступили в добровольческую армию как члены Союза демократической молодежи. По словам моего собеседника, несмотря на невзрачный внешний вид, его друг — Чан Согён — решительный, волевой человек.

В этот момент я почувствовал, что кто-то пристально наблюдает за нами, и обернулся. И действительно, увидел человека, внимательно смотревшего на нас. Это был Каль Сынхван.

Прошло четыре дня. Я решил, что необходимо как можно скорее выяснить наши с ним отношения. Для этого я вызвал Каль Сынхвана на улицу, чтобы задать ему несколько вопросов. Ночь была довольно темная, в фруктовом саду царила тишина. С соседнего двора доносился дым от костра, отпугивающего комаров, и были слышны негромкие голоса людей, сидящих вокруг огня.

Я неожиданно повернулся к своему собеседнику и тихо спросил:

— Помните, несколько дней назад вы хотели что-то сказать о товарище Ким Сокчо? Так вот, я хочу знать, что конкретно вы хотели сообщить мне в тот вечер?

На востоке показалась поздняя луна, листья деревьев приобрели металлический отблеск; засверкали очки Каль Сынхвана, отражая лунный свет. Недолго думая, он ответил:

— Все это время я наблюдал за ним. Мне показалось, что как у члена партии у него низкий уровень сознательности и еще недостаточно развито чувство ответственности.

Я спросил, что значит «низкий уровень сознательности». Ответа сразу не последовало. Я спросил еще раз. Тогда он сказал:

— Ему будет все равно, если даже все сбегут отсюда. Его это совершенно не беспокоит. У него отсутствует дух солидарности, партийной ответственности и организованности.

— Раз вы взялись за эту работу добровольно, то должны показать пример этому товарищу. Партийная работа — непростое дело. Она должна быть гибкой в зависимости от обстоятельств и от людей, с которыми работаешь. Одним словом, все время надо использовать разные методы.

— Может быть. Я, конечно, не совсем разбираюсь в этих тонкостях. Но в данном случае я не вижу проявления даже малейшей партийной сознательности.

— Вы имеете в виду его отношения с Ким Чжонхёном? — уточнил я.

Каль Сынхван только иронически улыбнулся. В этот момент полная луна осветила его лицо. Я продолжал:

— Может быть, вы так говорите, потому что он чаще общается с Ким Чжонхёном, а не с вами, и ведет себя неподобающим образом?

— Конечно, и это есть.

Ему не понравился мой прямой вопрос. Раздраженным, достаточно резким тоном он ответил:

— Этот тип, Ким Чжонхён, — настоящий буржуазный выродок. И все.

Чтобы немного разрядить обстановку, я полушутя сказал, что с самого начала знал товарища Каль Сынхвана как чуткого и проницательного человека в шерстяном свитере и в очках. Каль Сынхван, как бы оправдываясь за свои резкие слова, четко и решительно сказал:

— Товарищ Ким Сокчо все еще находится в состоянии рабской покорности. У него нет никакого чувства собственного достоинства и гордости. Он аморальный человек. Уму непостижимо, как он мог стать членом партии. К тому же у этого человека совсем нет презрения к классовому врагу.

Слова «классовый враг» он произнес особенно подчеркнуто. В ответ я сказал ему:

— Разве чувство собственного достоинства проявляется только в формальных отношениях между людьми?

Снова оправдываясь, он ответил:

— Конечно, нет. Согласен с вами. Но член партии должен быть примером для подражания.

— Не кажется ли вам, что если член партии стремится во что бы то ни стало стать образцовым и совершенным, то в конце концов он может оказаться в плену формализма?

— Мне трудно что-либо сказать по этому поводу, так как я впервые слышу такие слова, — ответил он с некоторой иронией и легкой улыбкой взрослого, почти тридцатилетнего мужчины.

— Скажите, пожалуйста, как, по вашему мнению, в данной ситуации должен вести себя член партии по отношению к таким людям, как товарищ Ким Чжонхён?

— Прежде всего, их нужно сильно ненавидеть! Надо сделать так, чтобы земля горела под ногами таких типов. И никаких поблажек! Это будет самое справедливое решение!

— Конкретно, как это реализовать?

— Его надо перековать так, как это делает кузнец с куском железа на наковальне. Неужто вы не читали роман Островского

«Как закалялась сталь»?

— Читал. Как вы умудрились найти на Юге такие книги?

— Но ведь тогда было другое время и были другие обстоятельства.

— А сейчас мы живем в других условиях.

— Полагаю, что такой дифференцированный подход порождает определенное недоразумение. Классовая и идеологическая позиция должны быть всегда последовательными и четкими. Не так ли?

— Одну минутку. — Движением руки я остановил его и спросил: — Объясните конкретно, к чему вы клоните?

— Вы действительно не знаете и поэтому спрашиваете?

— В общих чертах я понимаю, что вы хотите сказать.

— Ну, тогда все в порядке, — резковато ответил он, а затем задал мне не совсем приятный вопрос:

— Если позволите, разрешите спросить: вы член партии?

Мне не хотелось отвечать на этот вопрос, но я сказал, что не являюсь членом партии, ибо пока не подхожу по возрасту. Я почувствовал, что он считает меня юнцом. Уверенным голосом двадцатидевятилетнего мужчины он негромко сказал:

— Я этот вопрос поставлю на собрании партячейки уезда. Правда, не совсем знаю, какая там сейчас складывается обстановка.

— Не торопитесь, вы успеете удовлетворить свое любопытство. Только такой момент пока не наступил. К тому же еще не установлено, являетесь ли вы членом партии. Не надо так спешить. Почему вы хотите мой вопрос ставить на партсобрании? Хотите сказать, что я безо всяких оснований защищаю Ким Чжонхёна?

— Речь идет не только о том, что вы заступаетесь за Ким Сокчо, который всячески извивается вокруг Ким Чжонхёна. Дело в том, что у вас нет четкой классовой позиции и идейной убежденности.

Я не курю, но в тот момент мне казалось, что я мог бы и закурить, и тут же невольно усмехнулся. Где-то вдали залаяла собака. Было похоже, что она находится не в ближайшей деревне, а в соседней или где-то за рекой. Вместе с тем этот лай наводил на грустные размышления: он как будто говорил, как прекрасна эта тихая летняя ночь, когда можно помечтать о светлом будущем, восстановить в памяти теплое прошлое родной деревни. Этот собачий лай словно спрашивал, зачем мы затеяли этот бессмысленный разговор в такую прекрасную ночь.

Я тихо спросил:

— Извините, пожалуйста, мне кажется, что вы, поднимая

вопрос о взаимоотношениях между Ким Сокчо и Ким Чжонхёном, хотите продемонстрировать каким-то образом свою классовую позицию и идейную убежденность. Более того, может быть, хотите стать образцом для подражания. Если я сказал что-то лишнее, то заранее прошу извинить меня.

— Похоже, вы очень хотите поиграть словами, — сказал он небрежно. При этом он не употреблял слова «молодой человек». Но я почувствовал, что эти слова он произнес про себя, так как знаю, как ведут себя старшие при разговоре с младшими в подобных случаях.

— Как вы сказали? Вы хотите сказать, что я занимаюсь болтовней? Покорно благодарю вас. Послушайте, по-моему, это вы слишком увлекаетесь словесными играми и все время занимаетесь преувеличением значимости своей собственной персоны. Не смешите!

Я уже не стал церемониться и вместо вежливого слова «товарищ» стал употреблять слова «послушайте, вы». Затем напоследок сказал:

— Разумеется, я еще молод и пока не совсем хорошо разбираюсь в идеологических вопросах. В этом отношении вы правы. Но вы слишком выпячиваете свое собственное «я». Кроме того, если говорить откровенно и исходить из сегодняшней обстановки, то Ким Сокчо имеет ряд преимуществ перед вами. При нынешней ситуации вы говорите о гордости, достоинстве и об идейной последовательности. Это не серьезно. Ну, на сегодня хватит. Лучше, лежа в постели, внимательно послушайте звуки текущего неподалеку ручья, тогда, может быть, до вас дойдут мои слова.

Выпалив эти слова, я удалился. Вернулся во двор, где еще едва дымился костер, отпугивающий комаров, и по-прежнему стоял смешанный запах коровника и свинарника. Когда я вошел в комнату, офицер в полусонном состоянии спросил, все ли у меня в порядке. Я ответил, что все на месте и все в порядке. Затем медленно лег в постель.

4

Я получил назначение в спецотряд на второй день после ожесточенной бомбежки 13 июля 1950 года. Незадолго до этого мы определились в 87-й полк, и в первый же день вечером нам предоставили комнату с кроватями в Штабе Главного командования. Это было двухэтажное здание, построенное из красного кирпича. Раньше здесь располагалась средняя женская школа, в которой учились японские старшеклассницы.

Однако, в связи с какими-то непредвиденными обстоятельствами, примерно в три часа ночи нас подняли по тревоге и отправили в сторону стадиона, а оттуда — прямиком в ущелье горы Синпхуннисан, где мы вырыли окоп и засели. Еще в конце июня прилетали два-три самолета-разведчика. Покружив немного над нами, они сбросили небольшие бомбы рядом с нефтеналивной станцией и на верхнем побережье, где находился Штаб Военно-морского флота. Позже, в начале июля, налеты участились.

87-й полк, куда мы прибыли после мобилизации, был совершенно бесхозный — он никем не управлялся. Лишь несколько офицеров с сержантами охраняли штаб полка. Еще до 25 июня основной состав во главе с командиром покинул штаб и ждал указаний сверху в порту Сокчхо. Как только пришел приказ, войска двинулись в сторону восточного побережья, чтобы высадиться в Чумунчжине, Канныне, Самчхоке и в других местах. Кстати, мое назначение в эту элитную часть было связано именно с этими событиями. Поскольку все строевики ушли на фронт, в полку остались только разведывательная рота и интендантская служба.

Мы сидели в укрытии, замаскированном дерном, около пяти дней. А через пять дней, 13 июля, впервые испытали настоящую бомбежку средь бела дня. Несмотря на густые облака, самолеты каким-то образом обнаружили нас. Я до сих пор с ужасом вспоминаю тот роковой день моей жизни. Прямо на наши головы падали полутонные и тысячекилограммовые металлические ломы, издавая неслыханные свирепые звуки. Шум был такой оглушительный, что нам казалось, будто небо падает на нас. Мы все попадали на старые соломенные мешки лицом вниз и большими пальцами обеих рук затыкали уши. А остальными пальцами прикрывали глаза и широко открывали рты. Думаю, что мы все это делали машинально для предотвращения разрыва барабанных перепонок, выпадения глаз и разрыва грудной клетки. Эти страшные звуки были настолько необычными, казалось, что мы воспринимаем их не слуховым органом, а какими-то до сих пор неведомыми человеческими органами. Бомбили нас методично через каждые 10–15 минут. Это называется «точечные налеты с интервалом». С небольшой высоты самолеты не только бомбили, но и вели прицельный огонь. И лишь через два часа, перед заходом солнца, когда вдали, над морем, стали исчезать облака, они перестали прилетать.

Жуткую картину последствий налета невозможно описать без содрогания. Такого, наверно, не бывает даже в самом кошмарном сне. Буквально в двадцати метрах от меня произошло прямое

попадание бомбы, и на этом месте осталось лишь кровавое месиво, похожее на переваренную рисовую кашицу с фасолью. От человеческих тел не осталось и следа. Полностью был разрушен пищеблок, несмотря на его тщательную маскировку. Рядом с большим железным котлом вогнутой формы тут и там беспорядочно валялись куски человеческого тела. Из холщового мешка медленно вытекала ярко-желтая жидкость — это таял желтый сахар, который мы употребляли в качестве глюкозы вместе с рисом.

Впервые в жизни я на собственной шкуре испытал всю жестокость войны. В тот же день мы покинули это проклятое место и добрались до одного частного дома за горным хребтом. Кстати, в тот злополучный день сильной бомбежке подверглись и другие объекты — Адмиралтейство, нефтеочистительный и локомотивный заводы и судоверфь. Как ни странно, уцелел штаб полка, оставленный нами накануне. Ни одна бомба не упала на это двухэтажное кирпичное здание.

Трагически сложилась судьба 300 студентов университета им. Ким Ирсена и Пхеньянского пединститута, прибывших утром того же дня. Они прямиком с поезда направились на школьную спортплощадку и там организовали хор военной песни. Они были настолько увлечены своим делом, что даже не услышали гул самолетов над своими головами. Обстрел из пулемета был настолько сильным и стремительным, что студенты даже не понимали, что с ними происходит. Они были похожи на мечущихся в неводе рыб. Невозможно описать эту страшную картину. Они все еще были студентами и носили свою форму — темный двубортный пиджак и черный головной убор. Вот так трагически закончилась их мечта попасть в 87-й полк.

Тогда я думал, что война кончается. Однако до сих пор не могу понять одну вещь — как она началась. Говорят, что правящим кругам Южной Кореи хорошо была известна политическая обстановка в стране. Тогда возникает вопрос: почему же никто не знал, что война начинается 25 июня? В свое оправдание они утверждают, что в тот воскресный день офицеры и рядовые находились в отпуске. Допустим, это действительно было так. Но куда они смотрели раньше?

Перед войной я жил на Севере и видел, как на протяжении пары месяцев в южном направлении двигались поезда с солдатами и офицерами, под завязку набитые военной техникой. Иногда воинские эшелоны проходили вообще без какой-либо маскировки.

Если даже допустить, что прежний президент Ли Сынман и его правительство, существовавшее только два года, не совсем

разобрались в обстановке, даже если предположить, что они не знали, как быстро начнется война, то уж правительство США должно было знать. До сих пор не известно, почему в США тогда много говорили о том, что Корейский полуостров, мол, больше не является оборонительным рубежом Американской армии на Дальнем Востоке, что якобы ничего не ясно о судьбе линии Ачесона…{14} Может быть, эти слухи были распущены для того, чтобы создалось впечатление, будто Южная Корея беззащитна, и спровоцировать Северную Корею на военные действия. А затем, воспользовавшись случаем, создать свой плацдарм на Дальнем Востоке.

Выше речь шла об отдельных событиях начала войны. Возвращаясь в те трагические дни, пережитые мною, я понимаю, как круто они изменили мою жизнь. Эти страшные бомбежки произвели ошеломляющее впечатление и на северокорейские власти. Можно сказать, что руководство страны было в шоке, в полном замешательстве. Правительство КНДР падало в бездну, теряя нить управления.

Всего лишь через два дня после той страшной бомбежки 87-й полк в спешном порядке был преобразован в так называемую специальную оборонительную бригаду восточного побережья номер 249. В связи с этим мы были передислоцированы в Нансон и зачислены в специальное подразделение по подготовке кадров.

Здесь я столкнулся со студентами университета им. Ким Ирсена и Пхеньянского пединститута. Я узнал их с первого взгляда. Самые достойные из них были направлены в культурную бригаду для идейно-политической работы. Еще часть молодых людей была мобилизована в танковые части, а все остальные после отбора были направлены в нашу бригаду. Действительно, по их внешнему виду, специфическому говору и поведению нетрудно было догадаться, что больше половины из них — это пхеньянские шалопаи. Это они сразу, не успев приехать, попали под страшную бомбежку.

Судьба преподнесла мне новые сюрпризы — я оказался среди студентов из Пхеньяна. Мягко говоря, они произвели на меня не лучшее впечатление своим развязным поведением, грубоватыми отношениями между собой и зазнайством. Никакой организованности в их рядах не было. Они существовали каждый сам по себе. Командование не обращало на это никакого внимания. Невольно создавалось впечатление, что такое положение дел всех вполне устраивает.

Они веселились на всю катушку. Через два дня после приезда они зарезали корову, свинью и запаслись мясом. Часто устраивали гулянки по поводу и без повода. Вот только главное

дело — военная подготовка — было отодвинуто на задний план. Почему-то даже вражеские самолеты не прилетали, не интересовались ими. Как будто их не заботила судьба этой беспечной публики, или они просто не хотели видеть эту неприглядную картину сверху. Скорее всего, они, конечно, попросту не знали о нашем существовании.

К тому времени я уже знал много редких русских песен, так как с 10-го класса средней школы занимался в хоре при городском молодежном клубе. Не случайно на всех увеселительных мероприятиях я всегда был желанным гостем и вскоре даже был избран организатором.

Всего лишь за несколько дней я безобразно растолстел, вероятно, от безделья. Наши будни были похожи на прошлогоднюю беззаботную жизнь. Тогда, в 1949 году, во время летних каникул участники хора молодежного клуба, разделившись на несколько групп, выезжали на неделю в провинции для просветительской работы. Это была чисто формальная акция, и главную роль играли пропагандисты, находившиеся вместе с нами. Мы же, как вспомогательная сила, только развлекали публику песнями, музыкой, а иногда и стихами. Наша группа в количестве восьми человек была направлена в Ёнчхон и Чонгок, которые находились около 38-й параллели. Тогда я впервые через туманную реку Хантханган увидел природу к югу от нас. Военный, сопровождавший нас, сказал, что там — за рекой — уже вражеская территория. Все мы настороженно посмотрели в ту сторону и впервые при лунном свете увидели горный массив с густыми зарослями. Кругом стояла тишина, лишь еле слышно шелестел листвой тихий летний ветерок. Мы навострили уши, желая услышать хоть какие-то звуки на той стороне. И вот через несколько минут раздался один выстрел, за ним последовали другие. Немного встревоженный сопровождающий говорил нам, что так развлекаются южнокорейские вояки от нечего делать. «Конечно, и мы иногда стреляем в воздух. Тогда на той стороне наши выстрелы воспринимают, вероятно, так же, как и мы реагируем на них. Бывает, что пули, выпущенные оттуда, падают прямо перед нашим расчетом», — рассказывал гид.

Один из нас в шутку сказал:

— Может быть, они стреляют в воздух, показывая тем самым, что они приветствуют наше прибытие сюда?

Военнослужащий воспринял эту шутку всерьез и уверенно ответил:

— Нет никаких оснований для этого. — Кроме того, по его лицу можно было заметить, что он был взволнован и даже

немного напуган.

Совсем незадолго до этого события он произносил агитационную речь, а теперь весь его пыл куда-то исчез. Мне показалось, что он трусливый человек и готов бросить нас и удрать, если появится какая-нибудь опасность. Возможно, те зловещие ночные выстрелы были предвестниками бед, которые начались через год в нашей стране.

Тогда, пробыв в деревне рядом с 38-й параллелью в течение недели, мы поехали обратно домой. Все еще находясь под впечатлением от увиденного в этой пограничной деревеньке, мы дружно запели на поезде, который двигался по железной дороге Кёнвонсон в северном направлении. Пели такие русские лирические песни, как «Песня молодого бойца», «Утро в порту», «Песня о Родине», «Песню о Москве», очень похожую на нынешнюю песню о Сеуле, «Армейскую кантату» и даже «Песню о Сталине». Нас слушали с большим интересом пассажиры не только нашего вагона, но и соседнего.

Естественно, мы были польщены и очень счастливы, чувствовали себя почти героями фильма «Сказание о земле сибирской». Вот отрывок из песни в этом фильме:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах…

Мы пели эту задушевную народную песню негромко и с большим чувством. Казалось, что нас слушают даже скалистые горы с глубокими ущельями, мимо которых мы проезжали. Временами в вагоне появлялись и исчезали лучи закатного солнца, как будто посылая нам мгновения радости и легкой грусти.

Наконец-то мы проехали храм Сокванса, затем станцию Намсан и прибыли в Анбён. Здесь неожиданно нашим глазам открылся широкий простор — вдали от нас на песчаном берегу моря показался сосновый лес. Мы надеялись, что скоро приедем в Вонсан, на станцию Чонгак. От этих мыслей сразу поднялось наше настроение, и все запели еще дружнее. Я до сих пор помню те счастливые минуты, когда мы так весело проводили время с русскими народными песнями, а также беззаботные школьные годы много лет назад. Тогда, именно в хоре молодежного клуба, я временами чувствовал себя свободным от частых идеологических мероприятий — собраний, посвященных критике и самокритике, формальных митингов и всяческих диспутов.

Как ни странно, и в нашем спецотряде по случайному стечению обстоятельств была такая же вольная жизнь. Как активист я с удовольствием занимался всякими увеселительными мероприятиями в своей части.

Однако эта беззаботная жизнь продолжалась недолго, потому что с самого начала наша группа была создана временно в условиях общей неразберихи в руководстве воинских подразделений. К тому же с ухудшением обстановки на фронте армия нуждалась в срочном пополнении. Нас небольшими группами стали вывозить в другие части. Уже в первой половине августа — примерно за двадцать дней — наша группа уменьшилась наполовину. Этот момент совпал с полным господством вражеских самолетов в нашем воздушном пространстве.

5

Наш неприятный разговор с Каль Сынхваном по поводу партийной принадлежности происходил накануне именно в условиях резкого ухудшения военной обстановки. Полагаю, что в другой, спокойной обстановке подобный разговор был бы невозможен. Но тогда мне особенно хотелось выяснить, как член южнокорейской Трудовой партии мог оказаться в числе добровольцев с Юга. Это было совершенно непонятно.

Через день после разговора с Каль Сынхваном мы до обеда собрались на берегу реки, у плотины, чтобы ознакомиться с так называемыми двадцатью пунктами партийной программы. До начала совещания оставалось несколько минут, и мы решили немного отдохнуть. И тут я заметил, что рядом со мной сидит Ким Чжонхён. Воспользовавшись случаем, я тихо сказал ему доверительным тоном:

— Вы еще молоды и не разбираетесь в жизни. Здесь нельзя говорить, что в прошлом вы жили хорошо. Это считается дурным тоном. Так что больше так не говорите. Вы поняли меня? Больше ни одного слова о том, как в Сеуле было хорошо!

— Хорошо. Понял, — кратко ответил он.

Не знаю, дошли до него мои слова или нет, но на его лице написано удивление, которого я раньше не замечал. С добродушным, как и прежде, видом он спросил:

— Тогда я не должен говорить и о том, что умею хорошо ездить на лошади?

— Ну, об этом, конечно, можно, но только не очень много. Вот только не следует говорить, что ваш отец был членом парламента, что, мол, по утрам вместе с ним вы часто ездили

верхом. Здесь такие слова воспринимаются как отрицательное явление, и люди будут думать, что ваш отец плохой человек.

— Да, я понял, старший брат, — искренне ответил он. Вместе с тем я заметил слезы, наворачивающиеся на его глазах. У меня вдруг защемило сердце. Конечно, я мог бы все это сказать по-другому — намеками, что ли… Но я не мог иначе — хотелось сказать ему все честно и прямо. Не знаю, как это объяснить. Может быть, это произошло под впечатлением нашего разговора с Каль Сынхваном, который состоялся недавно вечером.

Недалеко я увидел Ким Сокчо. Лицо его было багровым, он громко, бесцеремонно смеялся. Его прерывистый, короткий смех был каким-то отталкивающим. Заметив мой недоброжелательный взгляд, он каждый раз смущался и принимал нормальную позу. Именно в такие минуты мы словно сталкивались лицом к лицу. Его неестественный взрывной смех отнюдь не был реакцией на какую-то смешную сцену, он никогда так, запросто, не вел себя с людьми. Этот смех показывал его крутой нрав и прямолинейность. Я интуитивно почувствовал, что у него более сильный, волевой характер по сравнению с другими. Каль Сынхван, сидя на самом последнем ряду, тоже смотрел в эту сторону.

Ким Чжонхён, вытирая рукавом джемпера слёзы, гнусавым голосом проговорил:

— Спасибо, старший брат и товарищ.

Услышав эти слова, Ким Сокчо снова громко расхохотался, так что сидевшие рядом люди стали обращать внимание на его поведение.

Наступила вторая половина дня. Пообедав, я передал личный состав сержанту, который занимался непосредственно боевой подготовкой солдат. Затем направился к тополю, что рос рядом со столовой около дамбы. Я и раньше ходил туда в свободное время. В этом месте на холме всегда было свежо, поэтому и другие офицеры приходили, чтобы немного отдохнуть, полежать на циновке.

Однако обстановка сегодня была какая-то другая, не такая, как всегда. Один из офицеров в полной форме и в головном уборе явно кого-то встречал. Когда я приблизился, то увидел сидящего рядом с ним генерал-майора с большими звездочками на погонах. В состоянии сильного волнения по стойке «смирно» я отдал честь и после некоторого замешательства присел чуть подальше от них. Там, внизу, на краю поля с высоким гаоляном стоял черный джип. По обстановке я догадался, что высокий гость прибыл не официально, а по личному делу. Если даже допустить, что он приехал по служебным делам, то и в этом случае дружеская

обстановка встречи говорила о неофициальном характере визита генерала. Со вчерашнего дня погода стояла ясная, свежий ветерок дул над полем гаоляна, отчетливо был слышен шум текущего ручья.

Генерал лежал боком на циновке, опираясь на локоть, а офицер разговаривал с ним без особого чинопочитания, даже по-семейному. И тут я понял, что это его дядя, который пристроил своего племянничка в укромное место и теперь решил навестить его. Я поневоле испытал чувство зависти.

Хорошо был слышен разговор между ними. Генерал негромким голосом говорил:

— Не жди, этого не будет. Даже не мечтай о вольготной жизни. Если кто-то думает, что после окончания войны и Объединения Родины может поехать домой, устроиться на работу и наслаждаться семейной жизнью, он глубоко заблуждается. Не могу точно сказать, как внешне все будет выглядеть, но одно ясно. В обществе по-прежнему сохранятся строгие порядки до завершения мировой революции, до победы революции в Японии, на худой конец. Так что и не мечтай о сладкой жизни. Не будет этого.

Мне хотелось закрыть уши, чтобы не слышать этот странный разговор. Офицер-племянник задал в свою очередь дяде какой-то короткий вопрос. Генерал недовольным тоном отвечал:

— Это всего лишь сладкий сон. Под моим командованием находятся китайские воинские части, в которых отдельные люди служат по двадцать лет, но они никогда не жалуются на свою судьбу. Это и есть настоящая преданность делу революции. И тебе пора задуматься над этим. Твоя мечта — это плод фантазии, буржуазные предрассудки. Надо выбросить из головы всякие там разговоры о семье, вузе, женитьбе и прочем. Чем быстрее это сделаешь, тем будет лучше для тебя.

— Пусть будет так, но почему только наш народ должен испытывать эти трудности? Почему мы должны так поступать во имя мировой революции? — допытывался племянник.

— Сама постановка такого сомнительного вопроса в корне неверна. Она свидетельствует о твоей идеологической незрелости.

— Почему же так? Разве человек не имеет права на счастье?

— Подобный вопрос сейчас неуместен. В твоей голове слишком много мусора, от которого надо избавляться. Хорошенько подумай над моими словами. Ну, хватит об этом. Мне пора собираться.

Внимательно слушая этот разговор, я сделал для себя вывод, что генерал говорит не совсем убежденно, так как эти

революционные фразы прозвучали как-то неуверенно. Создавалось впечатление, будто он должен так говорить.

Хотя встреча в основном прошла нормально, все же остались следы недопонимания. Генерал не торопился подняться со своего места. Видно было, ему тяжело расставаться с племянником, которого он по-своему любил.

— Я знаю, что вы всегда очень заняты, но если сможете, то, пожалуйста, оставайтесь на ночь. Хотелось бы подольше побеседовать с вами. К тому же, наверно, вы давно не были на лоне природы.

— Деревенская идиллия! Какие прекрасные слова! — Генерал тут же поднялся с места и сказал: — В самом деле, мне уже пора ехать. Помни мои слова и не расслабляйся.

— Да, я понял, дядя, — ответил племянник.

На прощание генерал не совсем уверенно добавил:

— Конечно, я тоже не всё знаю. Но одно ясно, что после предательства со стороны Югославии{15} изменился курс Коминформа в сторону усиления международной солидарности трудящихся. Возможно, со временем и повысится роль каждого народа в отдельности, исходя из специфики и интересов каждого государства. Тогда, может быть, изменится и наш курс. Но пока все остается по-прежнему. Надо терпеливо идти вперед. На самом деле, и мне не так просто.

С этими словами генерал направился к джипу. Косые лучи осеннего солнца уже проникали в поле под гаолян, освещая его изнутри. Я до сих пор задумываюсь над увиденным и услышанным в то сложное время. Может быть, сказанное в тот день действительно отражало тогдашнюю действительность? А может быть, слова генерала были пророческими? Во всяком случае, есть повод задуматься над теми событиями, которые происходят в СССР, Китае, Румынии и во Вьетнаме сегодня, тридцать лет спустя[13].

А что сейчас происходит в Северной Корее?

…Наступил вечер. Я сказал Ким Сокчо, что у меня к нему есть дело, и попросил его выйти со мной на улицу.

— Да я один, — нехотя ответил он, расставаясь с Ким Чжонхёном, который в тот момент находился рядом с ним.

К тому времени наша работа исчерпала все свои возможности. Наибольшими успехами советские песни пользовались только в начале общения с людьми. Теперь мы в основном занимались политучебой. Начали знакомить учеников с двумя десятками различных документов, связанных с политической платформой партии, аграрной реформой, отдельными законодательными актами и деятельностью

общественных организаций. Собственно, в этом и заключалась работа руководителей нашего подразделения. К примеру, наш командир, назначенный на эту должность по рекомендации своего влиятельного дядюшки, не проявлял никакого интереса к своим обязанностям. Поэтому его подчиненные были предоставлены сами себе. Они проводили время по собственному усмотрению. В любое время устраивали всякие увеселительные мероприятия, где пели разные песни, например, такие, как «Песня о Народной армии», «Чанбэксан чульги чульги» («Отроги горы Чанбэксан») и другие. Пели иногда и гимн страны. Даже устраивали конкурсы на лучшее исполнение песен. Лучшего певца заставляли петь три раза, при особо хорошем настроении даже танцевали под ритм песни. Каждая группа плясала, как говорится, до упаду, выпуская из себя пар. Так выглядела кульминация веселья. Молодые люди отвлекались от безделья. Они прибыли к месту назначения в качестве добровольцев уже несколько дней назад, но ни о какой боевой подготовке речь не шла. Они даже ни разу не дотронулись до винтовки. Им не выдали обмундирования, и ходили они в той же старой, изношенной одежде, в которой прибыли на службу. С каждым днем моральный дух этих людей падал, усиливалась апатия, происходила деградация личности. Правда, потом, спустя какое-то время, сержанты знакомили новобранцев с винтовкой-автоматом, обучали правилам пользования ручной гранатой по четыре часа в день. Что касается таких видов оружия, как миномет, автоматическая винтовка «Браунинг» и других, то их нам никогда не показывали, просто рассказывали, поясняя слова жестикуляцией.

Меня тоже охватило упаднические настроение, опускались руки. Чтобы как-то скоротать время, я стал больше общаться со студентами Чан Согёном, Чан Сеуном и другими в неформальной обстановке. Надо сказать, что беседы с ними были увлекательными, естественными. Очень скоро мы даже перестали обращать внимание на то, кто начальник, а кто подчиненный. Говорили об учебе, культуре и о других житейских вопросах. Мои собеседники восторгались моими знаниями в области литературы и хорошо отзывались о системе преподавания в средней школе Северной Кореи. Я инстинктивно почувствовал, что эти комплименты относятся не только ко мне, а означают нечто большее, и гордился этим. В то же время я догадывался, что рано или поздно у меня возникнут проблемы с Каль Сынхваном. В такие минуты и он почему-то всегда смотрел в нашу сторону.

Вспоминая свой вечерний разговор с Каль Сынхваном несколько дней назад, я приходил к выводу, что он был прав

применительно к сегодняшним условиям. Я понял, что в данной ситуации необходима последовательная идейность каждого человека, всех членов общества. Что он сам теперь думает, я не знал. Он практически ничего не предпринимал для реализации своих мыслей.

Зато Ким Чжонхён и Ким Сокчо по-прежнему всегда были вместе и постоянно хихикали без особых причин. Этим молодым людям казалось, что они находятся в какой-то новой, непонятной обстановке. По мере ухудшения положения в стране они вели себя всё хуже — стали еще больше кричать и смеяться. Не в силах больше смотреть на эти выходки, я взглядом подал знак Ким Сокчо. Он понял меня и вышел за мной. Мы прошли поле гаоляна и направились в сторону реки. На этом берегу были высокие заросли, а на противоположном прямо на холме росли мелкие сосны. Под водой виднелись красные камушки, покрытые зеленым мхом. Вдали над ущельем висел прозрачный туман, а где-то рядом жалобно куковала одинокая кукушка, привнося ноты уныния в этот тихий летний вечер.

Пока я смотрел на текущую воду, Ким Сокчо оказался совсем рядом. Не глядя на него, я тихо спросил:

— Товарищ Каль Сынхван делал вам какие-нибудь замечания?

От неожиданности он был немного растерян. Затем, собравшись с мыслями, в свою очередь спросил:

— Вы имеете в виду наши отношения в последние дни?

— Не только это.

— До прибытия сюда были некоторые замечания.

Тут я обернулся и, глядя в его лицо, переспросил:

— Что вы сказали?

Не зная, как ответить, он в нерешительности ковырял пальцем в носу.

— Выкладывайте, что он говорил, — сказал я уже более решительно.

— Упрекал меня, что я еще не созрел как член партии. Я соглашался с его замечаниями.

— Если вы с ним согласны, то наверняка стремитесь исправлять свои ошибки?

— То есть делать так, как говорил этот товарищ? — после небольшой паузы с очевидным недовольством спросил он.

— Говорите всю правду. Каль Сынхван, наверно, сказал вам что-то более конкретное.

— Он говорил, чтобы я не общался с Ким Чжонхёном, что это не совместимо с моральным обликом члена партии. Мне показалось, что товарищ Каль Сынхван говорит правильные

слова. Однако… — Он замолчал.

— Что однако? Говорите до конца! — потребовал я.

Наш разговор прервали два фазана, которые, громко хлопая крыльями, полетели через реку. Ким Сокчо тут же закричал радостно:

— Смотрите, фазаны, фазаны! — Он даже сделал шаг вперед, словно хотел догнать их, но остановился. Затем в растерянности посмотрел на ту сторону, где птицы исчезли в густых зарослях. Я также смотрел туда.

— Ой! Здесь водятся фазаны, — сказал он, обернувшись ко мне. Глаза его сияли. Мне показалось, что в эту минуту он совсем забыл о нашем разговоре и думает только о фазанах. Он был сильно возбужден, даже щеки его порозовели.

Я был немного удивлен, но все же спросил, каково его мнение о Ким Чжонхёне. На сей раз он ответил сразу:

— Хоть и говорят о нем плохо, но я думаю, что он хороший. Сейчас обстоятельства так сложились. Мы должны помогать ему.

Я был так поражен, словно меня неожиданно ударили по затылку. В растерянности глядя на него, я тихо спросил:

— Вы так же сказали и товарищу Каль Сынхвану?

— Нет.

— Почему?

— Думаю, что товарищ Каль Сынхван и без моих слов сам все понимает.

— Однако же он давал вам советы… Может быть, он еще не разобрался до конца.

— Может быть, я не думал об этом. В любом случае я хочу помочь Ким Чжонхёну. Этот товарищ совершенно случайно оказался среди нас и больше других нуждается в помощи.

— Вы из провинции Чхунчхондо?

— Вообще-то до конца японского колониального управления мы жили в Сосане, в провинции Чунчхоннамдо.

— А когда вступили в Трудовую партию Южной Кореи?

— Точно не помню. Я несколько раз принимал участие в собраниях партячейки. Мое положение было неопределенным, вместе с другими товарищами я считался типографским работником. Поэтому, хоть я и являюсь членом партии, в этом отношении, наверно, мало чем отличаюсь от Каль Сынхвана.

Так впервые я в общих чертах познакомился с Ким Сокчо.

6

Платформа станции ночного Анбёна. Недавно, во второй половине дня, мы пешком прибыли сюда. А три дня назад сюда

были доставлены около четырехсот новобранцев, кое-как собранных в северных районах страны. Местность Тансалли напоминала встревоженный улей. Мы расположились в нескольких частных домах и в двух-трех землянках, вырытых во фруктовом саду. Кое-как достали соломенные мешки для ночлега и большой котел.

Для утоления голода первым делом нам выдали сухой паек. Затем мы начали расширять кухню, временно расположенную прямо у входа в деревню, и помогать сержантам, которые занимались непосредственно боевой подготовкой новобранцев. То и дело по проселочной дороге, громыхая, с трудом тащились старые джипы. Несколько раз в день солдаты-связисты на велосипедах приезжали в штаб бригады, который располагался в здании педучилища в самом центре города. К тому времени личному составу выдали по комплекту военной формы, и все были очень этому рады. Целый день шел дождь, поэтому новобранцы веселились в землянке.

Однако радость эта была кратковременной. Не успели они надеть новую форму и привыкнуть к новой обстановке, пришло срочное сообщение сверху. Согласно ему новобранцы, прибывшие три дня назад, и часть солдат добровольческой армии с Юга должны были объединиться в одно воинское подразделение. Этой группе было предписано покинуть Анбён и поездом добраться до Косона. А затем пешим ходом дойти до Ульчжина, где дислоцировался 2-й батальон 249-й воинской части, и войти в его состав. Примерно двадцать добровольцев с Юга, в основном члены молодежной организации, были включены в эту группу. Остальных же приказали отправить в тыл, на Север, в глухую горную местность. Лишь много дней спустя стал известен смысл данного мероприятия. Это был предварительный план отступления отборной воинской части, которая была окружена на передовой линии в районе городов Пхохан и Ёндок. Спешно сформированный батальон новобранцев своими действиями должен был отвлекать противника и тем самым помочь элитной части выйти из окружения. Солдаты нового батальона должны были задержать наступление противника любой ценой, пускай и ненадолго. Таким образом, они выступали в роли «пушечного мяса» ради возможного спасения элитной части.

Большую часть новобранцев так называемой добровольческой армии с Юга, завербованных насильно, посчитали непригодными для выполнения поставленной задачи. Поэтому они были отправлены на Север, в тыл, для перевоспитания. Начальство хорошо понимало, что нельзя посылать людей, завербованных против воли, на передовую линию фронта.

Члены молодежной организации Чан Сеун, Чан Согён и другие студенты, а также старшеклассники средней школы оказались вместе с нами в одной группе, которая направлялась на передовую линию фронта. Между тем Ким Чжонхёна в нашу группу не включили, он попал в список эвакуируемых на Север, в тыл. Ким Сокчо же направлялся вместе с нами в Ульчжин. Каль Сынхван и всегда находившийся рядом с ним член южнокорейской Трудовой партии Чо Сынгю по особому распоряжению были отозваны на Север два дня назад, как раз в день получения нового обмундирования. Так, по стечению обстоятельств, у Каль Сынхвана появилась возможность осуществить свою давнюю мечту — отправиться в Пхеньян. Однако Чо Сынгю в тот же вечер вернулся обратно в часть, это казалось несколько странным.

Зато перед отправлением настроение у Каль Сынхвана было прекрасное. Он чувствовал себя словно рыба в воде. Новая летняя форма довольно тесно сидела на его тучном теле. В его поведении были заметны некоторое зазнайство и авторитарно-бюрократические замашки. В то же время, вероятно под влиянием хорошего настроения, он был довольно обходителен со мной. Разговаривал так, будто между нами не было никаких недоразумений. Крепко держал мою руку и неоднократно повторял, что мы обязательно должны встретиться после объединения страны. Сказал, что мы при встрече еще раз должны обсудить те вопросы, которые ранее уже поднимались нами. При этом даже сделал небольшой комплимент в мой адрес. Говорил, что в моих рассуждениях, мол, имеется и рациональное зерно, заслуживающее внимания. Я в свою очередь без особого желания с легкой улыбкой сказал:

— Рад за вас, поздравляю! Извините, пожалуйста, если я, как младший, вел себя не совсем деликатно и наговорил каких-нибудь глупостей.

— Нет, не за что, — ответил он с достоинством старшего по возрасту.

Затем довольно быстро направился к Ким Сокчо. Они обменялись рукопожатием. На прощание Каль Сынхван сказал:

— Очень жаль, что мы не можем ехать вместе. Помните, независимо от занимаемой должности человек должен иметь твердый характер и быть образцом для других. Ну, до свидания, до встречи!

В ответ Ким Сокчо только рассеянно смотрел на него со своим обычным выражением лица. Мне показалось, что им обоим все равно, ехать вместе или нет.

Каль Сынхван бросил холодный взгляд на Ким Чжонхёна,

стоящего рядом с Ким Сокчо. Более того, даже не сказал ни одного слова на прощание. Ким Чжонхён был одет в новую военную форму и выглядел очень опрятно, как всегда. Он не обращал никакого внимания на происходящее и вел себя даже более уверенно, чем Ким Сокчо. На прощание Каль Сынхван сказал еще какие-то слова и побежал под проливным дождем к заведенному джипу.

В это время нескольким новобранцам с Юга, оказавшимся в числе эвакуируемых в тыл, на Север, с большим трудом удалось добраться до станции Анбён. Среди них был и Ким Чжонхён. Они слезно умоляли, чтобы их тоже отправили на передовую линию фронта. Все собравшиеся были одеты в одинаковую новую военную форму. Поэтому вновь назначенные офицеры не могли как следует разобраться, кто из них старший, а кто подчиненный. К тому же невозможно было узнать, сколько человек числится в личном составе. Честно говоря, никто серьезно и не интересовался этим вопросом. При желании только из младшего офицерского состава, к которому относился я, можно было сформировать группу для отправки на фронт. Можно было и всех везти до Ульчжина. Или же при необходимости отправить на Север только одного, например Ким Чжонхёна. В отделе комплектования формально велся учет эвакуируемых и остающихся по первичному списку личного состава. Но людей так часто перемещали из одной части в другую, что последствия не заставили себя долго ждать: вскоре в документации было уже невозможно разобраться. К тому же на станции Анбён мы подверглись пулеметному авиаобстрелу, и среди нас даже были жертвы.

Развивались события следующим образом. Рано утром мы покинули Тансалли и уже к обеду прибыли на станцию Анбён, где расположились в деревенских домиках. После легкого обеда мы от нечего делать слонялись из угла в угол. Было около двух часов дня. Внезапно откуда-то появились два-три самолета и на бреющем полете без разбора стали стрелять по центру станции и окрестностям деревни. От зажигательных бомб уже горели три автобуса, ожидавшие нас в центре вокзала. Мы в ужасе сбились в углах комнат и стояли, заткнув пальцами уши. Некоторые, словно ополоумев, ползли к середине комнаты, а затем выбегали на кухню и даже засовывали свои головы в печки. Свист падающих бомб и пулеметные очереди были такими громкими, будто одновременно стреляют тысячи орудий. Самолеты летели так низко, что казалось, будто можно рукой дотянуться до них через открытую форточку. Соломенная крыша одного дома была пробита; все, кто находился в доме, получили ранения, а два

человека сразу погибли.

Еще не показалась луна, платформа станции Анбён была окутана легким туманом. Земля дышала теплым воздухом, и благоухала разнотравьем. После ливня отчетливо было слышно журчание ручья.

Нам было приказано ликвидировать последствия пожара от зажигательных бомб и захоронить тела погибших. Затем, после легкого ужина, мы ждали поезд, на котором в 10 часов должны были уехать уже в составе нового взвода. Однако вновь назначенные офицеры были не совсем уверены, что за нами скоро приедут и мы успеем отбыть вовремя.

Рядом с железнодорожной станцией между рисовыми полями одиноко стояли крестьянские дома. Ветер уже утих, но в воздухе по-прежнему слышался запах воды от дальней речки. Если отсюда следовать вдоль ручья Намдэчхон, то можно прийти в то место недалеко от моря, где я недавно проходил службу в спецотряде. Там же, неподалеку, должна быть нансонская народная школа. Я сквозь ночную темноту посмотрел в ту сторону, но ничего не было видно. Нестерпимо жалили комары. А вдали простиралась бесконечная Анбёнская равнина, которая начинается с горной местности Сингосан и храма Сокванса на юго-западе. Отсюда она расширяется и далее тянется в северо-восточном направлении, где ее огибает ручей Намдэчхон. Всё было погружено в темноту, и невозможно было увидеть даже холмы и курганы, обычно хорошо заметные вдали. Так и мы, более четырехсот человек, тоже растворились в этой летней темноте. Высоко в небе мерцали звезды, с одного конца неба на другой величественно перекинулся Млечный Путь, на небе легко можно было различить созвездие Большой Медведицы.

Мы беззаботно болтали о всякой всячине, разжигая костер для отпугивания комаров. Клубы дыма разъедали глаза, сильно раздражали носы, но комары продолжали яростно атаковать нас. Их жужжание напоминало звуки вражеских самолетов, летавших вчера над нашими головами.

Мы сидели на краю рисового поля втроем: я, Ким Сокчо и Ким Чжонхён. Здесь, у дороги, были высокие заросли, а там, внизу, под холмами, раскинулись рисовые поля и широкая равнина. Мы держали в руках стебли полыни и дикого шпината, которыми отгоняли комаров, но все было бесполезно — те продолжали безжалостно нападать на нас.

До последней минуты Ким Чжонхён умолял включить его в группу, которая направлялась в Ульчжин. Он настойчиво просил меня:

— Сделайте мне одолжение. Мне кажется, что вы, товарищ и

брат, сможете это сделать. Постарайтесь, пожалуйста, чтобы меня взяли с вами. Тогда после Объединения Родины смогу вернуться домой. Буду жив или нет, я всегда хочу быть вместе с вами, дорогой брат, и с товарищем Ким Сокчо. Я хочу с достоинством вернуться домой и пригласить вас к себе в гости.

Вот такие несуразные слова произносил этот юноша. Даже Ким Сокчо ничего не сказал в ответ: то ли не хотел, то ли считал, что это не его дело. Создавалось такое впечатление, что он не сочувствовал Ким Чжонхёну. Казалось, будут они в одной группе или нет — для него не имеет особого значения. Но поскольку Ким Чжонхён уж слишком надоедливо приставал со своей просьбой, Ким Сокчо, не выдержав, резко оборвал его:

— Хватит артачиться! Все равно ничего не получится. Здесь такой вопрос не решается. Ты должен учиться в тылу.

Я был поражен такому резкому тону разговора, а Ким Чжонхён тут же замолчал и не стал больше донимать нас своей просьбой. Вот так в один миг Ким Сокчо расставил все точки над «и».

Чуть позже я осторожно спросил его:

— Вы, товарищ Ким Сокчо, так поступили с Ким Чжонхёном по наставлению Каль Сынхвана?

Глядя в темноте на меня, он решительно ответил:

— Нет, не поэтому. Это никак не связано с его словами. Просто товарищ Ким Чжонхён не может оставаться с нами.

Почти забытый чхунчхонский говор в данном случае пошел на пользу нашему взаимопониманию. Я спросил:

— Может быть, вы так поступили с Ким Чжонхёном чисто формально, а в личном плане хотели бы, чтобы он всегда был рядом с вами?

— Нет. Не совсем так. Нельзя противопоставлять личное и общественное. Моя дружба с Ким Чжонхёном носила не только личный характер. В этом отношении Каль Сынхван заблуждался. Не знаю, имею я право так говорить или нет, но я не верю людям, подобным Каль Сынхвану. Они говорят правильные слова, но на первый план всегда выдвигают свои корыстные интересы. Извините, мне не хотелось бы вести разговор на такую тему. Давайте прекратим этот разговор. Не люблю говорить о людях за глаза, — ответил он.

— Конечно, конечно, — согласился я для вида и тут же добавил:

— Вы говорите, что дружба с Ким Чжонхёном носила и личный, и официальный характер. Тогда, может быть, вам стоит ехать вместе с ним до Ульчжина? Каково ваше окончательное мнение на этот счет? Почему вы против?

— Видите ли, официальность, по-моему, проявляется не только в казенной форме общения между людьми. Поскольку личное и общественное всегда сочетаются, личная форма общения носит и общественный характер. Если бы люди разговаривали между собой только на официальном языке, это породило бы массу неудобств и они бы чувствовали себя очень неловко.

— Теперь все понял. Достаточно, — коротко сказал я.

В этот момент Ким Чжонхён вдруг начал плакать, шмыгая носом. Он говорил, как ребенок:

— Как я теперь буду жить один, без товарища Ким Сокчо и доброго старшего брата?

Эти слова несколько рассмешили меня. Было уже темно. Ким Сокчо подошел к Чжонхёну, положил руку на его плечо и стал успокаивать:

— Рано или поздно это должно было случиться. Ты думал, что всегда кто-то должен присматривать за тобой? Теперь это время ушло безвозвратно. С сегодняшнего дня ты будешь жить самостоятельно. Пора браться за ум. У тебя все получится!

Было видно, что Ким Сокчо тоже переживает и произносит свои слова искренне. В то же время внутри него зрела решительность в отношении Ким Чжонхёна.

— Я все понимаю, — всхлипывая, бормотал Ким Чжонхён.

Растроганный Ким Сокчо притянул его к себе, энергично встряхнул и твердым голосом сказал:

— Ты должен серьезно перестроиться. Пора знать об этом. Надо ехать в тыл. Это необходимо!

Ким Чжонхён перестал плакать, видимо, кое-что дошло до него. Постепенно он успокаивался, приходил в нормальное состояние, даже принялся болтать без умолку в своей обычной манере. Теперь он выглядел спокойным и рассудительным. Сказал, что хотел бы служить в кавалерии, так как умеет ездить верхом. Кстати, мы с Ким Сокчо поддержали эту идею.

В этот момент прибыл паровоз и прозвучала команда «Собираться!» Мы двинулись в сторону вокзала. Примерно за полчаса мы устроились в товарном вагоне. Все это время Ким Чжонхён находился с нами. Из вагона он вышел, когда уже дали сигнал отправления. Когда поезд тронулся, он бежал вслед и о чем-то громко кричал. Но мы ничего не смогли разобрать. Только догадались, что это были последние слова прощания.

С тех пор мы ничего не слышали о нем. Что касается Ким Сокчо, то он пал смертью храбрых, не успев прослужить и месяца на новом месте. Более подробно я расскажу об этом ниже.

И еще. Мой дядя, похожий на господина Каль Сынхвана, был

убит молодыми людьми правой политической ориентации спустя два дня после прихода войск Национальной армии. Наиболее «ненавистных врагов» в количестве четырех-пяти человек, в их числе и дядю, привязали к столбам руками назад, а затем по очереди стреляли в них из пистолета…

Глава 3
Блуждание в потёмках

1

После 10 часов вечера наш поезд помчался от станции Анбён по Восточной железной дороге на северо-восток. Скоро он уже проехал через железнодорожный узел Кёнвонсон, откуда открывается путь на юго-запад в сторону храма Сокванса на горы Сингосан и Самбансан. Сначала он двигался по правой стороне северного подножия горы Хваннёнсан. Затем — по Анбёнской равнине, мимо крестьянских домов, тутовых деревьев и станции Оге, где должен был сделать короткую остановку, но не остановился, а снова повернул на юг. Так он вышел за пределы Анбёнской равнины и, не дойдя до станции Саным, оказался в узкой горной долине. Потом он, минуя Часан, Хыпкок, Пхэчхон, Кочжо, Тончхон и другие места, снова двигался по берегу Восточного моря через город Чанчжон и реку Вегымган. В эту же ночь он прибыл в Косон. Из-за бомбежки железная дорога от Косона была разрушена, поэтому до станции Чончхак, что в Янъяне, нам пришлось добираться пешком. Оттуда через 38-ю параллель нам предстояло идти до Ульчжина через Чумунчжин, Каннын и Самчхок. Предполагалось, что это займет примерно десять дней.

Наша команда в количестве двухсот человек была спешно сформирована из пяти взводов. Майор, прибывший из полка, немедленно назначил командирами в этот отряд шесть офицеров из нансонского спецподразделения. В спешке новые офицеры не успели даже получить удостоверения личности.

Добровольцы с Юга, не относящиеся к числу насильственно завербованных, например Чан Согён, Чан Сеун, Ким Сокчо и другие двадцать человек, были включены в один список. Остальных отправили в глубокий тыл, на Север. По приказу все организационные вопросы должны были решаться на месте дислокации личного состава в соответствии с обстановкой. Так получилось, что мы, несколько учеников выпускных классов средней школы, должны были служить вместе с новоиспеченными офицерами, которые совсем недавно обучались в нансонском спецподразделении. Они были вчерашними студентами, мобилизованными в армию. Поэтому, естественно, в общении между нами возникали определенные неудобства. И майор, наш старший начальник, тоже это понимал. Вид у него был довольно

суровый, и это вызывало трепет у окружающих.

Однажды он незаметно подозвал нас, старшеклассников, и доверительно, мягким голосом сказал:

— Я все вижу и хорошо понимаю вас. Но не стоит так переживать. В сущности, не имеет большого значения, в офицерской ты форме или нет. Когда окажетесь в реальной боевой обстановке, вы меня лучше поймете.

Чтобы окончательно нас успокоить, он назначил каждого из нас заместителем командира взвода, хотя по штатному расписанию такая должность не предусмотрена. Посочувствовал нам и один офицер из резервного батальона в Тансалли, с круглым как луна аристократическим лицом. В привычной менторской манере он говорил:

— Вы хорошо служите, товарищи. В общем, я понимаю, что вас беспокоит. Но, по-моему, не следует так волноваться. Не буду много говорить. Желаю вам здоровья и удачи. Все будет хорошо!

К тому времени в наш отряд прибыл вновь назначенный командир, капитан высокого роста. Говорили, что до назначения к нам он ведал хозяйственными делами в бригаде. Кроме высокого роста, мы не заметили за ним никаких других преимуществ. Капитан стремился произвести впечатление на личный состав своим красноречием, но эти попытки выглядели слишком уж искусственно, и никакого успеха он не имел. С первого взгляда не трудно было догадаться, что он не строевой офицер и должность командира воинской части ему не по плечу. Возможно, именно поэтому он так стремился всеми способами укрепить свою власть. Он должен был сопроводить нас до Ульчжина и вернуться обратно в штаб. Но пока он считался главным начальником нашего подразделения.

Поздней ночью в шести товарных вагонах мы тронулись со станции Анбён. Весь первый вагон был занят офицерами-новичками под командованием Главного Начальника. В каждом из оставшихся пяти вагонов было размещено примерно по сорок человек. Мы, заместители командиров взводов, находились вместе с солдатами в тесных вагонах. Каждому из нас выдали компас и пистолет, необходимые в условиях боя. Поэтому не только я, но и другие уже с момента посадки на поезд догадались, куда нас везут. Как раз в то время в окрестностях Пхохана и Ёндока на передовой линии фронта в окружении противника находилась элитная часть северокорейских войск. Так вот, новобранцы должны были прикрывать ее отступление. Любым способом мы должны были задержать противника в окрестностях Ульчжина хоть на короткое время.

В вагоне было настолько темно, что ничего не было видно

даже на расстоянии вытянутой руки. Лишь по светящимся огонькам можно было догадаться, что это люди, а не призраки, сбившись в небольшие группы, смолят самодельные бумажные папиросы с махоркой. Те же, у кого кончились папиросы, только чмокали губами, воображая, что тоже курят. Другие, сидя у окна, по очереди затягивались остатками папирос, передавая друг другу. Вот почему казалось, что в темноте как будто перемещаются огненные точки.

Судя по тому, как маневрировал наш поезд и как менялось положение наших тел, можно было догадаться, в каком направлении он движется. Мы знали, что, если колеса скрежещут о рельсы, значит, поезд огибает ущелье, а если стук колес утихает, то он движется по ровной местности. В это время мы полагали, что скоро на левой стороне под отвесными скалами должен появиться берег Восточного моря, а на правой стороне — восточный отрог хребта Хваннёнсан, который является началом горы Тхэбэксан. Судя по всему, поезд должен проходить узкое ущелье в окрестности Саным.

Так называемые южные добровольцы были собраны из самых разных мест, и они довольно сильно отличались друг от друга. Одним словом, эта была неорганизованная масса людей, случайно оказавшихся в одном месте. Тем не менее, они были не лишены чувства коллективизма и инстинктивно тянулись друг к другу. Вероятно, так объединяет общая судьба. Некоторые из них даже подружились после первых увеселительных мероприятий.

Каждый новобранец занимал свое место в вагоне согласно предписанию. Например, товарищ из Ёнбена, Ким Сокчо с Юга, человек из Мунчхона по прозвищу Камчжабави — Камень-картошка — и еще несколько человек сидели недалеко друг от друга перед закрытым окном вагона. Пока ехали до местности Оге, между ними происходил такой разговор:

— Эй, товарищ из Ёнбена, вы еще не спите?

— Какой там сон. Лежу с открытыми глазами.

— А вы что-нибудь видите?

— Нет, хотя глаза у меня открыты.

— Зачем тогда нужны такие глаза? Лучше выбросить. Сколько лет исполнится товарищу из Ёнбена в этом году?

— Мне будет тридцать два года. Почему удивляетесь? Откровенно говоря, в мирное время вы не смогли бы обращаться ко мне так запросто. Так уж получилось.

Кто-то говорил, что хотел бы видеть свет молодой луны, отражающийся в речной воде, а другой жаловался, что очень хочет сходить по малой нужде…

Это были последние минуты их шутливых разговоров. Вскоре

поезд вошел в темный туннель и уже ничего не было слышно. Через короткий промежуток времени поезд вновь оказался на равнине, но в вагоне по-прежнему было тихо.

Я был в другой стороне вагона среди студентов, прибывших с Юга. Они также сидели, прислонившись к стенке вагона, в гнетущей тишине, ничего не видя перед собой. Каждый из них было глубоко погружен в свои мысли…

Это было в начале вечера в Анбёне. После раннего ужина в одном из частных домов у железнодорожного вокзала мы вышли во двор, который находился рядом с навозной кучей. В то же время показался и командир третьего взвода — лейтенант Ко Ёнгук, который жевал на ходу еще не проглоченную пищу. Говорили, будто он сын хозяина пхеньянской фабрики по производству соевого творога тофу. Он отличался неуживчивым характером. Из-за этого еще в нансонском спецотряде он попадал в конфликтные ситуации. Его призвали в армию со второго курса Пхеньянского пединститута, и он был всего на два года старше выпускников средней школы. Пока мы служили с ним в одной части, наши отношения были обычными, нормальными. Но когда он надел офицерскую форму, стал вести себя по-другому и стремился всячески избегать встречи с нами, старшеклассниками. Одним словом, появлялись первые признаки зазнайства. Тем не менее, он все еще был больше похож на студента, чем на офицера. Как-то я шутя спросил:

— Ну, как дела у нового офицера? Как он чувствует себя?

Он, слегка улыбаясь, ответил с ярко выраженным пхеньянским говором:

— Какая разница — в офицерской я форме или нет! Откровенно говоря, жизнь в спецподразделении была намного интереснее. Мне там больше нравилось. Тогда хоть свинину ели вдоволь и по-прежнему чувствовали себя студентами.

Складывалось впечатление, что он не ориентируется на местности — спрашивал, где, на какой стороне находится Нансон и сколько километров до тех мест.

Подходил к концу долгий летний день, на равнину опускалась ночь. Совсем недавно можно было узнать, с какой стороны находится море. Северо-западная часть его берега была окружена невысокими холмами, а вся северная часть была открыта. На востоке, в местности Сонбунни, виднелись сосновые ветрозащитные лесопосадки. Южная сторона, местность Нансон за Намдэчхоном, была закрыта высокими холмами.

Над бескрайними просторами Анбёнской равнины высоко в небе мерцали звезды. Неожиданно младший лейтенант Ко, оглядываясь по сторонам, осторожно спросил:

— Ваш дом где-то рядом? Далеко отсюда?

— Прямо вон там, за горным перевалом.

— Значит, это ваша деревня, — быстро сказал лейтенант.

Вечерний пейзаж у подножия горы был прекрасен, аж дух захватывало! Небо прояснилось после дождя, дул свежий ветерок. В полях созревал рис. Вокруг царила безмолвие. Было слышно, как падает бадья внутрь колодца, хотя этого и не было видно. Наверно, кто-то вечером набирал воду.

В западной части Анбёнской равнины с севера на юг протянулась сплошная горная гряда. Я пристально смотрел в ту сторону, но, к сожалению, ничего не было видно. В этот момент солнце покинуло вогнутую часть пограничного перевала.

Совершенно неожиданно младший лейтенант Ко Ёнгук тихо и доверительно сказал:

— Перед отъездом поезда спрячьтесь куда-нибудь. Вам не следует ехать. Всем, независимо от занимаемой должности, следует знать, куда мы едем в эту ночь.

Я молча стоял и смотрел на него. В это время из хижины выходили после ужина другие люди. Младший лейтенант кратко сказал:

— Это было сказано в шутку, не стоит воспринимать эти слова серьезно.

Конечно, я тоже кое-что понял. Слова младшего лейтенанта могли стать реальностью. Если исходить из данной обстановки, он, безусловно, был прав. Я подумал, что если поеду дальше этим поездом, то меня почти наверняка ожидает смерть. Нам предстоял очень длинный и опасный путь. От Вонсана до Косона 300 ли[14], оттуда пешком до Каннына еще 300 ли. А затем нужно было преодолеть еще длинный-длинный путь до Ульчжина. Было ясно, какая судьба нас ожидает.

Скрежет колес напоминал тяжелое дыхание зверя. Поезд со скрипом преодолевал подъем, а затем, с облегчением вздыхая, спускался вниз. По мерному стуку колес можно было догадаться, что он идет по берегу Восточного моря в сторону горы Часан.

Теперь все осталось позади. Однако все время перед глазами предстает та впадина перевала, которую я недавно видел на станции Анбён. Вероятно, это объясняется тем, что чем больше думаешь о пережитом, тем труднее избавляться от него.

Вся окрестность была погружена в темноту. Вместе с тем мне казалось, что все быстрее стирается граница между длинным гребнем горы на юго-западе и широким небесным пространством с его многочисленными звездами.

Отсюда до той местности, если идти напрямую, должно быть примерно десять ли. Если бы я не садился в поезд, как это

советовал младший лейтенант Ко, то, возможно, я шел бы сейчас по тропинке сквозь рисовое поле, через широкую Анбёнскую равнину. Если идти прямо некоторое время, то можно было оказаться около ручья Намдэчхон, через который можно было пройти быстрее, если идти не по мосту, а вброд на самом узком месте течения. Затем, обойдя станцию Пэхва, можно было оказаться на Кёнвонской магистральной дороге. А уже там по горной тропинке до нашей деревни Хёнчжудон рукой подать. Переход через перевал занял бы не больше 20 минут.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я начал разговор с товарищем Чан Сеуном:

— Вы еще не спите?

— Нет, еще не сплю, — последовал ответ. Он полулежал, прислонившись к стенке вагона.

Затем Чан Сеун вдруг присел и стал смотреть в мою сторону. Я заметил это и спросил:

— Вы случайно не помните человека по имени Ким Сансу? — И тут же добавил:

— Кажется, это было в позапрошлом году. Он был студентом 3-го курса отделения английской литературы Сеульского университета. После перехода на Север он преподавал в нашей школе общественные науки. Стало быть, он учился на одном отделении с вами, только старше вас на два курса.

Чан Сеун несколько раз повторил имя Ким Сансу. Затем сказал:

— Не знаю такого человека. После событий, связанных с реформированием Сеульского университета, обстановка там была довольно неспокойная. Студенты пребывали в таком возбужденном состоянии, так что даже однокурсники почти не общались между собой без особой надобности. Даже студенты одного отделения, если один был старше другого на два курса, почти не встречались.

— Да, наверно, так и было, — согласился я и еще шире открыл глаза в кромешную тьму. За Чан Сеуном, в непроглядной темноте, прислонившись к стенке вагона, должен сидеть Чан Согён с ясными, широко открытыми глазами. Полагаю, ему известно, куда ведет дорога, по которой мы едем.

2

У щуплого Чан Согёна было маленькое худое лицо с выпученными глазами, которые производили немного странное и даже отталкивающее впечатление. Может быть, поэтому при встрече с ним я почему-то чувствовал себя не совсем комфортно.

Хотя в моем подчинении находилось пятьдесят человек, именно с ним мне почему-то не хотелось встречаться. Он смотрел на меня так, словно пускал глазами стрелы. И на вечеринках, и на собраниях по идейно-воспитательной работе личного состава он всегда сидел рядом с Чан Сеуном. Создавалось впечатление, что Чан Согён зависит от своего приятеля. Но это было только первое впечатление. На самом деле он был сильным и вполне независимым человеком. Уже первые контакты с ним убедили меня в этом. Может быть, у меня сложилось такое мнение о нем под влиянием его необычного поступка, связанного с переходом на Север. Будучи студентом 3-го курса Института рыбного хозяйства в Пусане, он один, преодолевая неимоверные трудности, в начале войны — в июне 1950 года — пробивался на Север в то время, когда оттуда на Юг бежала огромная масса людей. Он перешел линию фронта в районе Тэчжона, а затем вступил в ряды добровольцев Юга. Однако по его поведению никак нельзя было сказать, что он способен на такой самоотверженный поступок. Он резко отличался от так называемых горячих патриотов, которые при каждом удобном случае выставляли напоказ свои заслуги. На их фоне он казался необычным человеком, и моё любопытство к нему усиливалось. В отличие от сеульского студента Чан Сеуна он был одет довольно бедно. На нем была легкая поношенная куртка, в которой он пешком добирался из Пусана в Сеул, где встретил своего школьного товарища. Уже вместе они вступили в Добровольческую армию. Несмотря на невзрачный внешний вид, он производил впечатление волевого и энергичного человека. Его гордость и смелость особенно подчеркивались орлиным взглядом. Можно сказать, что я испытывал некоторую робость перед ним. Возможно, поэтому, когда надо было что-то спросить у него, я не мог это сделать напрямую, а общался через Чан Сеуна, который всегда хорошо понимал ситуацию и сочувствовал мне.

Каждый раз, когда я сталкивался глазами с ясным орлиным взором Чан Согёна, я не мог начать с ним разговор. Уже потом я сделал для себя вывод, что моя робость тогда была связана с отсутствием жизненного опыта. Допустим, если бы в то время я спросил его, почему он преодолел такое большое расстояние и вступил в Добровольческую армию и что он теперь думает об этом, он, наверно, воспринял бы мои вопросы как глупые и бессмысленные. Несмотря на это, я все равно задал бы эти вопросы — так интересно мне было услышать его ответ.

Откровенно говоря, у меня были личные основания. Дело в том, что, встречаясь с Чан Согёном, я всегда вспоминал учителя Ким Сансу. Если сравнивать этих людей, то объективно Ким

Сансу имел больше общего скорее с Чан Сеуном, чем с Чан Согёном. Сансу и Сеун были студентами одного вуза, даже одного отделения, но только с разных курсов.

Господин Ким Сансу, являясь студентом третьего курса Сеульского университета, в 1948 году добровольно перешел на Север вместе со студентами, придерживающимися левой политической ориентации. Осенью того же года он был назначен учителем обществоведения в старших классах нашей средней школы. Я тогда впервые увидел настоящего южанина.

Он немного прихрамывал на левую ногу. Говорили, что он был ранен в 1946 году на улицах Сеула во время рукопашной схватки со студентами правой политической ориентации. Тогда я мысленно представлял его студенческую жизнь на юге страны. Вот во время одного из столкновений с умеренными студентами он бесстрашно, как киногерой, двинулся вперед, увлекая остальных за собой. Казалось, что в такие минуты он был безумно храбрым, готовым в случае необходимости идти в огонь и в воду…

Однако в обычной, спокойной обстановке он выглядел мягким, даже немного стеснительным человеком. Теперь наш учитель был совсем не похож на того смелого вожака левого молодежного движения. Он вел умеренный образ жизни. Часто можно было видеть, как он без особых дел ходил взад и вперед по темному коридору, шаркая каблуками. Со стороны этот человек крупного телосложения выглядел довольно одиноким. Вместе с тем в нем сохранились еще черты, присущие всем студентам. Эти качества способствовали его сближению с учащимися. Иногда, воспользовавшись простотой и скромностью учителя, школьники бесцеремонно задавали ему, мягко говоря, не совсем приятные вопросы, которые касались только его личной жизни. Кстати, подобные вопросы даже в виде намека невозможно было поставить перед другими учителями. Например, вот такие:

— Господин учитель, на что вы надеялись, когда переходили на Север, в этот ад?

Он отвечал:

— Не то слово вы используете. Надо говорить не ад, а рай.

— На первый взгляд вы похожи на сына помещика или буржуа. Эти слова означают, что вы выглядите очень хорошо, как отпрыск богатого рода. Поэтому мы просим воспринимать их как комплименты и не обижаться.

Были и другие бесцеремонные вопросы:

— Господин учитель, получаете ли вы какие-нибудь вести от детей, оставшихся на Юге?

— Какое впечатление произвела на вас жизнь на Севере? Мы,

прежде всего, имеем в виду свободу.

— У вас, господин учитель, в последнее время довольно печальный вид. Имеются ли для этого какие-нибудь причины?

Задавались и другие бестактные вопросы. По мере увеличения количества вопросов Ким Сансу все больше краснел и выглядел совершенно беспомощным.

…Это произошло где-то в начале 1949 года, спустя несколько месяцев после его назначения в нашу школу учителем. После обеда, около двух часов дня, должен был начаться пятый урок. В это время всем пришел приказ собраться в лекционном зале. Без особого желания мы побрели туда, полагая, что нас снова зовут на какой-нибудь митинг солидарности или на очередное нудное собрание. Однако на этот раз все было совсем по-другому. Раньше такого никогда не было. С правой стороны от трибуны уже сидела молодая женщина в незнакомой форме ярко-зеленого цвета, которая не была похожа на форму Корейской народной армии. Эта военная форма салатового цвета привносила какое-то ощущение уюта. С туго затянутым вокруг нежной талий поясом она больше была похожа на симпатичную советскую партизанку из кино или театральной постановки.

В прошлом на собраниях вступительное слово обычно произносил ответственный за политико-воспитательную работу в организации демократической молодежи — учитель Чхве Санхо. Он же представлял гостя. Но на этот раз эту работу выполнял учитель Ким Сансу. Чуть прихрамывая на одну ногу, он подошел к трибуне и своим специфическим охрипшим голосом негромко, но отчетливо сказал:

— Товарищи учащиеся, я хочу представить вам необычную гостью из Южной Кореи Ли Ёнсун, бывшую студентку 3-го курса Сеульского женского университета, а ныне самоотверженную партизанку в Одэсане. Несмотря на свою занятость, товарищ Ли Ёнсун решила ненадолго зайти к нам по пути к месту назначения в Имчжи. Товарищи, поприветствуем дорогую гостью громкими аплодисментами!

Казалось, что на трибуну поднимается не самоотверженная партизанка, а совсем юная студентка женского института с короткой стрижкой и загорелым лицом. Сначала как будто даже немного стеснялась, но постепенно ее робость прошла, и она стала говорить более уверенно и интересно. Ее речь отличалась свежестью и непосредственностью, в отличие от всех тех речей, которые нам доводилось слышать раньше. После ее выступления уже никто не сомневался в том, что она действительно является настоящей партизанкой из Одэсана.

В какой-то момент я случайно обратил внимание на учителя

Ким Сансу, который сидел на деревянном стульчике слева от трибуны и смотрел в зал. Через высокое застекленное окно прямой солнечный луч падал на его лицо. И тут я с удивлением заметил, что на его лице как будто нет признаков жизни. Я поднял голову еще выше и снова посмотрел в сторону трибуны. Впечатление было то же самое. От волнения у меня сильно забилось сердце. Увиденное так сильно потрясло меня, что я сам не соображал, что со мной происходит. Но меня не покидала мысль о том, что смерть витает над ним. Впрочем, вскоре я совсем забыл об этом неприятном случае. Откровенно говоря, когда я впервые встретил Чан Согёна, я про себя сравнивал его с учителем Ким Сансу, который перебрался на Север год назад.

Возможно, волею судьбы они оба оказались на Севере по одной причине, но при этом они сильно отличались друг от друга.

Мне очень хотелось знать, почему Чан Согён, преодолевая неимоверные трудности, решил прибыть на Север и как он чувствует себя на новом месте. При первом знакомстве с его личным делом я узнал, что он студент, постоянно проживает в Сеуле, что ему двадцать два года, что родился он в семье служащих, его отец юрист по специальности. При этом в скобках было уточнено, что он адвокат. Графа «род занятий отца» сначала была зачеркнута карандашом, но потом была восстановлена на полях.

Я тихо спросил Чан Сеуна, чтобы Чан Согён не смог расслышать:

— Отец Согёна адвокат?

— Да. Некоторое время он был государственным служащим. Недолго служил и при японском колониальном режиме, так что он был известным человеком. Согён единственный сын, а голова его забита всякими идеями. Вообще-то Согён (Чан Сеун назвал его просто по имени, опуская слово «товарищ»), по существу, уже порвал отношения со своим домом. Свидетельством тому является его приезд в Пусан и поступление в Институт рыбного хозяйства. Его мать несколько раз приезжала к нему из Сеула, но они не смогли достичь взаимопонимания из-за идеологических разногласий.

Меня также интересовали взаимоотношения между друзьями, потому я спросил:

— Вы ведь учились вместе в старших классах средней школы. А у вас не было разногласий по вопросам текущих событий?

— Конечно же, мы спорили по интересующим нас вопросам, но это было обычным явлением в нашей среде. Кстати, Согён был руководителем читательского кружка.

Тут же представив реальную картину споров, я лишь незаметно покачал головой.

3

Я до сих пор не осознал до конца, почему на станции Анбён не пошел в сторону родного дома, а, вопреки совету младшего лейтенанта Ко Ёнгука, сел на этот поезд. Вероятно, я принял такое решение под впечатлением встречи с человеком по имени Чан Согён. Еще в Тансалли мне все время хотелось задать вопросы Чан Согёну из-за любопытства к нему. Но теперь я думаю иначе.

Может быть, в этом поезде находится и Чан Согён, преодолевший тысячи ли, чтобы оказаться на Севере в этой обстановке. Движимый высокими идеалами, он навсегда покинул родной Юг. А теперь, вероятно, волею судьбы возвращается обратно. Этот человек в какой-то момент вселил в меня уверенность. В жизни бывают моменты, когда человек словно заново рождается, сравнивая себя с другим. В частности, поэтому я спросил Чан Сеуна, знает ли он господина Ким Сансу. Я хотел не столько получить положительный ответ, сколько уточнить свою точку зрения, лучше понять самого себя. Сейчас рядом со мной, за Чан Сеуном, находится Чан Согён, напряженно всматривающийся своими ясными глазами в кромешную мглу. Теперь мне стало понятно, почему Чан Согён, несмотря на все трудности, преодолел такое большое расстояние и находится здесь. Ясно, что он думает о своем теперешнем положении. Вместе с тем в моей голове все время почему-то вертелась мысль о нем. По сути говоря, Чан Согён все еще находится где-то рядом.

Четыре дня назад, когда ему выдавали новую военную форму, я впервые увидел на лице Чан Согёна улыбку Иногда на вечеринках, сидя перед Чан Сеуном, он так же улыбался — чуть загадочно и сдержанно. Новая военная форма сидела довольно свободно на его худощавом молодом теле. Но, в отличие от других, он не проронил ни одного слова недовольства по поводу неподходящего размера одежды. На улице шел проливной дождь. Вместе с другими новобранцами Чан Согён, тихо улыбаясь, аккуратно сворачивал свою старую летнюю куртку и брюки. Я украдкой наблюдал за ним. Правда, я не совсем понимал, была ли его улыбка естественной или нет. Медленно поднимая голову, он увидел меня и тихо спросил, немного запинаясь, что делать со старой одеждой и обувью. Кстати, тогда он заговорил со мной впервые. Я сначала даже чуть растерялся, но потом ответил:

— Военная форма идет вам. Сворачивайте, завязывайте

ремнем и оставляйте все вместе здесь. Потом по фамилии и номерку вам все вернут обратно.

Я отвечал машинально — всего полмесяца назад и передо мной возникал такой вопрос. Он также спрашивал, где эти вещи будут хранить. Я ответил — на складе бригады.

На вопрос, когда вернут, я ответил, с легкой улыбкой взглянув на рядом стоящего Чан Сеуна, что Чан Согён получит свои вещи при возвращении домой как отважный воин. И добавил, что ему не придется снова надевать их.

— Что это значит? — интересовался он, еще шире раскрыв свои ясные глаза.

Краснея от неожиданного вопроса, я тут же ответил:

— Когда будете возвращаться домой из Кэсона, вам выдадут парадную форму.

Но Чан Согён довольно уверенно говорил:

— Нет. Можно хорошенько постирать и высушить старую одежду и в ней возвращаться домой. Правда, будет холодновато, если это случится зимой.

В разговор вмешался Чан Сеун:

— Товарища Чан Согёна можно понять. Его судьба сложилась несколько иначе, чем у нас. Он в этой одежде преодолел огромные трудности и большое расстояние, чтобы добраться сюда из Пусана. Так что ему не так просто расставаться с ней.

Чувствуя благодарность к Чан Сеуну, я заметил:

— Разве что пригодится для музея Объединения страны.

— Нет, не для этого, — отрезал Чан Согён. Нахмурив брови, он смотрел то в мою сторону, то в сторону своего товарища. С серьезным выражением лица он спросил:

— А когда выдадут оружие?

Я ответил, что точно не знаю, но полагаю, что получим скоро.

— Скоро — это примерно сколько времени ждать? — требовал он уточнения.

— Не кажется ли вам, что вы уж слишком донимаете меня своими вопросами? — сказал я полушутя, но уже чуть повышенным тоном. В это время в разговор дипломатично вмешался Чан Сеун. Он сказал, что у товарища Чан Согёна, мол, есть такая привычка — все выяснять досконально. Он сам это знает, поэтому всегда молчит, когда нет особой надобности.

Чан Согён отошел в сторону и стал наблюдать за проливным дождем на улице. У него был несколько растерянный вид…

Между тем наш поезд, похоже, окончательно миновал Саным, но еще не дошел до Часана и находился на длинном морском побережье. Стук колес сливался в один веселый ритм. Они напоминали звонкий женский смех. Чувствовался запах моря, и

атмосфера в вагоне стала другой. Люди в вагоне оживились и даже стали шутить.

Кто-то сказал:

— Эй, Товарищ из Мунчхона, вы спите? Вот уже и море видно.

— Нет, я не сплю и не брежу во сне. Как можно спать в такой обстановке!

— А где же море?

— Разве не видите, что едем рядом? Я чувствую запах моря.

— Вы чувствуете, а я нет.

Вскоре шум у окна утих. В темном вагоне становилось светлее, и стали различимы фигуры людей, сидящих небольшими группами по углам вагона. Мы догадались, что наступает раннее утро, ибо в плотно запечатанном вагоне до этого всегда было очень темно. Кажется, поезд наконец-то вырвался из узкого ущелья и движется вдоль морского побережья. Был слышен отчетливый стук колес.

Впервые я ехал на поезде по берегу Восточного моря в 1942 году, когда ходил в 4-й класс народной школы. Все мы надели на спины рюкзаки голубого цвета, похожие на лягушек. Стоял погожий весенний день, небо было ясным и безоблачным.

Тогда говорили, что началась война на Тихом океане. Мы не имели никакого реального представления о ней. Она существовала лишь в нашем воображении; мы знали о ней по слухам, военным песням и лозунгам военного времени. Тогда не падали на головы людей многотонные бомбы, не были слышны пулеметные очереди, косившие все подряд. Было такое ощущение, что враг находится на расстоянии тысячи километров где-то далеко-далеко за океаном. Мы и представить себе не могли, что такое война, она казалась лениво движущейся морской черепахой, спина которой то появляется, то исчезает под водой. Нам, глупым молодым людям, имевшим смутное представление об этой войне, даже хотелось увидеть ее. Вместе с тем явно чувствовались тяготы военного времени. Не хватало предметов первой необходимости, ввели «карточную» систему. Нам выдали по паре спортивной обуви, и мы бережно ее носили.

Начальник волостной канцелярии всегда носил плащ, но теперь ходил в военной форме и в пилотке. Это выглядело довольно непривычно. Где-то далеко за десятки тысяч ли капитулировал Сингапур. А на улицах беспорядочно валялись фотографии Вельзевула, подписывающего акт капитуляции. На них Вельзевул был похож на обезьяну с длинным лицом. Сообщалось также, что потоплен флагманский корабль Великобритании. Всюду проходили факельные шествия и звучали

отрывки из бравурных военных песен. Создавалось впечатление, что где-то далеко идет не война, а легкая военная прогулка. Мы, отравленные военным угаром, тоже хотели принять участие в этой победоносной войне. Вот в такой трагикомичной обстановке жили мы в то смутное время.

В те времена война в нашем представлении ассоциировалась с громкими надоедливыми звуками тренировочных самолетов над новым аэродромом, с воображаемыми образами «воинов-снарядов», которые глядели на нас со страниц журналов. Одним словом, мы никак не чувствовали ее на собственной шкуре. И вот в один прекрасный день она закончилась.

Именно в то время в освещенном весенними солнечными лучами вагоне мы пели песню, а взрослые в соломенных шляпах делали нам замечания за то, что мы так громко поем. Мы ненадолго умолкали, затем снова продолжали петь, уже не обращая на них внимания.

Мы все вместе дружно закричали, когда поезд выходил из узкого ущелья и под отвесными скалами показалось Восточное море. Что осталось в нашей памяти, когда мы ехали на том поезде, так это домик под черепичной крышей на холме среди тутовых деревьев и здание станции Оге. Хорошо также запомнился тот момент, когда поезд оказался на побережье между Санымом и Часаном, — мы неожиданно увидели море и необычное строение здания станции Кочжо. Она отличалась особенно длинной крышей голубого цвета. Мы вышли на станции и пошли на привокзальную площадь, а оттуда направились в сторону побережья, где находится Чонсокчжон. Вместе с тем, как ни странно, почти ничего не осталось в памяти от экскурсии на реку Вегымган в следующем году, кроме поездки на ночном поезде.

Однако вспоминается еще один случай того времени. В начале лета 1946 года свирепствовала страшная холера, и поэтому движение поездов было остановлено. Как раз в это время моя младшая сестра навещала своих родителей, но не могла одна возвращаться домой в Хыпкок. Тогда мы вместе с троюродным братом решили помочь ей добраться до дома. Мы втроем шли по побережью. Хотя это происходило четыре года назад, я до сих пор отчетливо помню этот случай.

Не останавливаясь в Анбёне и Пэхва, мы пошли прямо по середине Анбёнской равнины в сторону Оге. Потом вышли из ущелья Саным и очутились на длинной дороге, идущей вдоль побережья — между Санымом и Часаном. В сентябре 1945 года я учился в 10-м классе средней школы, а мой старший брат поступил на медицинский факультет Пхеньянского

государственного университета. Тогда университет еще не носил имени Ким Ирсена. Мы прошли более десяти деревушек, расположенных вдоль длинного побережья. Проходили мимо пешеходной и железной дорог, а в двух-трех местах нам встречались переходы без дорожных указателей. В одном месте увидели даже натянутую посередине дороги соломенную веревку, а рядом с нею — молодого человека, проверявшего пропуск в деревню, открытую в сторону моря. Здесь же стоял щит с двумя десятками объявлений политического содержания и пропагандой аграрной реформы. Судя по внешнему виду, щит стоял здесь, вероятно, давно, но, в отличие от других мест, почти никто не подходил к нему. Может быть, люди уже ознакомились с ним, или же их было слишком мало в этой деревне. Возможно, жители просто мало интересовались объявлениями, поскольку жили еще старыми представлениями и не были знакомы с директивными документами из Пхеньяна. Дело в том, что к тому моменту, когда указания сверху доставлялись в эту заброшенную деревню, они уже устаревали и теряли свою актуальность. В этом медвежьем углу, среди торчащих скал, пропитанных запахом соленой морской воды, из поколения в поколение люди жили в своем замкнутом мире по особым законам. У них сложился вековой уклад жизни, поэтому они не желали или не могли принимать всякие новые порядки.

Когда мы дошли до станции Хыпкок и уже еле передвигали ноги от усталости, окончательно наступил вечер. Наше внимание привлекла старая черепичная крыша здания станции слева от нас. По обеим сторонам дороги стояли, плотно прижавшись друг к другу, дома с соломенными и черепичными крышами. Были дома и с оцинкованной крышей. Не успели мы пройти три-четыре переулка, как показалась народная школа, где работал учителем муж моей младшей сестры…

— Товарищ заместитель командира, вы еще не спите? — спросил Чан Сеун. Я с некоторым удивлением ответил, что пока не сплю, и повернул голову в его сторону Он продолжал:

— Мне хотелось бы поподробнее узнать о старшекурснике, о котором вы говорили недавно. Его фамилия, кажется, Ким, а имя не помню. Так вот, хочется знать, как он, учившийся на английском отделении, мог преподавать общественные науки.

Я объяснил:

— К тому времени английский язык был отменен как предмет, поэтому Ким Сансу преподавал общественные науки. Кстати, занятия он проводил совсем неплохо. Голос у него был осипший, но говорил он довольно громко и всегда интересно, увлеченно. Во время рассказа сильно возбуждался, отчего лицо

его краснело. Несмотря на его солидный вид, нам показалось, что он чувствует себя одиноким. Жил он в пансионате на приморской набережной, и мы лично никогда не общались, поэтому больше ничего сказать не могу. Вместе с тем Ким Сансу производил неизгладимое впечатление. Почему-то он всегда ходил в обуви без каблуков, шаркал при ходьбе, как будто был обут в шлепанцы. Он был совсем не похож на либерала.

— Вот оно что. Начинаю понимать. Интересно, как он живет сейчас?

— Этого я не знаю. Может быть, все еще работает в школе. А может, и нет. Скорее всего, работает. Куда ему деваться с хромой ногой?

— Может быть, вы слышали что-нибудь о последнем периоде его жизни до перехода на Север?

— Ничего особенного не помню, — ответил я. Делая вид, что стук колес мешает слышать, я нарочно стал говорить громко, чтобы это было хорошо слышно Чан Согёну, который сидел недалеко и явно прислушивался к нашему разговору.

4

Поезд сделал короткую остановку на станции Хыпкок. Стояла глубокая темная ночь. Здание станции представляло собой мрачный дом с черепичной крышей. Вдали на юго-западе одиноко сверкала полярная звезда, глядя на которую мы сильнее почувствовали приближение зимы. Дверь вагона медленно открывалась, люди выходили для отправления естественных потребностей. Кругом было совсем темно, лишь над паровозом в разные стороны разлетались отдельные искорки тлеющего угля. На платформе мы не заметили ни одного местного жителя. Много людей вышло из вагона, поэтому мы не смогли бы воспользоваться туалетом, даже если бы нашли его. В такой обстановке каждый выходил из положения как мог: кто-то тут же на свежем воздухе делал свое дело, другие побежали в поле гаоляна, за станцию. Как ни странно, несмотря на большое скопление неорганизованных людей, все происходило от начала до конца в нормальной обстановке, без суматохи.

Мне тоже хотелось освободиться, но я решил прежде встретиться с начальством, ожидая каких-нибудь срочных указаний. С этой мыслью я пошел в сторону офицерского вагона. В ночной темноте сверкали огоньки, вылетающие из трубы паровоза, а двери вагона с офицерами были чуть приоткрыты. При тусклом свете нескольких карманных фонарей было видно, как они сидели на соломенных мешках на полу и пили водку.

Вероятно, еще до посадки в Анбёне кто-то из них раздобыл ее. К этому моменту и другие заместители командиров уже подошли к этому вагону. Заметив непрошеных гостей, один из офицеров быстро шепнул своему соседу, чтобы он прекратил светить фонарем. И все же до этого мы успели заметить в вагоне большие жестяные банки неправильной формы. Одни использовались для питья, а в другие мочились.

В этот момент из вагона вышел наш главный начальник, туповатый капитан, и с важным видом сказал:

— Это, должно быть, Хыпкок. Да, конечно!

Затем формально поинтересовался делами у подчиненных и посоветовал все дела делать заранее, ибо поезд до Косона идет безостановочно. Он был слегка пьян и говорил что-то еще, но никто не обратил на это внимания. Мы стали искать своих непосредственных начальников — командиров взводов. В свою очередь и они искали нас — своих замов. Они также были подвыпившие. Я нашел в темноте своего командира, и между нами состоялся такой разговор.

— Нет никаких происшествий? — спросил он.

— Нет, — четко ответил я.

— Все хорошо спали?

— Не совсем, вроде, и не спали.

— Что значит, вроде, не спали? Человек либо спит, либо нет.

— Это значит, что в вагоне было так темно, что невозможно было разобраться, кто спит, а кто нет.

— Ну, тогда надо было организовывать хоть какие-то мероприятия, чтобы им было не совсем скучно.

— Какие там мероприятия в такой обстановке! Впрочем, я иногда думал об этом, чтобы люди могли хоть на время позабыть свои невзгоды и выпустить пар. Но я не стал их тревожить и решил, что будет лучше, если они скоротают время по-своему.

— Может быть, вы правы. Только будьте внимательны. Проследите, нет ли среди личного состава больных. Особенно это касается вашего взвода, где имеются товарищи из Южной Кореи.

Я четко ответил, что все будет исполнено согласно приказу.

Мне уже тоже сильно хотелось помочиться, и я подошел к той части платформы, где почти не было людей, и дал волю…

В это время большинство, уже сделав свои дела, вошло в вагон и лишь некоторые слонялись у дверей.

Снова стало тихо, и тут я услышал негромкий знакомый голос:

— Не задерживаться, всем быстро в вагон!

Несмотря на то, что было темно, я заметил, как один офицер с белым шнурком от свистка на шее прямо идет навстречу ко мне.

Он чуть было не столкнулся со мной. Сразу узнал меня и тихо сказал:

— А, это вы. Значит, вы тогда не пошли домой, а сели в поезд.

Я был немного растерян и подумал про себя: значит, есть какая-то надежда еще.

Кажется, он был немного под хмельком и произносил про себя слова «значит, не пошел, сел в поезд», «ясно». Чуть покачиваясь из стороны в сторону, он зашагал вперед. Затем, остановившись, несколько раз дунул в свисток и громко скомандовал:

— Всем по вагонам, закрывать двери, отстающие, поспешите!

Двери быстро закрывались, я тоже вскочил в тамбур и увидел перед вокзалом служащего, который махал фонарем необычной формы. Поезд тронулся без гудка.

В темноте на ощупь я нашел свое место и впервые за долгое время вздохнул глубоко и с облегчением, прислонившись к стенке вагона. Одновременно мне казалось, что обрывается моя последняя надежда.

Я вспомнил воинский эшелон, который встречался мне по пути в школу и обратно. Хоть и военный, но он ничем не отличался от других поездов. Разница заключалась только в том, что к нему были прицеплены еще несколько запломбированных вагонов и он был длиннее, чем обычно. Двери вагонов, как пассажирских, так и военных поездов, всегда были закрыты, поэтому невозможно было знать, что там внутри, но по строгой атмосфере, которая царила вокруг длинного состава, можно было догадаться, что в нем находится необычный груз. Хотя внешне эти вагоны не отличались от тех, в которых перевозили коров, свиней и других животных.

Однажды был такой случай. На пути домой после уроков я стоял у перехода железнодорожного полотна. Немного моросило. Я равнодушно смотрел вслед составу, мчащемуся на Юг. Вдруг посередине поезда увидел на открытой платформе два танка, укрытые от дождя толстым брезентом. А в одном из вагонов была чуть приоткрыта передняя дверь, и я успел заметить, что внутри вагона, плотно прижавшись друг к другу, сидели вооруженные солдаты. Этим беднягам, наверно, хотелось немного подышать свежим воздухом.

Это были здоровые на вид молодые люди с загорелыми лицами. Прижавшись друг к другу, они пели какую-то песню, но из-за шума движущегося поезда невозможно было понять, что они поют. Тем не менее, мне показалось, что они поют какую-то грустную солдатскую песню. Как во сне пролетали мимо эти

вагоны. Я понял, что этот длинный состав с плотно закрытыми дверьми был воинским эшелоном. Потом такие поезда днем и ночью мчались на Юг еще не один раз. По правде говоря, это меня не очень волновало — я считал, что к моей жизни они не имеют никакого отношения, и вскоре обо всем забыл. Тогда я никак не мог предположить, что всего лишь через два месяца я в точно таком же закрытом вагоне поеду ночью на Юг, в сторону передовой линии фронта. Если сейчас, в ночной темноте, посмотреть со стороны на этот поезд с шестью вагонами, то можно сразу догадаться, что это воинский эшелон. Два-три месяца назад у железнодорожного перехода я видел такие же поезда, только они везли отборные, элитные войска, а теперь в нашем поезде едут никому не нужные, случайно набранные люди. Размышляя над этим, широко открытыми глазами я всматривался в темноту. А ведь на станции Хыпкок у меня был какой-то шанс.

Я хорошо знал дорогу от станции до дома сестры. Если бы тогда я не сел в поезд, то без особых трудностей мог бы встретиться с ней. Но судьба распорядилась по-другому — я сел в поезд. Если бы на станции Хыпкок я незаметно исчез, то все равно никто не стал бы особенно искать меня. Поезд с закрытыми дверьми ушел бы без меня. Даже если бы кто-то обнаружил мое отсутствие, то уже ничего нельзя было бы сделать. А я в это время, наверно, уже находился бы у сестры.

Как только медленно и глухо закрылись двери вагонов и поезд набрал скорость, я впервые вздохнул с облегчением. Но была, в этом вздохе и некоторая примесь грусти и сожаления. Кроме того, я знал, что Чан Сеун и Чан Согён тоже находятся рядом и по-прежнему пристально вглядываются в темному. Мне хотелось утешить себя тем, что я вновь оказался в этом поезде благодаря Чан Согёну. Во всяком случае, мне так казалось. Образ самоотверженного Чан Согёна все время мелькал у меня перед глазами.

Начиная от Хыпкока, поезд двигался довольно ровно по широкому побережью. Стояла глубокая ночь, и личный состав после вечернего туалета готовился ко сну.

5

Я еще не спал. Вдруг услышал какой-то странный звук, который заставил меня открыть глаза. Кругом была кромешная темнота. В груди сильно защемило, стало страшновато. Подумалось, что я нахожусь в вагоне один. В этот момент на другой стороне вагона кто-то зажег спичку, чтобы закурить. Огонек чуть-чуть осветил вагон, и я понял, что поезд находится

внутри туннеля.

Курящего человека звали Но Чжасун. Ему было двадцать девять лет. Родом из рабочих янъянского металлургического комбината, он был членом Трудовой партии. По его словам, два года назад, в 1948 году, он был связным партизанского отряда в Одэсане и четыре-пять раз переходил 38-ю параллель со стороны Янъяна. Это был худощавый, стройный человек высокого роста и крепкого телосложения. В Тансалли он прибыл за день до формирования резервного батальона. Все заметили, что он заядлый курильщик. Но курил он не так, как все. Может быть, в этом проявлялся его характер. Например, сначала он делал две-три затяжки, большим и указательным пальцами тушил папиросу. Окурок бережно хранил, потом снова зажигал и опять делал столько же затяжек. Эту процедуру он повторял по нескольку раз, в результате таких маневров кончики его пальцев закоптились. Сначала они стали ярко-зелеными, а затем приобрели тусклый черный оттенок.

Часть вагона была чуть освещена огоньками тлеющих сигарет, именно из этого «светлого» угла раздался крик «Туннель!» Обращаясь к бодрствующим сквозь темноту, разделяющую нас, я спросил, почему поезд остановился внутри туннеля. В ответ из темноты кто-то разъяснил:

— Совсем недавно наш поезд шел очень быстро. Должно быть, самолет преследовал нас, и поэтому мы оказались внутри туннеля.

Моложавый голос добавил:

— Все это происходило в течение примерно пяти минут, а потом мы оказались здесь.

— Тогда как вы могли увидеть преследующий самолет?

— Это мое предположение. Если самолет не вел обстрел на низкой высоте, то и поезд не двигался бы так быстро.

— А стрельбу вы слышали?

— Нет, не слышал, но, тем не менее, мне кажется, обстрел был. Точно не могу сказать.

Судя по голосу, в разговор вмешался человек постарше:

— Сомнений нет. Нас преследовал самолет на бреющем полете. Поезд вовремя прибавил скорость, полагаю, поэтому мы избежали попадания снарядов. Иначе пострадали бы последние вагоны. Я вроде бы слышал гул атакующего самолета, но не четко из-за шума поезда.

Вдруг в вагоне запахло едким дымом от горящего угля, и мы чувствовали боль и жжение в глазах и в носу. Одни кашляли, другие окончательно проснулись и стали громко разговаривать.

Кто-то сказал:

— Я отчетливо слышал грохот разбивающегося самолета, который гонялся за нами, когда поезд входил в туннель. Разве никто не слышал?

— Ой, точно. Наверно, последний вагон подвергся нападению. Должно быть, там сейчас происходит неразбериха. Скорее бы вырваться отсюда, и тогда мы можем оказать им помощь.

— Сейчас мы уже должны быть в Косоне. Но почему поезд стоит на месте? Самолет, наверно, уже улетел и находится далеко за десятки ли отсюда. У него, должно быть, кончилось горючее.

Другой голос перебил его:

— Разбившийся самолет до сих пор горит в лесной чаще. Вы мне не верите?

— Коли так, то почему машинист так медлит и испытывает наше терпение? — возмущался третий.

Машинист как будто услышал этот разговор. Поезд медленно вышел из туннеля и вскоре набрал скорость. Тут же исчез едкий запах дыма, в вагоне стало светло. Казалось, он освещается нежными лучами утреннего солнца.

В вагоне царило оживление, теперь уже все проснулись. От нечего делать новобранцы продолжали разговор.

— Эй, давайте приоткроем дверь. Может быть,! увидим, как горит «стервятник», — сказал кто-то.

— Нет, не увидим, потому что он потерпел крушение у входа в туннель, столкнувшись с гребнем горы, а наш поезд уже вышел с противоположной стороны, — ответил другой.

— Однако говорят еще, что у самолета кончилось горючее и он улетел…

— Тогда зачем открывать дверь? Впрочем, если откроем, возможно, увидим северную оконечность горы Кымгансан.

— Значит, там должна быть река Вегымган?

Затем снова стали говорить о самолете. Из правого угла раздался молодой голос:

— Так-то так. Но как этот «стервятник» обнаружил нас?

— Он сначала незаметно кружил над нами в поисках какой-нибудь добычи и увидел на побережье большую ползущую «личинку цикады». Тут же и полетел вниз за ней.

Выслушав эти слова, Товарищ из Ёнбена сказал с недовольством:

— Эй, мне не нравится этот разговор! По-вашему, выходит, будто наш поезд всего лишь «большая личинка цикады».

— Если говорить по правде, то с неба он именно так и выглядит.

Впервые в разговор вмешался старший по возрасту товарищ.

Он примирительным тоном сказал:

— Действительно, очень трудно разобраться. Во всем виновата светомаскировка. Сегодня по лунному календарю 3-е число месяца. Значит, луны не было. Вообще, самолету на большой высоте открывается широкий простор внизу. Поэтому непонятно, как он смог заметить наш поезд.

Кто-то отвечал:

— Из паровозной трубы выходит одновременно не только дым, но и мелкие огоньки от горящего угля. Это хорошо заметно ночью.

Снова раздался чей-то любопытный голос:

— Лучше скажите, кто-нибудь заглядывал в офицерский вагон, который освещается карманными фонарями? Для каждого из других вагонов хватило бы и одного такого фонаря.

— Возможно, офицеры не были уверены в том, что мы сможем использовать эти фонари умело в плане обеспечения безопасности.

— Вот как! Если они так пекутся о светомаскировке, то почему сами одновременно зажигают по пять-шесть фонарей? Скажите, пожалуйста, когда светомаскировка более эффективна: когда горит по одному фонарю в каждом вагоне или же когда в одном вагоне сразу зажечь по пять-шесть фонарей?

— Если уж говорить о разумном подходе к делу, то с самого начала офицеры должны были находиться в одном вагоне со своими подчиненными. Но они высокомерно отделились от нас.

— Вопрос не только о фонарях. Вдобавок ко всему они еще и вовсю пьянствовали, сидя на соломенных мешках.

— Ой, что вы говорите? Это правда?

— Ну, что они сидят на соломенных мешках, кое-как понять можно…

— Более того, во время пьянства они освещали вагон.

Так говорили люди старшего возраста. Они уже в Тансалли нашли между собой общий язык. Возможно, потому, что все находились примерно в одинаковом положении. С тех пор как мы сели на поезд в Анбёне, они постоянно находились вместе. Самыми активными среди них были пять-шесть человек. Глядя на них, сразу приумолкли товарищи из Ёнбёна и Мунчхона, стоявшие у окна. Лишь некоторые еще продолжали болтать.

Один из них говорил:

— Как вы так быстро успели все разузнать?

— Все очень просто. Как только поезд остановился, я тут же выскочил на платформу. Быстро побежал к её краю и полностью освободился в свое удовольствие. На обратном пути случайно заглянул в офицерский вагон и увидел в свете нескольких

фонарей рядом с офицерами, сидящими на соломенных мешках, большой чайник. Я сразу не понял, для чего он предназначен. Так вот, рядом с чайником для водки стояло также большое ведро для мочи. Выходит, в одном месте они одновременно пили и мочились. Какое безобразие!

— Прекратите судачить! Лучше предлагайте что-нибудь дельное, — прозвучал в этот момент решительный голос Но Чжасуна, стоявшего вместе с компанией около дверей вагона. Эти слова возымели действие — разговор тут же прекратился. В вагоне стало тихо, было даже слышно, как стучат колеса поезда.

И тут я вспомнил слова одного из этой компании. Он сказал, что опасается, не увидел ли кто-нибудь из посторонних эту безобразную офицерскую пьянку. Может быть, сказавший эти слова под словом «посторонние» имел в виду Чан Сеуна и Чан Согёна, прибывших с Юга. В данном случае слово «посторонний» означало «чужой человек». Вообще, на Севере некоренных северян всегда считали чужими, не своими.

Я был немного не в духе. Отметив это, я подумал, что зря обращаю внимание на это, в общем-то, незначительное событие, и покачал головой. И тут же почувствовал, как будто на меня дует свежий ветерок. Это ощущение напомнило мне нашу вечеринку четыре дня назад. Значит, это происходило в Тансалли, ночью того дня, когда был спешно сформирован наш отряд. С вечера шел проливной дождь, но к утру погода прояснилась, и мы уже сидели у дамбы, переполненной водой.

Во время вечеров отдыха проявляются индивидуальные качества человека, его непосредственность. Каждый стремится показать свои способности и талант. Вечер отдыха в Тансалли не был исключением: люди веселились от души, как говорится, до упаду. К тому же у этого вечера были свои особенности. На нем собралось больше людей, чем обычно. Да и содержание было интереснее, чем раньше. Конечно, до этого мы также устраивали разные увеселительные мероприятия, но они проходили как-то скучновато. Отчасти потому, что их организаторами были не совсем подготовленные для такой работы люди.

К тому времени я был произведен в офицеры и по рекомендации начальства начал заниматься с южными добровольцами. Поначалу я исполнял советские военные песни. Вот одна из них:

Бьют кремлевские куранты,
Занимается московская заря,
Начинается утро трудового дня
В городе, в лесу и в садах.

Проснитесь и вы, полноводные реки,
Высокие горы и север холодный.

Когда восходит солнце
И просыпается огромная страна,
Утро трудовое начинается повсюду —
В садах Украины, на одиноких полустанках
И в отдаленных степях.

В суровые годы испытаний
Перед трудностями не дрогнули мы,
Под руководством Сталина страну защищали
В снежную морозную зиму,
Пургу и метель преодолевая.

Надо сказать, что южнокорейские добровольцы слушали эти песни без особого интереса. Эти песни были для них чужие и непривычные. Они не понимали заложенный в них смысл. По выражению их лиц можно было догадаться, что им хочется услышать что-то родное, затрагивающее душу, или лучше послушать какую-нибудь интересную речь. Вообще, они были собраны из разных мест, поэтому, естественно, интересы не всегда совпадали. Однако национальные песни, безусловно, любили все. Запевалами народных песен были выходцы из Ёнбена и Мунчхона. В их арсенале было много популярных народных песен. Например, среди них были: веселые частушки «Юкчапэги», «Хынтхарён», народные песни «Монгымпхотхарён», «Мангокансане апсан тхарён» («Песня о древней земле»), «Кисэнтхарён» («Песня о кисэн»)[{16}], «Янсандо пхуннёнга» («Песня об урожайном годе в Янсане»), «Кёнбоккунтхарён» («Песня о дворце Кёнбоккуне»), «Мэхватхарён» («Песня о цветах сливы»), «Ыйбённорэ» («Песня о добровольцах»), «Ансарам ыйбённорэ» («Песня о жене солдата»), «Сонбондэга» («Песня об авангарде»), «Ыйбёнчханига» («Песня о мобилизации ополченцев»), «Амноккан хэнчжингок» («Марш Амноккана»), «Поксуга» («Песня мести»), «Ыйбёнкунга» («Военная песня добровольцев»), «Ханильчонсонга» («Антияпонская фронтовая песня») и многие другие. Независимо от возраста, все пели дружно и поддерживали певца, который начинал петь. Так, когда совсем еще молодой боец начал петь народную песню о горах Сингосан, все дружно повторяли припев: «Ораноран охоя оядия нэ сарана».

Пели преимущественно военно-патриотические песни. Вот краткое содержание некоторых из них. В песне «Слава Отчизне»

говорится:

Растянулась с севера на юг гора Пэктусан,
Полноводные реки текут в море с востока на запад,
Вместе со Вселенной родилась и наша страна.
Могучее дерево с глубокими корнями
Растет и цветет пять тысяч лет.
Каждая его ветка миру известна.
Цвети же еще больше, родная страна!
От трех тысяч ли до тридцати тысяч ли,
Пока тридцать миллионов не превратятся
в триста миллионов.

«Песня о добровольцах»:

Вступайте в ряды добровольцев, братья!
Спасайте страну от лютых врагов.
Без Родины нет места в жизни,
Отстоим же землю родную в священной войне!
Силен враг, когда нету нас власти,
Давайте сплотимся и уничтожим врага!
Смерть за Родину — достойная смерть.
В сборный пункт быстрее бегите,
Берегите свою честь, не покоряйтесь врагу.
Перед духами предков предстанем героями!
С винтовкой на плече, с рюкзаком на спине
Перехожу перевал за перевалом.
В сборном пункте слышу команду:
«Взять винтовку наперевес!»
Небо высокое, море бурлит.
Да здравствует король! Да здравствует король!
Вечная слава Стране утренней свежести!
Не страшен нам враг сильный и коварный,
Сплотившись, мы его победим.
Женщины и мужчины, в строй единый вставайте,
Помогите добровольцам страну отстоять!
Родина-мать к победе зовет!

«Песня жены добровольца»:

Наши добровольцы за Родину бьются,
Чтобы землю родную защитить от врага.
Всеми силами поможем героям, проявим заботу о них —

Сошьем одежду и носки теплые свяжем,
Наша сплоченность — это тоже борьба.
И женщинам Кореи без Родины не жить!
Слава, слава нашим воинам!
Подул осенний ветер заунывный —
Значит, появятся герои.
Словно облака, явились добрые молодцы отовсюду.
О стойкости и отваге спойте песню, богатыри.
Крепость Ханян японцами полна,
Засели здесь Родины лютые враги.
Вставайте на борьбу, добровольцы,
Не допустим гибели династии пятисотлетней,
Защитим народ и труд его мирный,
После победы над врагом Веселитесь и пойте песни,
Богатыри славные наши.

«Песня мести»:

Гнев выместим на вас,
Живыми не уйдете от нас.
Помните, варвары презренные,
Вы пришли к нам искать могилы,
Все найдете их как один.
До единого выловим всех,
Отделим мясо от костей,
Отрубим ваши головы
И выместим обиду предков.
Честь и слава добровольцам
За их победу над врагом!

Это были печальные песни, но они все равно вдохновляли солдат и поднимали боевой дух. Хотя никто из них не знал, где сейчас идет война и в каком положении находятся они сами. А пока мы пели песни и весело проводили время, хлопая в ладоши.

И тут, неожиданно для самого себя, я сделал вывод, что я сел в поезд в Анбёне и даже не пытался бежать в Хыпкоке вовсе не благодаря Чан Согёну. По правде говоря, я и сам с самого начала не знал, почему еду на этом поезде.

Вероятно, мы уже подъезжали к Косону. Через решетку вентиляционного отверстия под потолком в вагон просачивались первые лучи утреннего солнца. Возможно, поезд проходил через перекресток на железнодорожной станции, поскольку он качнулся раза два, а затем сбавил скорость.

Мне хотелось немного вздремнуть, но я никак не мог заснуть. Тогда я решил сходить в больницу и открыл дверь в комнату, где жил Чан Сеун. Там еще никто не спал: кто-то просто сидел без дела посередине комнаты на циновке, другие писали письма. Чан Сеун встал, приветствуя меня. В других комнатах можно было наблюдать такую же картину. Люди ничем не занимались и мечтали о вкусной еде в какой-нибудь большой гостинице уездного города, как это бывает во время обычного путешествия. Еще никто не знал, что такое марш-бросок, это были первые сутки нашего «пешего» похода. Однако с завтрашнего дня все будут в курсе дела.

По плану на рассвете мы должны были прибыть в Косон, а уже в городе подготовиться к ночному переходу. Вскоре мы прошли местность Ымнэ и оказались недалеко от центра города Косон среди частных домов. Во время этого марша обнаружились больные, нуждающиеся в срочной помощи. Поэтому пришлось менять первоначальный план остановиться в частных домах на окраине. Мы остановились прямо в центре города Косон, где располагался госпиталь и небольшая гостиница. В этой обстановке наш так называемый главный начальник, капитан, вел себя, мягко говоря, довольно странно. Почему-то он везде и всегда ходил в сопровождении подчиненных. Видимо, этим он хотел показать свое превосходство над другими.

Наш отряд был довольно большой, но в гостинице нашлось всего лишь десять номеров. Этого было явно недостаточно, нам нужны были дополнительные места. Мы вышли из этого сложного положения при помощи местной администрации. Как известно, в маленьких городах всегда сложно с гостиницами. Казалось бы, в таких случаях офицеры должны находиться вместе с подчиненными и исполнять свои обязанности. Однако они нашли себе неплохие просторные номера с удобствами, а нас, своих заместителей, спихнули в тесные комнатушки к солдатам.

В отличие от других заместителей, на мою долю выпало больше забот, потому что тяжело больным оказался человек из моего взвода — Чан Согён. К сожалению, я не знал, что он был болен уже в вагоне, перед отправлением из Анбёна. Дело в том, что внешне он выглядел вполне здоровым, не было никаких признаков того, что он был болен. Полагаю, что он просто скрывал свою боль. Он и сам не знал, где и как заболел. Не сомневаюсь, что именно в этом, в частности, проявлялся его стойкий характер. Но в конце концов болезнь дала знать о себе. На станции Косон все стали выходить из вагона, а Чан Согён

лежал на месте будто окаменевший. Несмотря на тяжелое состояние, температура его тела была невысокая. Он вел себя довольно спокойно, не был нисколько растерян, глаза его по-прежнему сверкали. Прямо глядя на меня, он сказал:

— Я и сам толком не знаю, как все это случилось. Мне стало плохо после непродолжительного сна. Несколько дней назад я чувствовал боли в спине, но не придавал этому значения. И вот теперь стало хуже. Ничего, пройдет.

Зато его друг Чан Сеун глубоко переживал и всячески пытался приободрить его. Со слезами на глазах он отчаянно твердил:

— Вставай, дружище! Ты же сильный! Неужели ты с таким трудом добирался сюда, чтобы вот так киснуть? Нет, этого не будет! — Одновременно с этими словами он крепко прижал друга к своей груди. Пожалуй, в этот момент Чан Согён впервые прослезился, веки его опустились.

Чан Сеун пытался поднять своего обессиленного больного друга и взять его на спину. Я заметил, что ему это тяжело, и позвал на помощь товарища Но Чжасуна. Слух об этом происшествии разнесся быстро. Вышедшие из разных вагонов сослуживцы уже знали, что происходит в нашем вагоне. Вокзал встретил нас утренним туманом. На первых порах сориентироваться на месте было непросто. Мне показалось, что над дальней стороной станции возвышаются остроконечные горы. Больше ничего не было видно из-за тумана.

Я почти бегом бежал к гостинице, где находилось наше начальство, чтобы получить разрешение на размещение вверенного мне взвода и на посещение больного Чан Согёна в больнице Косона. Мой непосредственный начальник, совсем еще молодой командир взвода, недавно окончивший старшие классы, повел меня к главному начальнику. Капитан встретил нас, сидя на циновке в одной рубашке. Натягивая на себя китель, он сказал:

— Знаю, что у вас много забот. Я в курсе дела. Если бы мы знали, что так случится, то разместили бы товарищей с Юга в отдельных вагонах. Так что сказал доктор?

— Он сказал, что точный диагноз пока не установлен и требуется срочное лечение. Можно мне навестить больного? Мне кажется, что он не в состоянии идти с нами ночью.

— Да, конечно. Кстати, он как прибыл сюда — как доброволец из далекого Пусана, не так ли? Похоже, он активный и сознательный человек. Жаль, что заболел.

Я предложил госпитализировать Чан Согёна, так как нет другого выхода. Капитан согласился и добавил, что после выздоровления больной должен сам добираться до Ульчжина на

попутном поезде. Затем сказал мне, что я могу обратиться за помощью к местной администрации в случае возникновения дополнительных трудностей.

— Слушаюсь, — ответил я по-военному четко. И тут же после небольшого колебания искренне сказал ему:

— Товарищ капитан, разрешите обратиться к вам по одному важному вопросу?

Главный начальник широко раскрыл глаза и несколько высокомерным тоном ответил:

— Что за проблема? Говорите быстрее!

— Дело в том, что у этого больного человека есть друг. У них одинаковая фамилия, и они вместе прибыли сюда. Судя по их разговору, они не являются родственниками, но со школьной скамьи были друзьями. Известно также, что друг больного был студентом 3-го курса английского отделения Сеульского университета.

— М-да… Сеульский университет. Как я понимаю, речь идет об университете, который выступал против своей реорганизации?

— Да, именно так. Разрешите мне сказать еще несколько слов. Мне кажется, что больного нужно оставить вместе с его товарищем. Полагаю, что так будет лучше не только для него, но также для врачей и медсестер. К тому же больному будет не так тоскливо одному. После выздоровления они вместе смогут добраться до Ульчжина. Кстати, и этот «друг» тоже не блещет здоровьем.

— Да? И он тоже слабый? Должно быть, они сильно устали, пока добирались сюда из Южной Кореи. Они ведь столько натерпелись, — сказал капитан сочувственным тоном. Он вдруг поднял глаза и посмотрел на меня каким-то загадочным взглядом. На мгновение наши глаза встретились.

К моему великому удивлению, наш разговор повернул в неожиданную сторону. Я немного наклонил голову и отвел взгляд. Мои предложения не были заранее подготовлены, я случайно высказал их в ходе разговора. Признаться, я даже немного испугался, что проявил такую смелость — высказать свое мнение перед начальством! Ведь я никак не мог знать, как отреагирует капитан на мою просьбу. Лишь спустя некоторое время мне стало известно, почему он так «благожелательно» ответил на мое предложение.

Как выяснилось позже, он, по сути, не отвечал за нас. Формально он числился нашим главным начальником. Его обязанности заключались в том, чтобы доставить нас до Ульчжина и тут же вернуться обратно в тыл. За конкретные решения в нашем отряде он не отвечал. Вот почему он с самого

начала безразлично относился к своим обязанностям, к делам вверенного ему подразделения.

В данном случае его столь «благородный» поступок объяснялся просто. Даже если эти два товарища, оставленные в больнице Косона, не приехали бы в Ульчжин после лечения, не было никого, кто бы этим интересовался. Так что никаких последствий это решение за собой не повлекло бы. Капитану это было хорошо известно. На это он и рассчитывал. Поэтому после короткой паузы он сказал:

— Хорошо. Все дела поручаю вам. Поступайте по своему усмотрению.

— Слушаюсь, — четко ответил я.

Да, я получил добро, но пока у меня не было четкого плана действий. Поэтому я решил сначала подумать о том, что делать с больным после его выздоровления. А дальше видно будет. Вместе с тем на сердце почему-то было неспокойно, постепенно нарастало чувство тревоги. Кстати, такое состояние у меня уже было на станциях Анбён и Хыпкок. На улице по-прежнему стоял густой туман. Я лишь покачал головой, не зная, что делать. Я пришел в гостиницу и вместе с теми, кто только что вернулся из больницы, закончил поздний завтрак. Говорили, что окончательный диагноз Чан Согёна еще не установлен. По словам врача, больной, похоже, поражен ревматизмом, связанным с хронической гипотрофией, и ему необходимо подлечиться еще дней десять, возможно, тогда ему станет лучше.

Новобранцев тревожила неизвестность, многие начали писать письма своим близким. Я также присоединился к ним — написал письмо своему школьному учителю Хван Суёлю. Вот краткое содержание этого письма:

> «Я сейчас нахожусь в Косоне. Город окутан ранним утренним туманом. Мы только что прибыли сюда на поезде. Вечером начнется наш пеший ночной поход в сторону передовой линии фронта. Сейчас рядом со мной находятся 18-летний товарищ из Мунчхона и 32-летний — из Ёнбёна (эти два товарища — очень активные участники вечеров отдыха), рядом сидят также 29-летний новобранец из Янъяна и несколько добровольцев из Южной Кореи. Я жив, здоров и вполне счастлив. По мере возможности я буду рад снова написать вам письмо. Жаль, из-за тумана не видны ни море, ни гора Кымгансан. Очень скучаю по товарищу О Инсун.
>
> Заканчиваю. Извините за такой небрежный почерк. До свидания».

Написав письмо, я немного успокоился. Решил чуточку вздремнуть, но не мог сомкнуть глаз. Меня все время что-то беспокоило, в голове лихорадочно крутились разные мысли. Осознав, что попытки заснуть ни к чему не приведут, вместе с Чан Сеуном я отправился в больницу.

Одетый в тускло-желтую больничную одежду, Чан Согён полулежал на койке. Он пристально смотрел на меня своими ясными глазами. Держа его маленькую холодную руку, без всяких предисловий я сказал:

— Начальство разрешило и Чан Сеуну остаться в больнице, так что лечитесь спокойно. Пусть это будет 10 или 15 дней — до полного выздоровления.

В этот момент мне показалось, что Чан Согён впервые с момента нашего знакомства немного растерялся. А сидевший рядом Чан Сеун был сильно взволнован. Мои слова явно застали их врасплох.

Не отпуская руку больного, я сказал, что после лечения им обоим надо вернуться в Сеул. Посоветовал ехать на попутном поезде до Каннына, а затем — в Сеул на воинском эшелоне. Я пообещал выписать им командировочные удостоверения.

Оба товарища были растеряны.

— Это тоже разрешение начальства? — в упор спросил Чан Согён.

— Нет, это моя личная рекомендация.

— Если это рекомендация, то что она означает? — раздумчиво спросил Чан Согён.

— Не следует так глубоко копаться, — ответил я, слегка улыбнувшись. Затем объяснил, что им вдвоем будет легче это сделать. И добавил, что, если бы речь шла о ком-то другом, невозможно было бы осуществить это. У товарищей из Мунчхона, Ёнбёна, Янъяна и, на худой конец, у тех, кто приехал вместе с вами, например у Ким Сокчо, нет никаких шансов остаться здесь, а после вернуться в тыл. И тут же, неожиданно для самого себя, добавил:

— Вы спрашиваете, что все это значит? Вы обо всем узнаете после.

Чан Согён молча смотрел на меня во все глаза. А я продолжал:

— Дело в том, что вы в отличие от других не совсем практичны. Ведь риск не всегда оправдан, а порой может привести к нехорошим последствиям. Теперь вряд ли найдется настолько самоотверженный человек, который в одной легкой куртке, преодолевая огромное расстояние и большие трудности, прибыл бы сюда, чтобы влиться в ряды добровольцев. Может

быть, вы заболели от чрезмерного напряжения. По правде говоря, вопреки вашим ожиданиям, эта война ничего хорошего не принесет. Да и началась она чисто по субъективным причинам, волевым путем и без особых надобностей. Полагаю, те, кто начал войну, допустили серьезный просчет и явно преувеличили свои возможности. Однако я надеюсь, что еще не все потеряно. Возможно, нам придется упорно трудиться в течение нескольких десятилетий, чтобы привести страну в нормальное состояние.

Чан Согён слушал внимательно, а затем, слегка улыбнувшись, сказал:

— Я принял решение сам, исключительно по собственной воле. Товарищ заместитель командира взвода, прежде всего разрешите поблагодарить вас за добрые советы. Я все отлично понял, но позвольте мне самому решать мои проблемы. А еще я благодарю вас за то, что вы разрешили товарищу Сеуну оставаться со мной в больнице.

После небольшой паузы он продолжал:

— Извините, пожалуйста, если мои слова покажутся вам неуместными. Но все же я хотел знать, если можно, почему вам так не нравился товарищ Каль Сынхван?

Честно говоря, я на мгновение растерялся. А Чан Согён с легкой улыбкой продолжал:

— В конечном счете каждый человек должен отвечать за себя сам. Если он берется не за свое дело, не рассчитывает своих возможностей, то рано или поздно столкнется с непреодолимыми трудностями. Но если ты поднимаешься по лестнице, преодолевая одну ступеньку за другой, и достигаешь своей цели, то получаешь от этого большое удовольствие. Мне больше ничего не надо. Может быть, мои поступки опрометчивы, но постарайтесь понять меня — я таким родился. Не следует считать меня каким-то особенным человеком.

Желая, чтобы он дальше не продолжал, я положил руку на его плечо и сказал:

— Мы слишком много говорим о разных вещах. Лучше послушайте меня. Я настоятельно советую вам двоим возвращаться домой, в Сеул. Конечно, мои слова не требуют обязательного исполнения. Окончательное решение вы будете принимать сами.

Закончив разговор, я вместе с Чан Сеуном вернулся в гостиницу и сразу начал готовить документы для этих товарищей. Графу «пункт назначения» я намеренно оставил пустой, чтобы они сами ее заполнили.

Далее произошло следующее. Через пятнадцать дней два друга самостоятельно прибыли в Ульчжин, догнали нас. Здесь мы

и расстались навсегда. Я был определен в минометную батарею, где не было ни одного миномета. Чан Согён погиб в бою в составе первой пехотной роты. Об этом более подробно я расскажу дальше. А Чан Сеуна однажды ночью я мимоходом увидел с длинной винтовкой на плече. Как я полагаю, он отбился от своей роты во время отступления где-то в районе Мукхо (ныне Тонхэ).

Во время отступления на высоком перевале одного горного хребта я встретил и младшего лейтенанта Ко Ёнгука. Он был очень изможден и говорил, что будет воевать в тылу врага в составе партизанского отряда. Мне показалось, что он совсем забыл о том, как когда-то советовал мне сойти с поезда по дороге в Ульчжин. Видимо, в тот момент его заботили уже совсем другие проблемы.

В связи с отступлением я вспомнил еще одного старого знакомого. Наш учитель по обществоведению Ким Сансу, вероятно, во время отступления северян 4 января 1951 года вместе с беженцами оказался в Пусане. Мой одноклассник Чо Гвану, который еще в 1949 году перебрался на Юг и с тех пор жил в Пусане, говорил, что совершенно случайно однажды увидел нашего учителя в одном из переулков рядом с пусанским вокзалом. По его словам, Ким Сансу был одет в потрепанную полевую куртку, на ногах его были большие армейские ботинки, какие носили американские солдаты. Чо Гвану вроде хотел потом найти Ким Сансу и даже стал наводить справки в соответствующих учреждениях. Но учитель пропал бесследно. Когда я оживляю в памяти наше недолгое общение с учителем Ким Сансу, постоянно задаю себе вопрос: «Не ошибся ли я в нем?» Конечно, то было сложное военное время, люди многие поступки совершали против своей воли. Однако если он вместе с беженцами оказался в Пусане, то почему был одет в американскую военную форму? Этого я никак не могу понять. Неизвестно, заметил бы Чо Гвану учителя, если бы тот был обут в другую обувь. Кто знает…

Глава 4
В условиях перемен

1

Мы только что прошли мимо старого фруктового сада, который был разбит внизу, слева от горной гряды. Деревья в саду высокие, почти в два человеческих роста. Казалось, будто горная гряда ожила на некоторое время. Создавалось такое впечатление, что она двигается подобно мелким морским волнам. В это время мы как раз покидали уездный город Косон. Вечером погода была ясная, дул свежий ветерок. Мы двигались в южном направлении, а с правой стороны от нас поднималась высокая скалистая гора, уходящая на север. Эта картина вызвала некоторое оживление среди марширующих.

— Ой! Это Кымгансан! Надо хорошенько запомнить, — радостно крикнул кто-то.

— Да ничего особенного, — равнодушно сказал другой.

— Как это ничего! — с укором ответил первый.

В темноте невозможно было увидеть лица говорящих, но по голосу я узнал товарища из Мунчхона по прозвищу Камень-картошка, одетого в мешковатую форму. Вторым говорившим был товарищ из Ёнбёна. Эти двое, шагая в колонне друг за другом, то и дело затевали шуточные разговоры. В таких случаях шедший рядом Ким Сокчо громко хохотал.

Ёнбёнский Товарищ любил выкидывать бесцеремонные шуточки:

— Эх, опытный всегда делает лучше.

— Сначала надо узнать и попробовать, а потом уж съесть.

— В самом деле так.

— Говорю так, потому что однажды уже пробовал сам.

Я удивлялся тому, как эти два товарища всего лишь за несколько дней начали так хорошо понимать друг друга. Вероятно, это можно объяснить тем, что они были людьми одного круга, хоть и жили раньше в разных местах. Их шутливая болтовня воспринималась совершенно безобидно, даже в какой-то мере объединяла этих разных людей, веселила и поднимала настроение всем вокруг.

Наш начальник, капитан, ведавший раньше хозяйственными делами в бригаде, шел во главе колонны. После ночного перехода, с наступлением утра мы останавливались в частных домах в какой-нибудь деревне. Надо сказать, что в связи с этим у

местных чиновников неожиданно появлялись дополнительные хлопоты, особенно когда бодрствовало около двух сотен крепких молодых людей.

Перед нами была поставлена нелегкая задача — через десять дней прибыть в Ульчжин, минуя Янъян, Каннын и Самчхок. Должно быть, поэтому перед началом нашего марша мы собрались для серьезной торжественной церемонии.

Перед началом нашего похода на близлежащем школьном стадионе капитан произнёс длинную зажигательную речь с целью поднятия боевого духа солдат.

— Товарищи! Я надеюсь, что вы понимаете, какое важное значение имеет наш сегодняшний ночной поход. Уверен, что вас будет вдохновлять великий подвиг Красной Армии Советского Союза, которая под руководством великого генералиссимуса Сталина разгромила фашистскую Германию в Великой Отечественной войне.

Его банальная речь длилась тридцать минут. Кроме многократного повторения слова «великий», она не запомнилась больше ничем. Капитан был человеком высокого роста, с длинными ногами, сутулой спиной и вытянутой вперед шеей. Свою речь он произносил, плотно прижавшись грудью к трибуне, вытянув вперед руку. Он явно воображал себя важной персоной. Хотя в данном случае более всего он напоминал старосту отряда содействия полиции при японцах. Хоть он и не носил блестящие сапоги оранжевого цвета.

Новобранцам надоело слушать его болтовню, а некоторые открыто выражали свое негодование. Например, Ёнбёнский Товарищ выдавил из себя едкое замечание:

— Тьфу! Что он мелет? Я хоть и темный человек, но вижу, что он ничего не соображает. Мы ведь не на митинг собрались!

Тут же его поддержал сосед с таким же местным говором:

— Именно так. Уже в прошлую ночь в офицерском вагоне были кое-какие недоразумения, а теперь, кажется, они приумножаются.

— Да, хоть отбавляй!

— В самом деле. Сидел бы, тыловая крыса, в своем амбаре. Ан нет. Явился сюда и мутит воду.

Что и говорить, солдаты относились к своему главному начальнику как к чужому человеку. Они чувствовали, что он не проявляет о них никакой заботы. Например, многие были недовольны тем, что уже в поезде, во время движения от станции Анбён до Косона, командиры устроили попойку в отдельном вагоне. А также тем, что по прибытии на станцию Косон офицеры заняли лучшие номера в гостинице со всеми удобствами, в то

время как рядовые ютились в тесных комнатушках.

Все эти случаи привели к тому, что у подчиненных складывалось самое плохое впечатление об их командире. Не случайно уже в вагоне на пути к Косону рядовые распространяли о нем всякие слухи. Выходец из Янъяна Но Чжасун пытался остановить такие разговоры о главном начальнике. Однажды даже резко оборвал:

— Ну, хватит болтать без толку! Говорите дело или прекратите этот базар!

Кстати сказать, новобранцы стихийно тянулись друг к другу и вскоре сбивались в группы по четыре-пять человек. Несмотря на то, что здесь собрались довольно разношерстные люди, видимо, в их жизни было много общего. Особенно в данной ситуации. Так, в нашем взводе из сорока человек образовалось две группы. Во главе одной из них стоял выходец из Ёнбёна, а другую возглавлял товарищ Ким Докчин из Хамхына.

В группе, ядро которой состояло из людей старших по возрасту, верховодили хамхынский Ким Докчин и человек из Яндока по имени Ян Гынсок. В своем кругу они несколько свысока осуждали более молодых товарищей за их даже незначительные проступки. Однако в ответ всегда следовала незамедлительная реакция со стороны осуждаемых, и «старики» тут же умолкали.

Эти высокомерные «старики» жили в отряде своей особой замкнутой жизнью. Они даже общались между собой не так, как другие. Например, обращались друг к другу уважительно, не иначе как «старший брат Но», «учитель Ким» и «господин Ян». Глядя на это, можно было предположить, что они родом из состоятельных семей и, вероятно, до войны жили без особой нужды. Они держались в стороне от других, в столовой сидели всегда только вместе и частенько о чем-то шептались друг с другом. Даже зубы «старики» чистили по-своему: в маленькой чашечке для подачи риса приносили горсть соли, и оттуда каждый брал понемногу вместо зубной пасты. Это раздражало группу во главе с Ёнбёнским Товарищем, в которой ребята тоже чистили зубы после еды, но без соли, просто протирали пальцами.

Как потом выяснилось, группа «стариков» образовалась не случайно — у них были общие интересы и одинаковый уклад жизни. Например, Ким Докчин из Хамхына и Ян Гынсок из Яндока были владельцами собственных бань. Возможно, это общее занятие и сблизило их. Однако к своим делам они относились по-разному. Ким Докчин, например, делал вид, что помогает отцу в банном деле, но фактически прогуливал эту

работу, заседая в Союзе демократической молодежи села. Ян Гынсок же, наоборот, к десяти годам уже работал у японцев в ончхонской[15] бане, которая внешне была похожа на обыкновенный частный домик. Если бы эта баня представляла хоть какую-то ценность, то новые органы власти не прошли бы мимо и наверняка присоединили ее к какому-нибудь Дому отдыха рабочих. Но Ян Гынсок был смекалистым. После освобождения страны он вступил в Компартию и сохранил за собой баню.

Этот ничем не примечательный черноволосый парень небольшого роста, в последние два года бездельничавший в рядах партии, в конце концов был мобилизован в армию и теперь оказался здесь.

В нашем взводе была еще одна влиятельная группа, которую возглавляли выходцы из Хесанчжина, Сончжина и некоторые другие солдаты. Но вскоре она утратила свое влияние. Вся команда из двухсот человек вместе с пятью офицерами из бывших студентов была охвачена общей апатией. И это не случайно. Личный состав, по существу, не занимался боевой подготовкой. Новобранцы кое-как разбирались в автоматах и винтовках, но ни разу не произвели ни одного выстрела. И этих людей везли в Ульчжин, откуда рукой подать до передовой линии фронта.

Уже через два месяца после начала Корейской войны исход ее становился все более неопределенным. Теперь уже вражеская авиация все увереннее действовала в небе над страной. Уже по этому можно было догадаться, каково положение на фронте.

Но вернемся к маршевикам. С самого начала в их рядах царило смешанное чувство настороженности и тревоги. Особенно это было заметно в компании Ким Докчина из Хамхына. Эта группа двигалась почти вплотную за главным начальником и проводником колонны. На фоне рослых маршевиков коротышка Ян Гынсок выделялся своей фигурой. Он шагал, покачиваясь из стороны в сторону, в своей не по размеру большой военной форме.

Что касается группы, в которой верховодил товарищ из Ёнбёна, её участники с самого начала похода вели себя по-другому. Находясь в конце колонны, они всё время шумели и громко хихикали, словно направлялись куда-то в гости.

У них была и своя манера общения. При общении между собой они звали друг друга не по имени, а по прозвищу Так, одному они дали прозвище Камень-картошка, другому — Ёнбёнский Товарищ, третьему — просто Мунчхонский. Только одного человека — Ким Сокчо — они называли по имени, видимо уважая как добровольца с Юга. Надо заметить, что Ким Сокчо не имел ничего общего с этими людьми, хотя служили они вместе.

Свои клички получили и другие сослуживцы. Например, человека из Чонпхёна назвали Товарищ Батат, потому что он был похож на батат[16], другого звали Ёнхынским Папашей, третьего — Ковонским Дядей по месту его жительства. Вообще-то неизвестно, почему одного звали «папашей», а другого — «дядей». Хотя эти клички, употребляемые только между этими людьми, выглядели странновато и смешно, они приносили некоторое оживление в коллектив и создавали впечатление простоты в обращении. Вместе с тем эти люди вели себя уж слишком просто, порою даже некультурно. Например, за обеденным столом они всегда шумели, громко разговаривали, вообще вели себя развязно. После еды они никогда не мыли ложки, а сразу клали в карман или же затыкали за пояс брюк. Когда же садились за стол, кое-как сдували с ложки пыль и принимались за еду.

Другая же группа, возглавляемая жителем из Хамхына, наоборот, вела себя за обеденным столом тихо, чинно, они всегда о чем-то негромко переговаривались, сидя близко друг к другу. Больше половины нашего взвода были молодыми людьми примерно двадцати лет. Ёнхынский Папаша и Ковонский Дядюшка были старше всех. Например, первому было уже за тридцать, так что по нашей традиции он приходился всем нам как бы первым старшим братом.

Ёнхынский Папаша был маленького роста. Казалось, к его мрачному лицу прилеплены глаза и губы от других людей. Даже его черные уши были разного размера. Когда он смеялся, на его лице появлялись мелкие морщинки, и тогда оно становилось еще неприятнее. Он постоянно злорадно посмеивался, часто произносил слова, шокирующие окружающих. Казалось, он получает от этого удовольствие. Одним словом, он производил впечатление человека с крайне вредным характером. Наверно, его забрали прямо во время прополки рисового поля. Он тут же отправился в сборный пункт, даже не успев отмыть ноги от грязи.

Рядом с пищеблоком, среди людей, три дня назад прибывших в резервный батальон Тансалли, я заметил человека с босыми ногами. Кроме того, он был в легких коротких штанишках, едва прикрывавших его костлявые, как поленья, ноги. Таким я впервые увидел Ёнбёнского Товарища. Хоть на дворе и было лето, такой странный вид вызывал у меня некоторое любопытство. Как будто случайно приблизившись, я спросил, почему он без обуви. В ответ он сказал, что потерял её во время пулеметного обстрела с самолета. Отвечал он с недовольным видом, громко и грубовато. Я с легкой улыбкой, полушутя спросил:

— Как же так? Вражеский самолет специально нацелился на вашу обувь?

— Не думаю, — ответил он.

— Где вы живете? — продолжал расспрашивать я.

— Провинция Пхёнандо, Ёнбён, — сказал он на местном диалекте.

— Член партии?

— Нет. Беспартийный.

— Почему до сих пор не вступили в партию? Так не годится!

Я сделал вид, что порицаю его, и тихо продолжал расспрашивать:

— Похоже, вы из бедной крестьянской семьи?

Я не ждал такого быстрого ответа, но он сразу выпалил:

— Именно, из беднейших крестьян. Поэтому в ходе земельной реформы я получил свою долю земли.

— Вот как! Тем более должны быть в партии.

Однако он не отреагировал на мои слова. Впав в состояние крайнего возбуждения, на местном диалекте он принялся рассказывать мне о том, как происходила земельная реформа в его деревне:

— Это было в начале зимы 1945 года после объявления о земельной реформе. Из нашей волости выгоняли злого помещика. С заступом на плече я вторым ворвался во двор его дома. И тогда я также был без обуви — некогда было надевать. Во дворе помещика стояла гнетущая тишина. К тому времени все мало-мальски сообразительные богатеи уже сбежали на Юг, так что дома стояли пустые, без хозяев. Я своими глазами видел, как горит огромный дом в пятьдесят комнат. Какое это было зрелище! До этого я только слышал много рассказов о том, как горят дома с черепичными крышами…

Надо сказать, что мой собеседник любил рассказывать не только о пожаре. Ёнбёнский Товарищ вообще был очень общительным и обладал определенным организаторским талантом. В первый же вечер, во время встречи с сослуживцами, он установил контакт с человеком по прозвищу Камень-картошка из Мунчхона, затем перетянул на свою сторону Батата, Ёнхынского Папашу, Ковонского Дядюшку, Ким Сокчо и еще двоих, установив хорошие отношения фактически со всеми в нашем взводе.

Хотя была еще и другая группа, возглавлял ее выходец из Хамхына — Ким Докчин. Эта группа выделялась среди двухсот молодых людей нашего подразделения своим чересчур вольным поведением, зачастую шокирующим окружающих. Они без устали балагурили и наслаждались неестественным громким смехом Ким Сокчо.

В этот раз человек из Ёнбёна со своим специфическим

говором рассказывал о том, какой сон он видел однажды летом в каком-то году.

«Свирепствовал брюшной тиф. Семьи покинули безнадежно больных родственников и в отчаянии метались по полям, находясь на грани между жизнью и смертью. Это случилось в три или четыре часа дня после обеда. Откуда ни возьмись вдруг появилась жёлтая занавеска, которая бесшумно начала раздвигаться. Впереди за ней показалась незнакомая дорога через открытое пространство. По ней шли какие-то незнакомые люди. Я оказался среди них и пошел вместе с ними. Эти люди шли не в одной колонне — каждый шел сам по себе, не замечая других. Но при этом все двигались в одном направлении. Пройдя некоторое расстояние, я вдруг зачем-то повернул назад и пошел в обратном направлении. Все остальные по-прежнему продолжали идти вперед, не обращая никакого внимания на исчезнувшего человека. Шел я недолго, и тут снова появилась та самая занавеска, которая раздвигалась в разные стороны…»

По словам рассказчика, в этот момент он проснулся и почувствовал страшный голод. Через полуоткрытую дверь был виден двор, на который, подобно сильным струям водопада, падали летние послеобеденные лучи солнца. Кое-как он дополз до кухни, откинул тяжелую крышку котла и увидел на его дне большую порцию пригорелой каши из чумизы. Он тут же все проглотил. Его страшно мучила жажда, он налил из кувшина воды и залпом выпил.

— Значит, вы так заболели, — сказал человек по прозвищу Камень-картошка из Мунчхона.

— Чушь какая-то! Не надо было поворачивать назад, а нужно было идти вместе с другими людьми.

— В том-то и дело. Сам не знал, что происходит: повернул в обратную сторону. Наверно, навстречу смерти.

— Не умереть, а жить хотел — скажите правду!

Батат лукаво заметил:

— Эти антинаучные феодальные пережитки попахивают мистикой. Товарищи, разве можно в наше время говорить о таких вещах? Надо снова заняться вашим начальным образованием.

В ответ Ёнбёнский Товарищ сказал:

— Эй, Товарищ Батат, не воображай себя таким умным. Сам-то знаешь, что такое суеверие?

И тут же продолжил:

— Не знаю, суеверие это или нет, но я рассказываю то, что сам испытал во сне до освобождения страны, — говорил Ёнбёнский Товарищ.

Тут один из присутствующих поддержал рассказчика из

Ёнбёна:

— Иногда во сне можно увидеть очень странные предсказания. Например, говорят, что если видишь дом у колодца с черепичной крышей, то окажешься в тюрьме.

Ёнхынский Папаша подхватил этот рассказ:

— Тогда после этого сна надо войти в такой дом.

Говорили и о других небылицах, связанных со сном.

Например, кто-то сказал:

— Говорят, что будет плохо, если во сне на тебя нападает собака. Тогда обязательно случится какая-то неприятность.

— Правда, такой сон сбывается. Например, за день до получения повестки о призыве на меня во сне напала собака.

— Нет, это неверно, потому что на второй день все пошли по пути славы.

— Именно так! А что может предсказывать «поросячий» сон?

— Об этом все знают…

— Говорят, что самым хорошим предзнаменованием является сновидение с высоким светлым небом. Тогда все твои желания сбудутся…

— Эх! Совсем ничего не понимаете! По-вашему, выходит, что, если один раз увидишь хороший сон, это изменит судьбу на всю жизнь.

— Вот беда с вами! Вы все еще сильно заражены пережитками феодализма…

— Говорят, что если во сне рыбак ловит рыбу, то это предвещает что-то дурное.

— Почему дурное?

— Я этого не знаю. Если хотите знать, спросите у сна.

— Хочу спросить, но как это сделать?

Ким Сокчо громко захохотал. У участников этой группы была привычка — заполнять свободное время болтовней о сновидениях.

В это время откуда-то донёсся печальный крик большой горлицы. Прислушиваясь, Ёнхынский Папаша сказал:

— Пожалуйста, потише. Это большая горлица.

Все приутихли, а печальный крик всё усиливался. Ёнхынский Папаша снова заговорил:

— Вы знаете, о чем поет эта птица? Если кто знает, пусть скажет.

— О чем? Как-то я слышал об этом, но позабыл. Да, точно вспомнил: «умерли жена и зять», «умерли жена и зять» — вот что означает этот крик.

— «Умерли жена и зять. Дочь осталась вдовушкой». Если действительно этот печальный крик обозначает потерю столь

близких людей, то, пожалуй, можно плакать до хрипоты, — сказал Ёнхынский Папаша.

— Вы говорите какую-то чепуху. Дело в том, что «ку-ку» обозначает просто цифру 81 как конец подсчета[17], — возразил кто-то.

— И это верно, — согласился другой.

Больше на эту тему говорить не стали. Все приутихли.

Дорога, по которой двигалась колонна, была извилистой, поэтому спокойное море с левой стороны то появлялось перед нашими глазами, то снова исчезало. Когда смотрели на море с высокой точки, нам казалось, что оно находится далеко от нас за сосновым бором. А иногда казалось, что оно равнодушно плещется совсем близко. Наш отряд двигался двумя колоннами, между которыми с пистолетами на боку шли командиры взводов, облаченные в новую форму. В сумерках они были похожи не на командиров, а скорее на прогуливающихся бездельников.

2

В первую ночь мы прошли вдоль моря и к утру добрались до уезда Кочжин. Уже светало. Согласно распоряжению начальства мы расположились в частных домах. В больших комнатах размещалось по десять человек, а в маленьких — по пять-шесть.

Примерно в 11 часов утра, когда солнце было уже высоко в небе, я решил сделать обход личного состава и заглянул в соседний убогий домишко под соломенной крышей. Здесь расположились компании, в которых верховодили Ёнбёнский Товарищ и Ким Докчин из Хамхына. К моему удивлению, каждая из групп занимала отдельную комнату. И вдруг я вспомнил, что еще на рассвете, когда мы вселялись в частные дома, эти группы боролись за большую комнату с деревянным полом. В конце концов «выходцы из Ёнбёна» уступили, и группа Ким Докчина заняла внутреннюю комнату. Именно в ходе решения этого вопроса две группировки впервые столкнулись открыто.

Вместе с тем в компании хамхынского человека Ким Докчина почему-то оказался и мистер Чо Сынгю. Заглянув через широко открытую переднюю дверь, я увидел его в дальнем углу. От неожиданности я выпалил:

— Ой! И вы остановились в этой комнате?

В ответ Чо Сынгю только чуть улыбнулся, скривив губы.

В это время постояльцы двух комнат убирали и мыли посуду после еды. Другие шли стирать и сушить портянки. Ян Гынсок, человек из Яндока, заметив меня, предложил войти в дом. Он как раз собирался чистить зубы, используя соль вместо зубной пасты.

С правой стороны, в глубине полутемной комнаты, люди из компании ёнбёнского лидера, закончив с едой, тоже вроде занимались уборкой, но их не видно было. Я был немного удивлен тем, что господин Чо Сынгю находится в компании людей из Хамхына и Яндока. Еще можно объяснить нахождение Ким Сокчо в группе, возглавляемой Ёнбёнским Товарищем, — у них была похожая судьба. Здесь же ситуация была иной…

На человека по имени Чо Сынгю я впервые обратил внимание еще три дня назад. Дело в том, что все северные корейцы, в том числе и я, при обращении друг к другу по привычке употребляли слово «товарищ», например «товарищ Ким Сокчо». Однако при общении с Чо Сынгю все всегда говорили «господин». Вероятно, это объяснялось его возрастом, а также, прежде всего, его внушительным внешним видом.

Три дня назад в дождливую погоду этот человек вместе с Каль Сынхваном был вызван в главное управление бригады из резервного батальона. Однако по неизвестной причине вечером того же дня он вернулся назад на попутном поезде один. Вид у него был довольно неказистый, одежда промокла под дождем.

— Что случилось? Почему вы вернулись один? — спросил я, ошеломленный.

— Вернулся. Ну и что? — ответил он сухо.

— А где товарищ Каль Сынхван, который уехал вместе с вами?

— Он остался там. Сказал, что ищет там какого-то человека.

— Что значит, ищет человека? Он же не на рыночной площади. Вы же всегда были вместе.

— Всегда были вместе? — переспросил Чо Сынгю. Вместо ответа он лишь усмехнулся.

Больше мы не касались этого вопроса.

Я посмотрел на него и сказал, чтобы он поужинал в столовой и вернулся в свое подразделение. Про себя же подумал, что он похож на глупого дворника. Я посмотрел на него как бы другими глазами, и мне показалось, что он мне нравится. Видимо, он был совсем непрактичным человеком, коли не смог воспользоваться столь счастливым случаем — вызовом в штаб бригады. Я тогда подумал про себя: как же отличаются эти два члена Трудовой партии Южной Кореи. С этого момента я внимательнее изучил факты его жизненного пути и ничего предосудительного в них не нашел. По сравнению с Каль Сынхваном, который в любой толпе выделялся своим высоким ростом и неизменным черным свитером, Чо Сынгю был совсем незаметным. Я с трудом мог представить его в куртке или в костюме с галстуком до призыва в армию.

В первый же день нашего знакомства он сообщил о себе, что ему, двадцать восемь лет, проживает он в провинции Кёнчжу, уезд Пхочон, что родился в семье служащих и работал на соевом производстве. В анкете не совсем отчетливо, видимо по совету Каль Сынхвана, было написано, что он является членом Трудовой партии Южной Кореи. В его автобиографии, конечно, были некоторые сомнительные моменты, но до поры до времени я не стал обращать на это особого внимания. Хотя со временем мои сомнения нарастали как снежный ком. Прежде всего, речь идет об отношениях между Чо Сынгю и Ким Сокчо. Возникал вопрос: почему они, будучи членами Трудовой партии, не приехали вместе? К тому же после отъезда Каль Сынхвана в отряде осталось только два члена партии. Казалось бы, они должны были иметь самые тесные связи между собой, но ничего подобного не было. Более того, Ким Сокчо с самого начала не захотел иметь никаких отношений с Чо Сынгю и Каль Сынхваном. Он открыто общался только с человеком из Ёнбёна, намеренно игнорируя Чо Сынгю. В связи с этим мое любопытство к последнему все более возрастало. Образ его, с мертвенно-бледным лицом, все время мелькал у меня перед глазами. Видимо, не случайно Чо Сынгю не стал жить в одной комнате с Ким Сокчо, а предпочел компанию хамхынских сослуживцев. Полагаю, что особенности его характера, а также своеобразная манера поведения послужили причиной тому, что он вернулся назад, в то время как Каль Сынхван остался в управлении бригады.

Вероятно, события развивались следующим образом. Каль Сынхван выступил перед начальством бригады в своей обычной напористой манере и убедил их в том, что он на Юге был активным борцом, искренним членом Трудовой партии и что готов идти до конца за правое дело. Ему поверили, и он остался в штабе бригады.

Чо Сынгю же наверняка вел себя робко, говорил мало и не произвел должного впечатления на начальство. Потому его и отправили обратно. Вообще в жизни Чо Сынгю всегда стремился быть в тени и тихо занимался своим делом, в отличие от Каль Сынхвана, который добивался своей цели любыми средствами. Таким было мое предположение.

Вместе с тем мне все время хотелось узнать, почему Чо Сынгю оказался именно в компании Ким Докчина из Хамхына. Я успокаивал себя тем, что это временно и произошло случайно. Эта мысль опиралась на событие, которое произошло в тот день около трех часов, после обеда. Вдоволь выспавшись, утром мы не знали чем заняться. Одни тупо сидели на месте, другие слонялись из одной комнаты в другую. А я пошел к красному дому с

оцинкованной крышей, где остановились пять офицеров, подчиненных нашему главному начальнику. Дом этот был выше других, его окружала глинобитная ограда. Окна фасада смотрели во двор. Я вошел во двор и через стеклянную дверь сразу увидел главного начальника, сидящего вместе с подчиненными офицерами на деревянном полу. Они были раздеты по пояс и пили водку. Лица у всех было багровые от опьянения, на полу валялась пустая бутылка. К моему удивлению, среди прочих здесь были Ким Докчин и Ян Гынсок из Янъяна.

— Кстати, вот и он идет. Ведь это он? — громко сказал слегка опьяневший старший офицер, глядя на меня из комнаты. В этот момент почти одновременно с ним и мой непосредственный начальник, командир первого взвода, негромко сказал:

— Вот и вы пришли. А мы уже хотели посылать за вами. Как дела? Водочку умеете пить? — При этом он посмотрел в сторону Ян Гынсока. Я неуверенно стоял на месте, вспоминая все, что происходило на днях.

И тут Ян Гынсок, словно извиняясь, пробормотал:

— Я как раз хотел прийти за вами. Ведь я с самого начала хотел прийти сюда вместе с вами.

Вместе с тем он посмотрел на главного начальника, словно желая показать, что меня не было в его планах и сначала они думали прийти сюда только вдвоем с Ким Докчином.

— Ну, не стесняйтесь, заходите. Давайте по рюмочке. Затем хорошенько отдохнем, позже поужинаем и — в путь, — сказал в своей обычной манере сидевший слева от начальника командир 5-го взвода, младший лейтенант Ко Ёнгук.

В такой завуалированной форме он хотел скрыть случай, имевший место прошлой ночью на станциях Ёнбён и Хыпкок.

На небольшом обеденном столике стояли блюдечко с кимчхи из молодой редьки, чашечка со свежим чесноком, перец, соевая паста и сушеные водоросли. Мелко нарезанная рыба с пряностями и сушеная рыба были почти съедены. Без особого желания я опустился на покрытый циновкой пол. Я просто вынужден был присоединиться к этой компании. Младший лейтенант Ко Ёнгук, передавая мне пустую рюмочку, сказал:

— Давайте выпьем за взаимопонимание. Хочу предложить тост, хотя не совсем уверен, правильно ли я поступаю.

Тут вмешался Ян Гынсок, заплетающимся языком он сказал:

— Нет, неправильно. Надо начинать с моего тоста!

Тут главный начальник остановил распоясавшегося подчиненного:

— Давайте пить, а не заниматься болтовней.

Ян Гынсок сразу умолк и посмотрел на начальника пустыми

глазами. Сказал в ответ, что все понял. Глядя в мою сторону, тихонько добавил:

— Ну, прежде всего, примите пожелание от меня. Пусть всегда будет радость! — И тут же залпом осушил свою рюмку, тем самым желая показать, что он, мол, бывалый человек в солидных компаниях.

Вместе с тем я представлял, что хотел, но не успел сказать Ян Гынсок. Я также думал, что, вероятно, организаторами этой попойки были Ян Гынсок и Ким Докчин.

Во время вчерашнего ночного марша эти новобранцы, идя впереди первого взвода, непринужденно говорили с нашим главным начальником и с проводником. В это время с помощью наиболее покладистого командира 5-го взвода Ко Ёнгука начальство собрало деньги у сослуживцев для аренды удобного помещения, в котором затем устроило себе ночлег.

Опьяневший Ким Докчин тихо разговаривал сам с собой:

— Проводник из Косона был нормальным человеком. Мы предложили ему провести день вместе, но он, к сожалению, покинул нас.

Из этих слов можно было кое-что предположить…

Постепенно главную роль в этой застольной компании стал играть главный начальник. Он хоть и был изрядно пьян, но, как обычно, расхваливал себя. Чем больше он говорил, тем больше обнаруживал свою глупость. А подхалимы Ян Гынсок и Ким Докчин активно поддакивали ему. Например, Ким Докчин льстил ему:

— Ой, что вы говорите! Во времена японского колониального правления вы были коцыкаи[18]! Значит, умели кататься на велосипеде? После окончания обычной школы вы один уехали на чужбину, а потом после освобождения поехали учиться в пхеньянскую школу русского языка. В то время как три старших брата по-прежнему оставались в уезде Коксан…

Главный между тем рассказывал, что трое или четверо выпускников русской школы, с которыми он учился вместе ещё до начала войны, стали офицерами. Они носили по четыре средние звездочки на погонах, а некоторые из них — и вовсе две[19]. Конечно же, этими примерами он прежде всего хотел похвастаться перед собравшимися своими связями. Вместе с тем можно было предположить, что если он до сих пор находится в чине капитана и носит три маленькие звездочки, то в те времена, наверное, и вовсе был круглым дураком.

Хотя пирушка продолжалась недолго, главный начальник за это время показал всю свою ничтожность, а офицеры-новички поневоле становились объектом для язвительных шуток со

стороны Ким Докчина и Ян Гынсока.

Я почувствовал легкое опьянение и пошел к дому, в котором остановился на ночлег наш отряд. Когда я вернулся, мой сосед по комнате Но Чжасун из Янъяна как-то странно посмотрел на меня. В комнате ёнбёнской компании царила мертвая тишина. Было слышно лишь, как шепчутся между собой бодрствующие.

Настроение у меня было паршивое, а тело в один миг вдруг стало вялым. Я незаметно подозвал к себе господина Чо Сынгю, и мы вместе пошли к берегу моря.

Заканчивалась вторая декада августа, но дни по-прежнему стояли теплые и солнечные. Казалось, война шла где-то далеко-далеко от нас. Мы сели на большой камень у берега и долго молчали. Глядя на горизонт, я первым прервал молчание:

— Мне кажется, что по лунному календарю сегодня шестое июля.

Затем чуть громче спросил:

— Вы написали, что ваш адрес — провинция Кёнгидо, Пхочон. Вы родились там?

Господин Чо мельком взглянул на меня и четко ответил, что родился в Сеуле, в Ёнсане.

— А с какого времени вы стали жить в Пхочоне? — уточнил я свой вопрос. Явно недовольный такими подробными расспросами, он резковато ответил, что живет там с 1947 года.

— Значит, в ряды добровольцев вы вступили в Пхочоне, — предположил я.

После напряженной паузы он нехотя ответил:

— Если сказать правду, я не по доброй воле стал добровольцем — меня случайно поймали на дороге. Конечно, у меня была возможность удрать, но я этого не сделал, потому что своими глазами хотел увидеть жизнь в Северной Корее. — Словно удивляясь своему откровению, он слегка усмехнулся, а затем добавил:

— Сегодня многие терпят огромные бедствия, и я не могу смотреть на это равнодушно.

Я подумал, что он говорит неискренне, но все же спросил:

— Значит, там вы впервые встретились с Каль Сынхваном?

— Да. По дороге на Север.

— Выходит, что вы присоединились к сеульским добровольцам в Пхочоне.

— Да. Именно так оно и было.

Поневоле у меня возникал вопрос: каким образом член Трудовой партии мог быть вот так запросто схвачен на дороге? Допустим, случается всякое. Но чем он занимался в уезде Пхочон после освобождения страны? Был служащим на соевом

предприятии? Но член Трудовой партии должен был иметь более достойный пост. К тому же как член партии он должен был ходить в красной нарукавной повязке и никак не мог быть задержан.

— Как же остальные добровольцы узнали, что вы член южнокорейской Трудовой партии?

— По дороге я случайно разговорился с человеком примерно моего возраста, и мы вместе остановились на ночлег в одном частном доме. Ну и горазд же он молоть языком!

Я насторожился, услышав последние слова. Дело в том, что, когда я жил вместе с Каль Сынхваном в Тансалли, у меня тоже были кое-какие похожие мысли на этот счет. Полагая, что слова собеседника в какой-то мере правдоподобны, я осторожно спросил:

— А Каль Сынхван случайно не говорил с вами обо мне?

— В общем-то, да. Говорил. Но я называю его пустомелей не поэтому.

Поскольку разговор наш перетек в дружескую беседу, я решился уточнить свой вопрос:

— И все-таки, что он говорил конкретно обо мне?

— Говорил, что у людей, получивших образование на Севере, имеются определенные пробелы в вопросах классовой позиции. А также что у многих из них отсутствует последовательная идеологическая ориентация.

Соглашаясь с его словами, я ответил, что это вполне возможно.

Чо Сынгю продолжал:

— Впрочем, я не знаю, какие проблемы возникли у двух товарищей. И потому не могу судить о них. Одно бесспорно: не все вопросы решаются по одной определенной схеме. Суждения не должны основываться лишь на каких-то принципах. В реальной жизни все куда сложнее. Решение любого вопроса зависит от того, кто и как понимает проблему, А в данном случае проблема, возникшая между вами и господином Каль Сынхваном, пусть даже и незначительная, могла бы иметь неприятные последствия. К счастью, с отъездом Каль Сынхвана для вас все закончилось благополучно.

Удивленный откровенностью Чо Сынгю, я сказал:

— Впрочем, взаимная критика — это не так плохо. И она должна присутствовать в общении.

— Конечно, это так, — ответил Чо Сынгю, делая вид, что согласен со мной. И тут же добавил:

— Взаимная критика может быть эффективной только в том случае, если в партийной организации имеются подготовленные

кадры. Люди, преданные делу партии и проникшиеся духом крепкой дружбы с товарищами по общей борьбе. В противном случае увеличится число раздоров. Недопонимание со временем превратится в ненависть друг к другу. В результате начнется политическая борьба за власть между различными группировками. Если это произойдет, то ни о какой серьезной работе уже не может быть и речи. Вчерашние борцы за справедливое дело превратятся в никчемных людишек.

Я тихо сказал, что для меня все это слишком сложно, но, мол, кое-что я все-таки уловил. Чо Сынгю моментально отреагировал на мои слова:

— Конечно, вам, наверно, трудновато понять такие вещи.

К моему удивлению, в течение тех нескольких минут, что мы разговаривали на равных, он превратился в другого человека. Прежде всего это проявилось в его высокомерной манере разговора. Я изо всех сил старался вернуть наши отношения в прежнее русло. С этой целью я задал ему вопрос:

— А что вы имели в виду, когда говорили, что Каль Сынхван — пустомеля?

Мне показалось, Чо Сынгю не спешит с ответом. Он как будто через силу выдавливал из себя слова:

— Уже в начале нашей встречи в Пхочоне я понял, что он несмышленый молодняк.

После небольшой паузы он сказал, что, по его мнению, членом партии этот человек стал случайно.

— Конечно, допускаю, — утверждал он, — что Каль Сынхван организовал добровольцев в Сеуле и привел их на Север…

Затем Чо Сынгю довольно подробно рассказывал, как в начале 1947 года в Южной Корее принимали в партию всех подряд:

— В это время началась громкая кампания «За пятикратное увеличение количества членов партии!» Тогда без разбора в Трудовую партию записывали всех желающих. Именно этим моментом, вероятно, и воспользовался Каль Сынхван, чтобы оказаться в рядах партии. Как известно, в третьей декаде 1946 года произошло объединение Компартии, Народной партии и Демократической партии и образовалась массовая политическая партия — Трудовая партия Южной Кореи. В той обстановке подобное объединение было продиктовано политической необходимостью. Так, собственно, и возникло движение «За пятикратное увеличение членов партии!» В той конкретной ситуации эта мера была направлена на то, чтобы помешать плану американской военной администрации полностью отделить южную часть Корейского полуострова от северной. По замыслу

организаторов движения, именно члены новой партии должны были противостоять американскому плану раскола страны. Но эти добрые намерения привели к плачевным результатам. В партию попадали совершенно случайные люди. Нужно сказать, что временами людей даже затаскивали туда силком. А не желающих вступить в ряды партийцев даже пугали, обвиняя в пособничестве японским колонизаторам и в предательстве национальных интересов. Одновременно была облегчена процедура приема в партию. Достаточно было иметь две рекомендации от членов партии, и ты принят! Никакой проверки не было. Думаю, что именно в этой неразберихе товарищ Каль Сынхван и оказался в рядах партии.

На этом, собственно говоря, и закончился наш разговор. Господин Чо Сынгю был сильно возбужден и чувствовал, как мне казалось, свое превосходство надо мной. Я пытался сохранить свое достоинство и держал себя в определенных рамках. Вместе с тем меня все время мучил вопрос: почему же из двух членов партии, отозванных в главное управление бригады, один вернулся, а другой остался в штабе? В данный момент другие вопросы меня мало интересовали. Кроме того, у меня сложилось двойственное впечатление о Чо Сынгю. С одной стороны, мне показалось, что он преданный член партии. А с другой — возникал вопрос: как активный член партии мог быть схвачен где-то на дороге?

Мои сомнения частично рассеялись благодаря другому разговору. Чуть позже Чо Сынгю сказал откровенно:

— Разумеется, я знаю, что в течение нескольких дней вы сомневались во мне. Я также догадывался, что вы хотите знать, почему я вернулся обратно, а господин Каль Сынхван остался там.

На самом деле ответ довольно простой. Дело в том, что Каль Сынхван заранее знакомился со многими людьми, которые перебрались на Север раньше. Он постоянно твердил им, что являлся активным борцом на Юге страны. Я же рассказывал о себе только правду. Честно говорил, что в октябре 1945 года вступил в партию и работал инструктором в отделе партийного строительства в районной парторганизации Ёнма (Ёнсан, провинция Мипхо), затем в 1947 году добровольно вышел из партии, потому что работа в парторганизации не ладилась по объективным и по субъективным причинам. После этого в течение месяца жил в Пхочоне. Затем решил начать жизнь заново и вступил в ряды добровольцев. Выслушав, офицер среднего звена посмотрел на меня не очень приветливо, даже с подозрением. Этот холодный взгляд произвел на меня, мягко говоря,

неприятное впечатление. Он повлиял на мое мнение не только об этом офицере, но и о Северной Корее в целом. Меня поместили в одной комнате, а Каль Сынхвана в другой. В течение двух-трех часов я один сидел в этой комнатушке. За все это время Каль Сынхван ни разу не показывался. И вот, спустя три часа, ко мне вошел сержант с особым значком и тихо сказал, чтобы я вернулся туда, откуда приехал. Еще он сказал, что я могу уехать в пять часов вечера на дополнительном попутном поезде. А в конце добавил, что товарищ, который прибыл со мной, останется. Ему предстоит встретиться с человеком, которого он давно искал. Вот так и закончилась наша совместная поездка: один остался там, а другой вернулся назад. Это было мое первое впечатление о стране с тех пор, как я прибыл сюда, на Север.

3

Ким Сокчо отличался неприглядной внешностью: его круглое широкое лицо делила пополам толстая переносица. А нижняя часть его тела была непропорционально коротка. На первый взгляд могло показаться, что он человек покладистый. Но если повезло столкнуться с ним ближе, особенно когда он громко смеялся, становилось ясно, что этот товарищ не такой уж мягкий. Наоборот, в жизни он был решительным, крутым человеком. Эти качества проявлялись прежде всего в общении с людьми. В частности, с Чо Сынгю.

Когда он находился в обществе Каль Сынхвана, эти черты характера проявлялись не так явно. После отъезда Каль Сынхвана Ким Сокчо чувствовал себя одиноким. Он ни с кем не дружил, хотя вращался в кругу ёнбёнской компании, и внешне их общение выглядело вполне естественно. Но при внимательном наблюдении было заметно, что у него не было ничего общего с людьми из этой компании. Не общался он и с Чо Сынгю, единственным кроме него членом партии. Казалось бы, в такой обстановке они должны держаться друг друга, и это было бы разумно. Но у Ким Сокчо даже мысли такой не возникало. Он все вопросы решал самостоятельно, исходя только из собственного опыта.

О Чо Сынгю у меня сложилось некоторое мнение, но я хотел знать, как Ким Сокчо относится к нему. Особенно меня интересовало, почему он игнорирует Чо Сынгю и даже не собирается общаться с ним. Чо Сынгю был старше Ким Сокчо, вел себя всегда очень скромно, как будто старался остаться в тени, незамеченным. Это было неестественно, так как старший должен опекать младшего.

На днях после обеда, ближе к вечеру, произошел такой случай. При госпитализации Чан Согёна в больницу в Косоне присутствовали: я, Чан Сеун и Ким Сокчо. Чан Сеун остался с больным, а я вместе с Ким Сокчо возвратился в гостиницу. По дороге я спросил как бы невзначай:

— Вам знаком человек по имени Чо Сынгю?

Ким Сокчо остановился, молча посмотрел на меня и спокойно ответил:

— Кто? Ах да. Это тот человек, вместе с Каль Сынхваном был вызван в главное управление бригады, а потом вернулся назад.

Я чуть замедлил шаг и уже шел рядом с Ким Сокчо. Он спросил:

— Вас интересует, чем занимался этот товарищ?

— Нет, меня интересует не это. Мне хочется знать, почему товарищ Сокчо избегает его.

Ким Сокчо даже остановился и с удивлением переспросил:

— Избегаю встречи? Я не совсем понимаю вас. Я не делаю этого. Вам так кажется.

— Не кажется, а на самом деле так и есть. В нашем взводе осталось только два члена Трудовой партии Южной Кореи. Так нельзя себя вести.

Ким Сокчо был немного растерян и стал задумчиво смотреть куда-то вдаль. Солнце катилось к западному склону горы, а его блеклые желтоватые лучи переливались на улицах уездного города. Кругом стояла тишина: не было слышно ни одной души, ни одной собаки. Новая форма, которую мы получили позавчера, сидела очень удобно.

Глядя на меня, Ким Сокчо тихо произнес:

— Извините, я об этом совсем не думал. Может быть, я не прав. Но что теперь делать? Как с ним общаться? Дело ведь еще в том, что он старше меня.

— В данном случае возраст не имеет значения. Лишь бы было желание. Например, товарищ из Ёнбёна дружит с папашей из Ёнхына, хотя тот гораздо старше его.

Ким Сокчо сказал, что тоже знает об этом, и уточнил свой вопрос:

— Каково же должно быть моё отношение к нему как к члену Трудовой партии Южной Кореи?

Я ответил:

— Как члены одной партии вы должны оказывать друг другу поддержку, находясь здесь, в Северной Корее. Так будет правильно. Впрочем, если к этому не лежит душа, то не следует насиловать себя.

— Я согласен с вами. В данном случае именно так — душа не

лежит. Не знаю, почему так происходит. Точно так же не сложились наши отношения с Каль Сынхваном. Он был человеком другой породы. Между нами не было ничего общего, мы не могли общаться.

Ким Сокчо говорил очень быстро, в необычной для себя манере, и я, слегка улыбнувшись, заметил:

— Странно это. Как такое может произойти между членами одной партии?

— По правде говоря, и я тоже не понимаю. Впрочем, мне всегда казалось, что этот товарищ выпендривается, желая показать свои мнимые превосходства над другими. Поэтому многие не хотят с ним общаться. Поговаривают, выходцы из интеллигенции все такие выскочки.

— Вы продолжаете так думать?

— У меня с такими людьми нет ничего общего и нет желания общаться с ними. Да и надобности нет. Они живут по-своему и вообще отличаются от северных корейцев.

— Не понимаю, как с таким настроем вы занимались организационной работой в партии. Вы же отгородились от других.

Мне показалось, что он делает вид, что смущается, но при этом лукаво улыбается. Я был неприятно удивлен таким неестественным поведением и, не отводя глаз, стал смотрел в одну точку. На западе медленно садилось солнце, а улицы по-прежнему были пустынны и безмолвны.

Ким Сокчо тихо заговорил:

— Я в партии всего-то чуть более года. Едва успел получить партбилет. Все члены нашей партячейки были работниками типографии. Мы были дружны и откровенны между собой. А вы говорите, что я отгородился от людей… У меня тоже есть к вам вопрос: почему вы так интересуетесь моими отношениями с этим товарищем? Вы хотите, чтобы я относился к нему лучше? Это зависит не только от меня. И он в свою очередь должен сделать шаг мне навстречу. Однако думаю, что он этого не захочет. Не знаю почему. Так мне кажется. Кстати, и Каль Сынхван был таким же человеком. С первой нашей встречи мы уже не понимали друг друга. Человек должен быть откровенным, а он таким не был.

Я впервые слышал такую длинную речь из уст Ким Сокчо и был очень удивлен его неожиданным признанием. Кстати, из этого разговора я впервые узнал, что у Каль Сынхвана и Чо Сынгю было много общего, что они, оказывается, даже дружили. А я-то думал, что они разные люди. Впрочем, чуть раньше во время разговора с Чо Сынгю я и сам начал догадываться об их отношениях.

Когда я вернулся в дом, где наш отряд расположился на ночлег, там уже были Ким Докчин, Ян Гынсок и другие. Они громко о чем-то разговаривали. Чжасун с гневным видом вышел из комнаты Ёнбёнского Товарища и громко сказал:

— Никак нельзя проходить мимо этого безобразия! Надо официально ставить вопрос!

Товарищ из Ёнбёна, стоявший у дверного косяка, поддерживал его слова:

— Хоть я и беспартийный, но думаю, что каждый должен иметь собственное мнение, если будут рассматривать этот вопрос.

Из комнаты Ёнбёнского Товарища раздался голос Батата, хотя самого его не было видно. Он возмущался:

— Партячейка не справляется со своими обязанностями! Как иначе в течение двух дней создалась такая обстановка? Я, хоть и беспартийный, и то вижу!

Вслед за этим раздался голос Дядюшки из Косона:

— Он доставит нас до Ульчжина и передаст тамошней воинской части, сам сбежит в тыл, а мы попадем прямо в когтистые лапы смерти. И на этом вопрос будет закрыт. Как говорится, «пароход уже прошел по реке Тэдонган»[20].

Среди возмущавшихся был и Ким Сокчо, но он никак не проявлял себя. Но Чжасун никак не мог успокоиться и продолжал:

— В любом случае нельзя оставлять это дело без внимания, иначе нас совесть замучит.

При этом он смотрел на меня, сидящего на полу, с некоторым удивлением, во взгляде его читалось явное неодобрение. Проходя мимо, он с иронией холодно упрекнул меня:

— Говорят, что под конец и вы принимали участие в той грязной пьянке…

Внезапно дверь в соседнюю большую комнату приоткрылась. И я увидел мертвецки пьяных Ким Докчина и Ян Гынсока. Они валялись на циновках, раскинув в стороны руки и ноги. Все замолчали, и в комнате установилась звенящая тишина. Вместе с тем в соседних комнатах солдаты продолжали о чем-то шушукаться. Обстановка по-прежнему была напряженной.

Зачинщиками всего этого дела были Но Чжасун и Ёнбёнский Товарищ. Последний, кстати, за какие-то несколько часов неузнаваемо изменился. Всегда улыбающийся веселый хулиган, теперь он превратился в серьезного, мрачного и задумчивого человека. Он делал вид, что не замечает меня, порхал из одной комнаты в другую и в конце концов выскользнул на улицу в поисках сослуживцев.

И действительно, они говорили правильно. Если бы партийная организация как следует выполняла свои обязанности,

доставка добровольцев до линии фронта осуществлялась бы иначе. Как иначе можно объяснить, почему из резервного батальона, в который входило пять совершенно неподготовленных взводов, сформировали непонятное подразделение — слишком большое, чтобы называться ротой, и слишком малочисленное, чтобы считаться батальоном? «Рота» состояла из пяти взводов, количеством по сорок человек в каждом. Это странное воинское подразделение из двух сотен новобранцев должно было следовать до Ульчжина. В связи с этой реорганизацией командира этой «роты» стали расплывчато называть просто «начальником».

Вся эта неразбериха была связана с отсутствием нормальной работы партячейки, в которой явно не было достаточного количества членов партии. Поэтому в течение десяти дней мы добирались до Ульчжина под началом бездарного капитана, который являлся главным руководителем подразделения. Разумеется, он был членом партии…

Каждая группа новобранцев выражала недовольство по-своему, переходя из одной комнаты в другую. Чо Сынгю, недавно сидевший рядом со мной на берегу моря, пришел в ярость, увидев в своей комнате валяющихся пьяными Ким Докчина и Ян Гынсока. Он никак не мог успокоиться и даже не стал входить в помещение. На берегу мне показалось, что Чо Сынгю — образованный и сдержанный человек. Теперь же он вел себя совсем иначе, почти не контролировал свои эмоции.

Мне стало неловко смотреть на него. Я незаметно прошел в свою комнату и прилег на циновку, которой был застелен пол. Конечно, мне было далеко не безразлично происходящее, но и вмешаться не было желания. К тому же я чувствовал усталость и решил чуть вздремнуть. Заснуть никак не получалось, хотя глаза мои были закрыты. Я сомневался в том, что член партии Но Чжасун не знал о происходящем в офицерских кругах. Я также был уверен, что всю эту кашу заварил невзрачный деревенский мужичок из Ёнбёна. Вот если бы это дело провернул член партии Пхунён, дядюшка из моей родной деревни, это еще можно как-то понять. Но этот человек! Смех, да и только! Какая-то бессмыслица…

В связи с этим мне вспомнились события, имевшие место в нашей деревне Хёнчжудон после освобождения страны 15 августа. В памяти хорошо сохранились те дни моей школьной учебы. Я вспомнил, как на уроках нам говорили, что нашим освобождением мы обязаны доблестной Красной Армии под руководством генералиссимуса Сталина. В те же дни на каждом перекрестке, на вокзалах, в государственных учреждениях, в

школах и в других местах вывешивали портреты Сталина — человека с черными усами и узким лбом. Он был похож на руководителя казахской или грузинской цирковой группы или на какого-то иллюзиониста. Вместе с тем повсюду звучала песня патриотического содержания:

Выше знамя красное держи
И клятву верности храни!

Простые слова этих песен легко доходили до простых людей. Кроме того, всюду красовались агитационные лозунги: «Кто не работает, тот не ест!», «Землю тому, кто ее обрабатывает!», «Да здравствует союз рабочих и крестьян!», а также плакаты, изображающие рабочего и колхозницу с серпом и молотом в руках, и многочисленные призывы, напечатанные на бумаге плохого качества.

Некоторые агитационные материалы, мягко говоря, в той обстановке не подходили для Кореи. Они носили слишком общий характер или были непонятны людям. Скорее, эти агитки больше подходили международному рабочему классу, чем северным корейцам. И жители деревни Хёнчжудон тоже это осознавали. Например, им было непонятно, почему у входа в дом деревенского схода, в центре села, на перекладине опускного занавеса в обрамлении сосновых веток висит портрет Сталина. Людям, издавна жившим в деревне по своим законам, чужды были эти новшества, они не воспринимали их всерьез. Более того, некоторые считали эти новые веяния проявлением каких-то неведомых злых сил, стремящихся навязать им свои порядки. Многие жители деревни были растеряны и напуганы.

В сентябре в Хёнчжудоне были созданы коммунистическая ячейка и комсомол. Из моих родственников первым к новому движению присоединился мой троюродный брат и вместе с ним еще один молодой человек из другого семейства.

Пхунён, который приходится мне дальним родственником, пользовался большой популярностью среди односельчан. Он был очень общителен и обладал организаторским талантом. И на работе, и на отдыхе в этом отношении ему не было равных. Все важные дела он брал на себя, организовывал для односельчан всякие мероприятия, и люди были довольны им. Старушки-родственницы судачили:

— Это здорово, что в семействе Квандон имеется такой необычный человек!

Даже говорили, что он мог бы потягаться умом со своим старшим братом, старостой деревни. Вместе с тем Пхунён был

скромным, воспитанным и гуманным человеком. Когда собирались все родственники семейства, вел себя скромно и почтительно, говорил по существу и очень тактично. Родственники всегда прислушивались к его словам, когда решали серьезные проблемы.

Едва окончив начальную школу, Пхунён уже помогал в сельскохозяйственной работе старшему брату, старосте деревни. Затем, лет за семь до освобождения страны, чтобы избежать насильственной вербовки, он вместе с дядей Су Гю стал работать на строительстве вагоностроительного завода. Завод строили с нуля, сами. Строительство велось в условиях почти полного бездорожья на болотистой местности неподалеку от берега моря, вдоль длинного пляжа Мёнсасимни. Болото пришлось засыпать камнями. Для этого рабочие при помощи динамита срезали «шапку» горы рядом с деревней Панхасанли и на вагонетках по узкоколейке доставляли строительный материал. В те времена на строительной площадке бурлила жизнь. Уже примерно через два года на освоенной территории Панхасан был построен большой вагоностроительный завод и другие строительные предприятия. Строительство закончилось в начале 1940 года. На этом заводе работало около десяти человек из нашей деревни. Ежедневно утром и вечером эти десять человек в форменной одежде ярко-синего цвета шли на работу с завернутой в платке сухой корейской лапшой «Доширак». Среди них был и дядя Су Гю, больше похожий на заводского рабочего, чем на крестьянина. Зато Пхунён, потомственный крестьянин, выглядел совсем не естественно в рабочей спецовке. Казалось, его облачили в какую-то странную, чужую одежду. Не случайно и после освобождения страны Су Гю какое-то время продолжал работать на заводе, а Пхунён, напротив, сразу вернулся к сельскому хозяйству.

Уже через несколько дней после освобождения страны по рекомендации родственников клана старший брат Пхунёна вновь стал старостой деревни, а после — председателем народного комитета села. К тому времени все три брата дома Квандон стали членами партии. Пхунён был избран секретарем комсомола. А несколько месяцев спустя, во время проведения аграрной реформы, вместе с соседом-ровесником Су Чаном, которому едва исполнилось двадцать три года, он вошел в Комиссию по распределению земли, состоящую из семи человек. С этого момента Пхунён стал совсем другим человеком. Он занимался конфискацией земли у богатых и ее безвозмездной передачей беднякам. Эта работа тогда считалась очень важной. Естественно, что у двадцатитрехлетнего молодого руководителя стали проявляться элементы зазнайства. Одним словом, Пхунён

переоценил свои заслуги и стал совсем неузнаваемым.

Согласно предписанию, в случае если количество земли помещика превышало 15 000 пхён[21], землю полностью конфисковывали. А самого хозяина должны были выслать за пределы 70 ли[22] от родной деревни. Эта мера в нашей деревне рассматривалась как слишком суровая. Под давлением односельчан начальник, контролирующий ход земельной реформы в нашем районе — Ан Саниль, — временно приостановил высылку. В соседней деревне тоже конфисковали землю у одного довольно крупного помещика, но и там дело не дошло до высылки, потому что вмешался его сын, председатель уездного народного комитета. При японцах он принимал участие в леворадикальном движении.

Неожиданная земельная реформа, да еще такая радикальная, порождала двойственное чувство у крестьян-бедняков. С одной стороны, они были довольны тем, что отныне земля будет принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Но с другой стороны, им было сложно поверить, что чужая земля, на которой они традиционно работали в качестве батраков, вдруг может стать их собственностью безвозмездно. Им казалось, что все это происходит во сне, а не в действительности. Кроме того, стало известно, что излишки земли крупных и мелких собственников будут безвозмездно конфискованы и распределены среди крестьянских семей в соответствии с количеством рабочей силы.

Вместе с переменами в жизни менялись и люди. В частности, тот же Пхунён, став руководителем Комиссии по перераспределению земли, превратился в немногословного, жесткого и даже раздражительного человека. Раньше за ним никогда такого не замечали. Можно сказать, что от прежнего Пхунёна — общительного, скромного, рассудительного — почти ничего не осталось. Правда, он по-прежнему старался говорить правильные слова и быть ближе к народу, но выглядело это неестественно. Люди понимали, что он неискренен, и все больше отдалялись от него.

Наша жизнь так устроена, что мы общаемся между собой не только в официальной обстановке. Есть другая сторона жизни, частная, когда мы ведем разговоры на какие-то бытовые темы или говорим о личной жизни. Так вот эта вторая сторона с некоторых пор исчезла из жизни Пхунёна. Эти перемены начались осенью 1945 года, после посещения двухнедельных курсов по подготовке кадров в соседнем уезде. А с началом аграрной реформы они лишь усилились.

Многие односельчане не понимали, почему Пхунён так круто изменился, и удивлялись этому. Так, однажды они вели между

собой такой разговор:

— Ума не приложу, почему Пхунён вдруг стал таким странным.

— Вот именно. А я-то думал, что я один такого мнения. Оказывается, и вы тоже так думаете?

— Не говорит, а словно речь толкает! Вот беда с ним…

— Говорит вроде правильные слова. А потом вдруг призывает всех воспрянуть духом, искоренить пережитки феодализма и японского колониального режима и принять активное участие в революции.

А деревенские женщины у колодца говорили:

— Странным стал третий дядя дома Квандон[23] с тех пор, как съездил куда-то дней на пятнадцать.

— Да. Уже совсем не смеется.

— Без улыбки он совсем не похож на себя.

— Все время произносит какие-то незнакомые слова вроде «идеология», «классы»…

— Вообще что это за слова, что они обозначают?

— Никто не знает.

— Очень странно, почему дядя вдруг так ведет себя.

Однако эти последствия посещения двухнедельных дневных курсов были еще цветочками по сравнению с тем, что произошло с ним после прохождения других курсов, более длительных. После проведения земельной реформы Пхунён уезжал еще на месяц, затем на три и, в конце концов, на полгода. Эти курсы были организованы соответственно городской и провинциальной парторганизациями, а также Центральным комитетом партии. После каждой поездки он менялся всё сильнее. Чётче вырисовывалась его идеологическая позиция, а в разговорах с людьми появилась грубоватая интонация. Взгляд становился более тяжелым, злым и холодным. Он ходил в незнакомом головном уборе черного цвета, похожем на ленинскую кепку, и всегда носил с собой большую тетрадь в чёрной обложке.

В общении с людьми Пхунён вел себя скромно и сдержанно, а потом вдруг взрывался и становился неуравновешенным, а порой и непредсказуемым. Одним словом, теперь он был совсем непохож на человека, который всю жизнь прожил по нашим деревенским законам и обычаям. Скорее, он стал напоминать тот неуместный и непонятный многим портрет генералиссимуса Сталина, который был так похож на руководителя среднеазиатской цирковой группы…

Бывало, Пхунён всё же отпускал какие-то шутки. Но делал это так шаблонно, что в них все равно ощущался пропагандистский привкус. Ни о каком естественном поведении этого человека речь

уже не шла. Люди в недоумении задавали вопрос: как же он дошел до такой жизни? Когда-то Пхунён был трудягой, веселым и общительным человеком, но теперь от всего этого не осталось и следа. Он смотрел на людей как на объект пропаганды. Считал их строительным материалом. Одним словом, Пхунён стал неприятным, мерзким человеком. Даже на досуге он прибегал к пропагандистским уловкам и портил всем настроение.

Вообще складывалась какая-то странная ситуация: с одной стороны, слова Пхунёна были правильными, даже очень правильными. Но с другой стороны, они не воспринимались людьми. А наоборот, вызывали отрицательные эмоции.

О бывшем Пхунёне тосковал не я один. Крестьяне, получившие землю во время аграрной реформы, были благодарны ему. Но они никак не могли привыкнуть к столь крутым переменам в жизни, особенно к тем, что касались человеческих отношений. Ухудшались отношения между соседями, родственниками и другими близкими людьми. Жители деревни должны были как-то выживать в условиях сложившейся политической обстановки. Кто-то должен был идти вместе с Пхунёном, а кто-то — против него. Третьего пути попросту не было. В деревне происходило классовое расслоение, породившее вражду и ненависть между односельчанами.

Я открыл глаза и, приподняв голову, через открытую дверь посмотрел на синее море. Непроизвольно усмехнулся, подумав, как быстро изменились судьбы двух людей — Пхунёна и Ёнбёнского Товарища за прошедшие пять лет. А ведь как славно трудились когда-то деревенские мужики на родной земле! Как веселились и наслаждались жизнью…

Со временем, став деревенским активистом, Пхунён все быстрее терял былой облик естественного, доброго парнишки. Он становился совсем другим человеком. А вот выходец из Ёнбёна всегда был пассивным членом общества. В таком состоянии он и был мобилизован в армию. Кстати, во время земельной реформы бесплатно получили свою долю земли и другие новобранцы: человек по прозвищу Батат из Чонпхёна, Ёнхынский Папаша и Ковонский Дядюшка.

Может быть, поэтому они казались самыми жизнерадостными людьми в нашем отряде, прослыв отъявленными возмутителями спокойствия. Особенно отличались Ёнбёнский Товарищ и Но Чжасун из Янъяна. Тогда мне казалось, что, если бы на их месте был Пхунён из нашей деревни, эта роль ему бы очень подошла…

4

Поздним вечером того же дня мы покинули Кочжин и снова отправились в путь. Отряд двигался без особых происшествий, возглавляемый новым проводником. Рядом с ним во главе колонны шел главный начальник. Вслед за ними продвигались первый и пятый взводы. Ночью порядок движения мог быть несколько нарушен. Поэтому заранее, опасаясь воздушной разведки противника, мы двигались двумя широкими рядами, оставив в середине дороги определенное пространство. В этой тревожной обстановке молодые командиры взводов, а также их заместители следили за порядком в своих подразделениях.

Как и в прошлую ночь, наш первый взвод шел в авангарде колонны. Вообще в порядке движения никаких особых изменений не было. Вот только несколько человек из компании Ким Докчина и Ян Гынсока оказались в хвосте взвода. Что касается компании Ёнбёнского Товарища, то они двигались в том же расположении, как и в прошлую ночь, а господин Чо Сынгю шел вплотную за Но Чжасуном.

Как и следовало ожидать, разговор, свидетелем которого я стал после обеда накануне, закончился безрезультатно. Это было закономерно. В нашем отряде не хватало членов партии, чтобы организовать дееспособную партячейку. К тому же через десять дней это подразделение должно быть расформировано — нас присоединят к основному воинскому подразделению.

В этих условиях невозможно было создать партийную ячейку и тем более осуществить какой-либо план силами нескольких возмутителей спокойствия. В нашем отряде находилось более двух сотен здоровых молодых людей, случайно набранных из самых разных мест. А вот настоящего коллектива с общими интересами не было. Этих безвольных людей не интересовали текущие события. Они, как говорится, плыли по течению. Про себя я подумал, что недовольство текущим руководством постепенно исчезнет и вопрос будет закрыт. Я тяжело вздохнул и заставил себя успокоиться.

Тишину теплого летнего вечера нарушало лишь кваканье лягушек на залитом водой рисовом поле. Дорога, по которой шла наша колонна, разделяла поле пополам. Лягушки замолкали при нашем приближении и снова начинали квакать по осторожному сигналу самой старой жабы, как только мы удалялись. Шум стоял такой сильный, что казалось, эти звуки одновременно издают тысячи лягушек. Если бы немного отвлечься от реальности и пофантазировать, можно было представить, что это не кваканье, а громкоголосые реки и горы поют хором.

С наступлением темноты новобранцы уставали и становились вялыми. В некоторых случаях даже отделялись от строя, забывая,

что они идут в общей колонне, а иногда даже посвистывали. Дорога была извилистая, но в вечерних синеватых сумерках можно было увидеть дома, прижавшиеся друг к другу у подножья горы. Дорога проходила через центральную улицу деревни.

В темных двориках своих домов крестьяне разжигали костры из стеблей дикого шпината — для отпугивания комаров. В воздухе чувствовался характерный, чуть едкий, но приятный запах. Деревенские жители — в основном дети, старики и женщины — приветствовали нас молча. Прямо у дороги стоял небольшой коровник. Животные жевали солому и испускали горячий пар. Все коровники одинаковые, но этот был особенно похож на сарай Пхунёна из дома Квандон. Он был точно так же построен в форме буквы «г» и своей узкой стороной упирался прямо в дорогу.

Говорят, что после японско-китайской войны[24] в нашей деревне был такой забавный случай. Однажды летним вечером один японский полицейский с саблей на боку вошел во двор дома Квандон и тут неожиданно прямо носом столкнулся с огромным быком, который неторопливо жевал солому, испуская теплый пар из ноздрей. Японец до смерти испугался и успел только сказать:

— Какого черта ты тут делаешь?!!

Говорят, что после этого случая в деревне еще долго рассказывали анекдоты, главными героями которых были бык и японский полицейский.

Так, например, говорили, что бык никак не отреагировал на возмущение непрошеного гостя и продолжал с аппетитом жевать солому. Более того, он еще и сказал:

— Я в своем доме. А ты-то кто? Зачем явился сюда?

Дело в том, что старший брат хозяина дома Квандон был старостой деревни и всегда готовил какое-нибудь угощение для японского полицейского. Вот почему в тот злополучный день японец и встретился с невежливым быком.

В моей памяти вдруг всплыл Чо Сынгю и слова, сказанные им, когда мы сидели вдвоем на берегу моря в Кочжине. Он тогда говорил:

— Это мое первое впечатление о Северной Корее с того момента, как я впервые прибыл сюда.

Я никак не мог понять, что он хотел этим сказать. Хотя, конечно, исходя из той конкретной обстановки, можно было предположить, что он имел в виду.

Вместе с тем забавным случаем встречи японца с быком во дворе дома Квандон я стал вспоминать и другие события, которые происходили в нашей деревне после освобождения страны. Впрочем, не только я погружался в свои воспоминания. Другие

тоже мыслями уносились далеко отсюда.

Об освобождении страны жители деревни Хёчжудон узнали вечером 15 августа и утром следующего дня. Это случилось благодаря пяти самым влиятельным людям деревни — сорокалетним, слегка подвыпившим мужичкам. Они включили на полную громкость радио в доме для приема гостей, предварительно раскрыв нараспашку все окна и двери.

Они же взяли строительство новой жизни в свои руки. Для этого мой отец собрал в доме для приема гостей самых авторитетных людей нашей деревни. Среди них был и глава дома Пхэппэ — Суён, который после долгого скитания вернулся в родные края из города Ыйчжу (провинция Пхёнбук), как только узнал об освобождении страны. Кстати, в период недолгой оккупации северной территории Национальной армией, он занимал какую-то чиновничью должность. До этого он вместе со старшим братом Пхунёна, бывшим в одно время старостой деревни, болтался в городе Чончжин.

Отец пригласил и главу дома семьи Чанчжаколь — Суголя. Этот человек не нуждался в чужой земле, но в то же время ее было у него не так много, чтобы отдавать другим в аренду. На встречу пришел также глава дома Чольголь — Сонён. Он организовал несколько лет назад Общество молодых людей (и даже купил им горн, в который сам постоянно трубил утром и вечером перед сном, тем самым вызывая смеху односельчан). Не обошлось и без главы дома Витколь — Сэнёна. Он некогда служил в волостном управлении.

Кроме того, в этом собрании принимал участие еще один человек — отец покойного Чунсана из дома Кванголь. Это был троюродный брат моего отца Чан Понин, всегда поднимавший какие-то спорные вопросы. Когда-то он бросил свою мать и единственного сына и уехал в Маньчжурию вместе с официанткой из одного питейного заведения. При этом забрал с собой все документы на право владения землей и домом. Сразу после освобождения страны, промотавшийся, почти нищий, он вернулся в родные края. К этому времени его сын Чунсан в возрасте десяти лет умер от туберкулеза, осталась одна мать. Только мой отец до конца помогал ей ухаживать за умирающим внуком.

Окончательно опустившийся, отец Чунсана не находил себе места в родных краях. Он, пошатываясь, заглядывал то к одним, то к другим соседям. В тот день он пришел в нашу малую гостиную, забился в угол и не вмешивался в разговор присутствующих. Собственно, ему и сказать-то было нечего.

На совещании обсуждался вопрос о строительстве новой деревни Хёнчжудон. Прежде всего было решено упразднить так

называемую территориальную систему управления военного времени, установленную японскими колонизаторами в конце войны. И перейти к старой системе управления, вернув должность руководителя Хёнчжудона прежнему старосте, хозяину дома Квандон. Все сошлись во мнении, что его кандидатура наиболее подходит на этот пост.

Восстановленный в своих правах староста при встрече с бывшим главой деревни благодарил его за нелегкий труд при японском колониальном господстве, формально отдавая дань уважения. Говорил, что, мол, знает, как много тому приходилось волноваться, когда он готовил ужин для японцев. В ответ бывший глава так же вежливо говорил:

— Что вы, другой так же поступил бы на моем месте. Спасибо! Давайте не будем дальше разговаривать на эту тему, не хочется вспоминать неприятное. Надеюсь, что теперь уж дядюшка дома Квандон наведет порядок в нашей деревне.

— Результат нашей совместной работы будет зависеть от желания и от правильной организации.

— Надо начинать с расширения дома местного схода, — предлагал глава семейства Пхэппэ.

— А я думаю иначе. Прежде всего надо организовать общий сбор всех взрослых жителей деревни. С расширением дома можно немного повременить. Тем более что с хозяйственно-управленческими делами у нас хорошо справляется представитель дома Кынсэ.

— Так будет правильно. Надо устроить собрание старейшин деревни. Кажется, такое собрание у нас состоялось где-то в 16-м году Сёва{17}. Помню, в этот год перед наводнением мы заготавливали дрова из сосны и тополя. Тогда в этом помещении было совсем мало молодых людей. Кстати, еще жив дедушка из дома семьи Кильмён. Значит, это происходило в начале лета 16-го года Сёва, — сказал Сэнён, глава дома Витколь.

Затем слово взял глава дома Чольголь — Сонён. Меняя тон разговора, он сказал:

— Да, все верно. Вместе с тем я хотел бы сказать, что надо больше заниматься молодежной проблемой. Это тоже важное дело. В последнее время младший брат хозяина дома собирает своих друзей, и они о чем-то все время толкуют. Поговаривают, племянник главы дома Кильмён под давлением других молодых людей выделил две тысячи пхён земли под футбольное поле около оросительного канала.

— Всё это не так плохо — молодежь должна разумно тратить свою энергию. На то она и молодежь. Но есть еще одна проблема — молодые люди тоже должны принимать участие в работе

общего собрания деревни под руководством старейшин. Старшие не должны устанавливать монополию власти. Молодежь должна участвовать в решении вопросов о жизни деревни.

— Интересно, почему последний сбор старейшин был в 16-м году Сёва и после этого они больше не собирались?

— Это связано с усилением власти японцев и началом Тихоокеанской войны. Они запрещали устраивать собрания. Общая обстановка ухудшалась.

Говорили также о других вещах: о том, что надо уважать предков, о расправе японцев над корейским королем, о приходе советских войск. В частности, некоторые были недовольны тем, что на улицах слишком часто встречаются портреты Сталина в обрамлении сосновых веток. Хотя все бесспорно понимали, что русские являются нашими освободителями…

— Ну, пусть эти разговоры останутся между нами. На этом закончим. Лучше давайте думать о том, как под руководством нового старосты из дома Квандон мы будем решать назревшие проблемы на предстоящем собрании старейшин, — решительно заявил мой отец.

С тех пор прошло несколько дней, и обстановка в деревне сильно изменилась.

Неожиданные перемены в жизни волновали и пугали людей. Еще большую сумятицу вызывало появление на всех улицах портретов доселе совершенно неизвестного чужеземца — Сталина. Казалось, что грядут еще большие перемены и перемены эти будут неприятными. Этих людей можно понять. Из поколения в поколение они жили в своей замкнутой среде по древним законам и обычаям. Вместе с тем некоторые реформы новой власти вселяли определенные надежды в их сердца. Например, значительное уменьшение арендной платы за использование земли[25].

Кроме того, в условиях перемен некоторые бывшие батраки, гнувшие спину на богатых односельчан, постепенно накапливали собственный капитал и превращались в состоятельных торговцев. Раньше на них смотрели как на людей второго сорта, иногда вовсе не обращали внимания. В свое время они, гонимые холодом и голодом, скитались по белому свету, а в последние годы судьба забросила их в деревню Хёнчжудон, где они и стали батраками. Они выполняли самые разнообразные работы: восстанавливали разрушенные стены мельницы, штукатурили их, забивали скот 9 сентября по лунному календарю, когда совершался обряд жертвоприношения горному духу. Батраки убирали мосты во время наводнений, затем восстанавливали их поздней осенью. Они же сторожили колокол у Дома Народного собрания, носили

траурные носилки, а также делали любую другую работу во все времена года. Так они и жили. Иногда — вместе со случайно встретившимися женщинами.

Коммунистическая партия в начале своей деятельности опиралась прежде всего на таких людей. С этим фактом пришлось считаться и бывшим господам, которым предстояло поделиться своим богатством.

Глава дома Квандон стал руководителем деревни благодаря поддержке моего отца. Однако чем больше было классовое расслоение, тем больше ухудшались отношения между ними. Между главой деревни и влиятельными односельчанами стали быстро портиться отношения. В борьбе со своими соперниками глава дома Квандон теперь стал перетягивать на свою сторону представителей других кланов деревни. В это же время руководитель деревни стал называться «председателем сельского народного комитета». Несмотря на все усилия новому руководителю не удавалось стабилизировать жизнь в деревне. Напротив, ситуация всё ухудшалась. Дела шли хуже даже в сравнении с событиями 15 августа 1945 года, когда произошло освобождение страны от японского колониального господства.

Изменения происходили очень быстро. Люди не успевали толком понять, что творится вокруг: у них создавалось противоречивое впечатление об этих внезапных переменах. Конечно, все слышали, что Япония потерпела поражение в войне и что прежние лидеры власти ликвидированы. Но это не помогало понять, почему везде красуется портрет Сталина и непонятные идеологические призывы, а вместо японцев пришли русские. Кроме того, крестьянская беднота никак не могла понять, как можно конфисковать землю у хозяина и безвозмездно передать ее бывшим батракам. Им казалось, что это какой-то бред. Но факты — упрямая вещь. Люди своими глазами видели извещения о проведении земельной реформы, где говорилось о бесплатной передаче земли беднякам. Часами они смотрели на эти объявления, радуясь неожиданному счастью. Но с другой стороны, их настораживала эта неожиданная радость. Между ними происходили такие разговоры:

— Раз земля, на которой я работал, передается мне, значит, она становится моей собственностью. Тогда что будет делать бывший хозяин? Он ведь не отдаст так просто свою землю. Кто решит этот вопрос?

— Какой ты непонятливый человек! На что государство? Оно и решит все вопросы.

— Ты действительно так думаешь? Например, старый хозяин рисового поля в Мёнсари, начальник Юн, так легко расстанется с

ним? Смотри, из-за такого бестолкового разговора ты можешь лишиться арендуемой земли.

— Ой, невозможно с тобой разговаривать. Тебе же объясняют, что государство гарантирует.

— Государство гарантирует… Да где же это видано, чтобы государственная власть применяла свою силу в таких вопросах?

— Но закон есть закон. И раз он принят, значит, он действует, и вопрос окончательно решен.

— Эх, слушая вас, я не верю своим ушам! Выходит, произошло какое-то чудо. Значит, земля, которую я пахал всю жизнь, отныне станет моей собственностью и мне не надо платить арендную плату?

— Эх, беда с этими неграмотными людьми! Этот вопрос будет обсуждать комиссия по земельной реформе, но преимущественное право на землю принадлежит тому, кто ее обрабатывает.

— А что такое это «преимущественное право на землю»?

— Это значит, что этим правом обладает прежде всего тот, кому она принадлежит.

— Ой, нет, не могу понять, не доходит до меня.

— Знаете что, пока особенно не поднимайте шумиху по этому поводу. Потерпите немного.

Вот так спорили мужики по поводу аграрной реформы, искренне желая разобраться в той сложной ситуации.

Между тем реформа постепенно претворялась в жизнь. У помещиков, владеющих более чем 15 000 пхён земли, конфисковали не только землю, но и весь инвентарь, а самих владельцев высылали за 70 ли от прежнего места жительства. Все перевернулось с ног на голову Собственностью хозяев теперь владели бывшие арендаторы.

Излишки земли изымались также у кулаков и крестьян-единоличников, эта земля безвозмездно передавалась другим крестьянским семьям в соответствии с количеством рабочей силы. Для претворения этого замысла в жизнь в деревне была создана комиссия из семи человек. Таким образом, аграрная реформа принимала весьма радикальный характер. Такого никто не ожидал.

Вместе с тем судьбы некоторых бывших хозяев решались не так круто. Например, в какой-то мере благополучно разрешилась судьба богатой влиятельной семьи в деревне — дома семьи Сок. Согласно предписанию, хозяйство этого дома должно было быть конфисковано, а само семейство — выслано за пределы деревни. Родственники настороженно следили за событиями, ожидая окончательного решения судьбы семейства Сок.

В конечном счете этому дому оставили столько земли, сколько могли обработать члены семьи — 1000 пхён рисового поля и 1300 пхён другой земли. Разбросанные в разных местах владения этого дома в 200 000 пхён перешли в руки мелких собственников, в прошлом арендовавших эти земли. Остальная земля была конфискована. Теперь она находилась в распоряжении деревенской власти. Как выяснилось позже, судьба этого помещика решилась довольно благополучно благодаря вмешательству моего отца. Некоторое время спустя в деревне Хёнчжудон был создан специальный Комитет по распределению земли, в который вошло семь человек. Этот земельный комитет, как и все органы управления, по традиции были созданы на собрании совета старейшин деревни. Однако к этому времени в результате борьбы между кланами фактическая власть в деревне перешла в руки старшего брата Пхунёна, представителя дома Квандон. Бывшие старейшины, сорокалетние члены совета, были отстранены от работы. Эти перемены произошли в один момент.

В состав новой Комиссии по распределению земельной собственности вошли два человека лет сорока, двое тридцатилетних, представитель другого клана — Пак Ильсон, двадцатитрехлетний Пхунён и еще один парень — Сучан из дома Кильмён. В составе комиссии не осталось ни одного из прежних членов, кроме одного представителя дома Квандон. Большинство членов земельной комиссии были выходцами из простого народа. Однако особого энтузиазма в своей работе они не проявляли. Казалось, они чего-то опасались или не были уверены в правоте своего дела. Порой некоторые из них даже не являлись на заседания комиссии. Например, был такой случай. Ответственному сотруднику, направленному для того, чтобы следить за работой комиссии, пришлось лично доставлять одного из членов комиссии на заседание. Через всю деревню он шел в красной нарукавной повязке к дому не явившегося на заседание крестьянина… Этим беспечным членом комиссии был представитель дома Кэттуру. Подобная работа была непривычна для него, он был растерян и испуган. Хотя на второе заседание он явился уже довольно бодрым. О нем ходили разные слухи: будто не было у него желания работать в комиссии, и потому, мол, он упрямился или набивал себе цену… Односельчане сочувственно относились к нему, хоть и осуждали за беспринципность.

Также люди много судачили по поводу перераспределения земли. Больше всего жителей деревни интересовало, правда ли, что право на владение землей действительно передадут бывшему арендатору и как будет учитываться количество рабочей силы в семье. При этом каждый, конечно, думал, как бы отхватить

лучшие куски земли, освободившиеся после раскулачивания бывших хозяев и после конфискации излишков у мелких собственников.

В ходе земельной реформы судьбы крупных помещиков сложились по-разному. У одних имущество безоговорочно отбирали. Другие по счастливой случайности не разделили столь суровую участь. Так, родоначальник дома семьи Сок, крупный помещик, не был выслан за пределы места жительства благодаря поддержке ответственного чиновника по имени Ан Саниль. Этот чиновник осуществлял общее руководство над проведением земельной реформы в трех объединенных деревнях. Кстати, за несколько месяцев до освобождения страны он работал под руководством моего отца — был секретарем объединенной сходки трех деревень. Мой отец в то время занимал должность руководителя крестьянского комитета — его рекомендовали на собрании родственники-односельчане. До образования объединенной деревни под названием Сансучжон руководителем моей родной деревни Хёнчжудон был хозяин дома Квандон. Этот дом был хорошо известен как дом старосты.

Между разными группировками происходила ожесточенная борьба за должность руководителя объединенной деревни. Первоначально кандидатом на эту должность был выдвинут крупный помещик из верхней деревни. Его двоюродный брат был начальником волостной канцелярии при японцах до 1945 года. Деревня Хёнчжудон выдвинула свою кандидатуру. В конечном счете победу одержал мой отец.

К тому времени старший брат Пхунёна, хозяин дома Квандон, уже не был старостой деревни. Ему приходилось довольствоваться тем, что по вечерам он готовил угощения для японских офицеров, постоянно наведывающихся к нему.

В трудных условиях перерастания японо-китайской войны в Тихоокеанскую ради относительного благополучия клана Квандон мой отец изо всех сил старался угодить японцам, не испортить отношения с ними. Он вместе с матерью исполнял самые разнообразные обязанности. Так, отец собирал продукты у деревенских жителей, поставлял для нужд японской армии так называемые «трудовые отряды», «женские отряды для поднятия духа японских солдат», организовывал односельчан на различные текущие работы или приготовление ужина для капризных постояльцев… При этом ни одна женщина деревни Хёнчжудон не попала в «отряд для поднятия духа» солдат японской армии.

Следует сказать, что мой отец отнюдь не обладал даром предвидения. В то время у него временно работал секретарем человек по имени Ан Саниль, бывший канцелярский служащий.

Однажды он был обвинен в революционной деятельности и как красный некоторое время отсидел в тюрьме. Это был холостяк старше тридцати. Он носил очки и все время сутулился. Молчаливый и болезненный на вид, он жил вместе с матерью. Ума не приложу, как такой уставший от жизни человек мог заниматься революционной деятельностью. Он всегда был хмурый, никогда не улыбался. Говорили, будто он учился в торговой школе и однажды был исключен из нее. Затем сидел в тюрьме по обвинению в причастности к так называемым клубным событиям в Тхончхоне в 1937 году[26].

Именно этот человек встал во главе проведения земельной реформы в трех объединенных деревнях, включая Хёнчжудон. Кстати, в течение нескольких месяцев до этого он был секретарем правления трех объединенных деревень. Как и раньше, Ан Саниль носил очки с толстыми линзами и сутулился. Но когда он улыбался, становился совсем другим человеком — приветливым и внимательным. Он всегда ходил в красной нарукавной повязке. Поскольку в течение нескольких месяцев он уже был секретарем правления объединенных деревень, он хорошо знал проблемы односельчан, можно сказать, жизнь каждой семьи. Он практически постоянно жил в деревне, когда стал руководить земельной реформой. Иногда ночевал в доме Квандон. И вот однажды мой отец начал с ним откровенный разговор о событиях последнего времени, связанных с проведением аграрной реформы.

— Буду краток. Тем более что суть вопроса вам также хорошо известна. Я хорошо понимаю значение предпринимаемых мер с вашей стороны и поддерживаю их. Это необходимо для строительства новой страны. Как известно, наша семья имела более 10 000 пхён земли, и теперь половину мы отчуждаем в пользу общества. Я нисколько не жалею об этом, говорю искренне. Хотя у нас с вами несколько разные подходы в решении отдельных вопросов, но я в принципе согласен с тем, что для строительства нового государства необходимо не только желание, но и воля к достижению цели. Все делается правильно. Вместе с тем мне хотелось бы высказать некоторые соображения по этому вопросу. Вам хорошо известно, что при наличии общих интересов три объединенные деревни несколько отличаются друг от друга. Эти особенности существуют издавна и довольно устойчивы. Конечно, исходя из классового подхода, можно добиться многого, но все же при этом надо учитывать специфику каждой деревни. Например, в нашей деревне крестьяне смотрят друг на друга не как на бедных или зажиточных людей, а как на родственников, двоюродных или четвероюродных братьев; независимо от

материального положения, между нами очень сильны родственные связи. Вы это знаете не хуже меня. Так вот, согласно предписанию, хозяйство младшего дома семьи Сок должно быть конфисковано, а его глава выселен за пределы 70 ли от прежнего места жительства. Но прошу учесть, до того как стать помещиком, он был родоначальником семейства Сок. Мне кажется, что надо иметь в виду это обстоятельство. Разумеется, в конечном счете вам принимать окончательное решение, но, если можно, прошу учесть и мое мнение. Полагаю, что вы еще не забыли наши добрые отношения в прошлом.

Ан Саниль с пониманием отнесся к просьбе моего отца. К тому же, как уже было сказано, он и сам хорошо разбирался в особенностях местной жизни. В этом смысле жителям трех деревень повезло — владельцы крупной земельной собственности не подверглись жесткой конфискации имущества и не были выселены за пределы родной деревни.

Вместе с тем установление новой власти происходило в условиях острой конкурентной борьбы между различными группировками, в том числе и в моём родном Хёнчжудоне. Бывшего представителя сельского народного комитета, представителя дома Квандон, здесь оттеснили на второй план. Активную борьбу за власть развернули представители других кланов во главе с секретарем партячейки деревни.

Некоторое время спустя по рекомендации хорошо знакомых людей мой отец вступил в партию Народной демократии — Синминдан[27], верховным руководителем которой был Ким Дубон{18}. Собравшиеся после 15 августа у нас в малой гостиной известные люди также придерживались такой политической ориентации. Среди них были главы отдельных домов — Пхэппэ, Чанчжаголь, Витколь, бывшие сорокалетние активисты деревни Хёнчжудон и другие люди. Только представитель дома Квандон придерживался иного мнения.

Вместе с быстротекущими событиями быстро менялись и люди. Вчерашние влиятельные мужи деревни моментально забывали о своем превосходстве над другими людьми.

Что касается моего отца, то после некоторого колебания он не присоединился ни к одной из борющихся сторон.

Политическая обстановка была довольно запутанная, и люди по-разному искали выход из создавшегося положения. Постоянные разговоры о классовой борьбе только раздражали деревенских жителей, порождая взаимную ненависть среди односельчан. В этих условиях несколько человек во главе с моим отцом — Ан Досан, Ли Санчже, Син Чхэхо{19} — вечерами собирались, чтобы узнать новости «с той стороны». Следует

отметить, что если в дни освобождения страны гостиная дома Вэголь была местом сбора наиболее авторитетных людей в Хёнчжудоне, то несколько месяцев спустя она превратилась в логово реакционеров.

Что касается моего отца, то поначалу он поддерживал политику новых властей, в частности земельную реформу. Но потом стал играть двойную игру, обнажая противоречия текущего момента и предсказывая неизвестность будущего. Такая позиция не могла долго удержаться.

Авторитет моего отца, как и прежде, был очень высок в Хёнчжудоне, и местные власти не могли не считаться с этим. Они даже немного опасались его. В этот момент на моего отца поступил донос в городскую парторганизацию. Доносчиком был мой пятиюродный брат Сучан из дома Кильмён. Он был одного возраста с Пхунёном из дома Квандон и в период аграрной реформы стал членом земельной комиссии. Позже по рекомендации Пхунёна он даже вступил в партию и незаметно стал радикальным активистом. Он утверждал, что нужно решительно искоренять феодальные порядки с их «кумовством». Своим зычным голосом он наводил ужас на односельчан. Еще когда он был ребенком, о нем говорили, будто его злой взгляд отталкивает всех, даже близких родственников. Односельчане считали его никудышным типом. И вдруг неожиданно пробил его час. Окончив трех- и четырехмесячные курсы по подготовке кадров, он устроился секретарем в городской суд. Так у него появилась возможность общаться с местными членами партии разного калибра, одновременно сообщая о ситуации в деревне. С тех пор прошло несколько лет.

Среди отступающих на Юг 1 апреля 1951 года были и те, кто получил земельные наделы во время земельной реформы, но все-таки решил покинуть родные места. По их словам, перейти на Юг их вынудил прежде всего Сучан, терпеть которого стало уже невозможно. До поры до времени жители деревни мирились с его дикими выходками, но не у всех хватило сил, чтобы выдержать его произвол. Надо было смириться или сесть в тюрьму. Вот они и решили бежать на Юг. Разумеется, нельзя полностью верить тому, что говорили эти люди, но, полагаю, их слова были недалеки от правды.

Ранней весной 1948 года Компартия и Новая народная партия объединились в Трудовую партию Северной Кореи. Через год младший дом Сок, дом Вэголь и три семейства нашего дома подверглись конфискации и были высланы за пределы Хёнчжудона. Это произошло также по доносу Сучана. К тому времени молодые из дома Сок уже перебрались на Юг, а из

членов семьи остались лишь две старенькие женщины и мой дедушка, который формально являлся старейшиной сходки родственников. В один из этих весенних дней он вынул из старой лакированной деревянной шкатулки все документы и без слов передал их своему старшему брату.

Для человека, который более 70 лет был связан с землей, эта реформа была страшнее, чем удар молнии. Дедушка носил очки для дальнозорких. Когда он получил извещение о конфискации имущества, его руки задрожали, как осиновые листья на ветру, а колени подогнулись. Он даже не обратил никакого внимания на человека, который доставил приказ о конфискации. Лишь сказал единственному сыну, поддерживающему новый режим:

— Почему ты так поступаешь?

Обстановка круто изменилась. Теперь даже Ан Саниль, когда-то руководивший земельной реформой, оказался в числе бывших уважаемых старших. Ими уже не интересовались, их не замечали. Приспосабливаясь к новой обстановке, Ан Саниль переметнулся на сторону парторганизации южного уезда Пхёнган.

В этот день я — ученик старшего класса средней школы — сидел в большой комнате вместе с тетушками. Как мог, я старался убедить их в необходимости происходящих перемен, говорил о благе страны… Затем я вышел по надобности на улицу и случайно за воротами увидел парня крепкого телосложения, стоявшего с винтовкой. Это оказался Пхунён из дома Квандон. Я заметил, что вид у него был очень печальный, даже жалкий. Увидев меня, он смущенно отворачивался. Я был потрясен увиденным, мне даже хотелось приободрить его в тот момент. Вечером того дня я снова и снова вспоминал нашу встречу, а образ Пхунёна все время мелькал перед моими глазами. И это не случайно.

Когда я впервые пошел в первый класс, Пхунён уже переходил в 6-й класс народной школы. Тогда ему было примерно четырнадцать лет. При первой же возможности он всегда помогал нам, младшим ученикам. Когда начинался сезон дождей, в нашей деревне убирали деревянный мостик через реку и переходили её вброд. При сильном наводнении обходили реку через дальние поля. Бывало так, что иногда нас, первоклашек, Пхунён перетаскивал через бушующий поток на своей спине. Я никогда не забуду теплую спину этого заботливого человека, который, видимо, тоже получал большое удовольствие от своего благородного поступка.

Несколько позже я узнал, что в ужасное время, когда зверствовали такие люди, как Сучан, Пхунён некоторое время оставался в тени, не знал, что делать. Но после 1949 года, осенью,

пошел в армию в качестве офицера.

Что касается меня, то я не стал офицером спецотряда в Нансоне и был направлен в резервный батальон — проводить воспитательную работу. Затем вместе с новобранцами этого батальона в качестве заместителя командира взвода добирался до Ульчжина. Я не был произведен в офицеры, потому что являлся всего лишь выпускником средней школы повышенной ступени, а не студентом. Но главная причина, по-видимому, заключалась в том, что кадровая служба бригады узнала о моем социальном происхождении.

Я был удивлен тем, что в сложной обстановке военного времени они так быстро докопались до самого дна моей биографии. Впрочем, у меня были кое-какие предположения на этот счет. Когда нас отправили из Нансона в резервный батальон города Тансалли, мы ненадолго останавливались в строевой части бригады. Здесь я неожиданно встретился с Ан Чжупхилем — лейтенантом, служившим писарем в воинской части. Откровенно говоря, особой радости от этой встречи я не испытал, но для проформы сухо поздоровался. Полагаю, мой знакомый чувствовал то же самое.

Кстати, он не принадлежал к местной родовой общине нашей деревни. В отличие от других, кто также не являлся родственниками местного клана, после долгого скитания на чужбине он не вернулся на родную землю, а поселился в верхней деревне Помяги, где в основном жили родственники по фамилии Ан. Так случилось, что она объединилась с нашей, и он стал жителем объединенной деревни. В последние годы японского колониального господства в Корее по просьбе его матери мой отец устроил его посыльным в канцелярию Ан Саниля. С тех пор я, можно сказать, знал его лучше других. Возможно, лейтенантом, которого в строевой части встретил господин Чо Сынгю, был тот самый Ан Чжупхиль.

Много воды утекло с тех пор, в деревне произошли существенные изменения. Однако эти перемены особо не затронули бедных крестьян, например таких, как Ёнбёнский Товарищ, Ёнхынский Папаша и Ковонский Дядюшка, не коснулись они и человека по прозвищу Батат из Чонпхёна, мунчхонского Камень-картошки и других бедняков. Несмотря на происходящие вокруг перемены, эти люди не расставались со своим старым, привычным укладом жизни. Следует отметить, что в результате аграрной реформы они получили свою долю земли, но в партию так и не вступили.

Если говорить по существу, то первое впечатление господина Чо Сынгю о Северной Корее сложилось, когда он прибыл туда и

увидел всё своими глазами. Мое же сложилось в последние пять лет, когда я сам все видел и испытывал непосредственно на себе. И у господина Чо Сынгю, и у меня данное «впечатление» сложилось в результате знакомства с реальной действительностью этой страны.

Наши впечатления были одинаковы, хотя сложились в разных условиях. Думаю, мое безразличное отношение к выступлениям против командиров со стороны Но Чжасуна из Янъяна, Енбёнского Товарища и других можно объяснить идеологической позицией. Полагаю, что поведение Чо Сынгю в той обстановке объясняется также его разочарованием увиденным.

5

Тем временем, в начале шестого лунного дня, исчезла луна, наступили темные ночи. Казалось, из темного неба звезды пускают вниз острые, как кинжалы, лучи. Высоко в небе висело слегка покосившееся созвездие Большой Медведицы, излучая свой холодный синий цвет.

Словно преследуемые невидимым противником, люди шагали всё быстрее и быстрее. Пока мы шли двумя длинными рядами по разным сторонам дороги, мы могли видеть друг друга и даже различать мрачные лица соседей. Но в кромешной темноте порядок движения был нарушен, все смешалось — ряды исчезли, все устремились к центру дороги. Одним словом, начался такой хаос, что сам чёрт ногу сломит.

Создавалось такое впечатление, что люди куда-то очень спешат, каждый шел сам по себе, изо всех сил стараясь не обращать внимания на других. Те, у кого были длинные ноги, оказались впереди, а солдаты с коротким шагом сильно отставали. В результате полностью расстроились ряды — как впереди, так и сзади. Шедшие впереди командир и гид под напором догоняющей их разъяренной массы вынуждены были также двигаться значительно быстрее. В какой-то момент с ними поравнялись новобранцы, шедшие далеко позади них. Уже невозможно было отличить офицера от рядового, младшего от старшего.

И я вместе с другими также шел быстрее, а иногда почти бежал, догоняя впереди идущих. В тех условиях никто не мог объяснить и показать, что делать, как искать выход из создавшегося положения. Все это напоминало общее хаотическое состояние в стране. Никто не мог объяснить, почему происходит такая неразбериха.

Интересно отметить, что Ёнбёнский Товарищ видел во сне

нечто подобное. Стоя у дороги «на тот свет», вначале он видел сумерки перед заходом солнца. Но когда пошел по этой дороге, все больше натыкался на кромешную темноту. Ему казалось, что в конце концов она приведет только в ад. Он заметил, что спасался как мог, то ускоряя, то замедляя шаги. Люди надеялись, что в конце концов они все же увидят в царстве повелителя мертвых — Ямы — сине-фиолетовый огонек.

Пройдя примерно десять ли в такой суматохе, начальство пришло в себя; был отдан приказ о втором привале. И тут же до смерти уставшие бойцы растянулись на земле кто где. Ночь была темная, но, если сильно постараться, все же можно было увидеть находящихся рядом людей. Здесь было так же темно, как в запертом вагоне в ту ночь, когда мы ехали в Косон. На отдыхе колонны также смешались и превратились в массу неорганизованных людей. Чтобы отделиться от них, начальство расположилось недалеко впереди.

Подул свежий ветерок со стороны моря, которое находилось внизу, за тёмным сосновым бором. Моря не было видно, но можно было догадаться о нем по запаху соленой воды, который вместе с ветерком доносился до нас. Казалось, что и море, и сосновый бор находятся где-то далеко-далеко в бескрайнем пространстве. Никто не хотел нарушать эту тревожную тишину, все оставались на своих местах. Лишь несколько человек пошли к краю дороги, чтобы справить свои естественные потребности.

До местности Муннамни оставалось совсем немного. Те, кто знал дорогу, почему-то шептали на ухо соседям, но на это никто не реагировал. Казалось, этим усталым людям было все равно, где они находятся. Можно было услышать негромкий разговор между главным начальником и проводником колонны. Капитан спрашивал:

— Наверно, прошли около пятидесяти ли?

— Да. Должно быть, даже больше, — ответил проводник. Капитан снова спросил:

— А где будет следующая остановка к утру? Наверно, не доберемся до Сокчхо?

Проводник, чуть помедлив, ответил:

— Пока точно невозможно сказать. На месте будет виднее. В основном, как я полагаю, должно быть так, как вы говорите.

— Значит, до Сокчхо еще далековато, — пробормотал капитан. Снова наступила гнетущая тишина.

Чуть позже остальные тоже подошли к обочине дороги — им также хотелось освободиться. Глядя на эту картину, капитан, как бы подчеркивая свою заботу о людях, бормотал, что так разумнее, чем терпеть. Мне стало противно смотреть на эту физиономию, и

я тихонько усмехнулся.

В этот момент раздался голос находившегося рядом командира первого взвода:

— Товарищ главный начальник отряда, посмотрите, пожалуйста, вон туда. Кажется, там светит какой-то огонек явно не от человеческого жилья. Что это за чудо в такую глубокую ночь?

— Да, я вижу сверкающие огоньки, но не похоже, что там люди живут, — сказал начальник, медленно поднимаясь с места.

Это явление привлекло внимание уже и других людей. Можно было даже и не вставать — все равно хорошо было видно. За невысоким холмом, покрытым густой растительностью, на узкой равнине, недалеко от подножия горы, мерцали огоньки. В темноте невозможно было точно определить расстояние, но огоньки находились на расстоянии около двух километров. При внимательном наблюдении оказалось, что это факелы, сделанные из сосновых веток, обмотанных ватой. Горели они очень ярко, и вокруг них суетились и шумели люди.

Откровенно говоря, было даже немного страшновато смотреть на это необычное зрелище глубокой ночью в незнакомом месте. Сразу подумалось, что это какой-то местный обряд жертвоприношения. Но такое было невозможно в разгар войны. Тогда что это за огни? Что делают люди в такую глубокую ночь?

Удивленные солдаты и офицеры молча продолжали смотреть на это зрелище. Вдруг один из них нарушил тишину:

— Да это люди ремонтируют железнодорожный мост, разрушенный при бомбежке. Дело в том, что днем невозможно работать из-за авианалетов.

Все согласились и закивали головами. Именно в этом месте мост был разрушен, поэтому в позапрошлую ночь наш поезд не дошел до Янъяна, остановившись в Косоне. Действительно, в ту ночь жители близлежащих районов на скорую руку восстанавливали мост. Потому горели факелы и были слышны крики.

Начальник колонны спросил проводника, что делать дальше, как идти. Тот ответил, что рядом с железнодорожным мостом имеется и пешеходный мост, который не подвергся нападению.

На это капитан с досадой ответил, что если отряд будет проходить через указанное место, то его могут обнаружить. Подумав, что проводник не совсем его понимает, он грубовато уточнил свой вопрос:

— А нельзя ли обойти это место и идти другим путем?

Теперь проводник понял начальника и ответил, что к морю

можно пройти другим путем — по узкой тропинке вдоль поля. При этом он добавил, что в этом случае придется терпеть многие неудобства, так как путь будет лежать не через проторенную дорогу. В ответ капитан долго и нудно говорил:

— Это не проблема. Пройдем и по тропинке. Впрочем, что думают на этот счет командиры взводов? Как вы относитесь к моему мнению? Высказывайтесь. Конечно, бывает так, что мы вынуждены обнаруживать себя. Но без особой надобности, полагаю, нет необходимости раскрывать наш ночной марш. Если даже не брать во внимание секретность нашего перехода, подумайте, как на нас посмотрят эти работающие люди? Какое впечатление сложится у них о нас? Тем более что есть возможность не показываться им и идти другим, более коротким путем. Таково мое мнение. Подумайте, товарищи командиры взводов!

Хотя он формально поставил вопрос на обсуждение, офицеры не были готовы к такому разговору, поэтому они мямлили, не зная, что сказать. Между тем капитан продолжал настаивать на своем. Он утверждал, что, обнаружив себя, наш отряд подорвет боевой дух людей, что мы дадим реакционерам лишний повод для всяких сплетен и окажем отрицательное влияние на эффективность труда людей, восстанавливающих мост.

— Вы правильно говорите, — кое-как выдавил из себя один из командиров взвода.

И тут же вслед раздался недовольный голос человека по прозвищу Батат из Чонпхёна:

— Что за вздор! Это что, детские игры? — Затем, громко обращаясь к главному начальнику, он сказал:

— Товарищ командир, о чем вы говорите? Так вы думаете о народе? Вы утверждаете, что в данной обстановке нам нельзя показываться людям? Это несерьезно! Давайте прекратим этот пустой разговор и пойдем к тем трудягам. Если понадобится помощь, то поможем, ну а если нет — продолжим свой путь. Так будет верно!

Стало совсем тихо, как будто мы все вдруг оказались под водой. События разворачивались неожиданно и быстро, многие не успели опомниться. В этот момент кто-то из присутствующих тихо сказал:

— Я тоже так думаю: надо идти своей дорогой, и нечего еще что-то придумывать!

Всякие уловки рано или поздно обязательно будут обнаружены. Обман не пройдет. Нужно делать так, как положено. Конечно, мы не знаем во всех подробностях, что думают народные массы, но чутьё подсказывает нам, о чем размышляют

наши руководители. И тут человек по прозвищу Камень-картошка из Мунчхона лукаво сказал:

— Давайте пойдем туда. Посмотрим, что там происходит. Если понадобится помощь — поможем. Если нет — организуем веселую гулянку и как следует отдохнем. Как раз завтра июльский праздник Чильсок[28]. Посмотрите на великий Млечный Путь. Все вороны и сороки летят туда. На противоположных сторонах его находятся Волопас и Ткачиха-Вега. Разве вы не видите мчащуюся золотую карету? Там сейчас начнется веселое гулянье. Давайте и мы присоединимся!

В поддержку своего приятеля Батат сказал:

— И одиноко страдающий дикий голубь, у которого умерли жена и зять, живущий теперь вместе с дочерью-вдовой, не может долететь туда. Поэтому, как видите, плетется за нами.

Тут же Камень-картошка, словно приставив острый нож к горлу капитана, грозно заявил:

— Ну, товарищ главный начальник, что вы будете делать? Принимайте решение!

На этот раз последовала довольно быстрая реакция со стороны офицеров. Точнее говоря, и там поняли, что командир отряда пытается обмануть всех.

Кто-то громко сказал:

— Это товарищи абсолютно правы! Мы, как совы, прячемся ото всех. Подумайте о нашем душевном состоянии…

— Правильно! — крикнул кто-то, поддерживая своего товарища. Голоса возмущения становились все громче. В такой сложной обстановке, конечно же, не было никакого обсуждения вопроса, поднятого главным начальником марша, а его слова повисли в воздухе.

В то время, когда происходили эти события, вслед за колонной шли четыре-пять человек. Все были удивлены тем, что в такую темную ночь какие-то люди шли за нами. Но вскоре все выяснилось, когда прозвучал недовольный голос Ёнбёнского Товарища:

— Какого черта вы плететесь сзади, никак не догоните нас? Если даже суждено умереть, то смерть надо встречать с достоинством. В обычное время воображают себя порядочными людьми, а тут словно обезумели… Почему так ненормально ведете себя?

Чуть раньше я почувствовал, что в колонне не все ладно, чего-то не хватает. Но чего именно — никак не мог осознать до конца… Лишь позже до меня дошло. Если бы Ёнбёнский Товарищ находился среди нас, то колонна не была бы в столь плачевном состоянии. Не падали бы дисциплина и моральный дух людей,

главный начальник не вел бы себя так по-хамски. Но Чжасун уже знал, что эта история закончится плохо. Он как будто шептал о чем-то, и вид у него был тревожный.

Хотя Ёнхынский Папаша, Ковонский Дядюшка, а также Ким Сокчо и еще двое оказались вместе, атмосфера была натянутая. Ёнхынский Папаша, как бы поддерживая разговор, начатый Ёнбёнским Товарищем, сказал:

— У этих товарищей совсем нет чувства собственного достоинства. В такую прекрасную ночь, пока мы преодолеваем триста ли от Косона до Канына вдоль берега Восточного моря, надо любоваться красивой природой. Если не теперь, то когда еще представится возможность пройтись по побережью нашей Кореи в такую тихую темную ночь?

В разговор вмешался Ковонский Дядюшка:

— Вижу, вы любите природу. Но что можно увидеть в такой темноте? К тому же в сегодняшней обстановке не до любования природой!

— Как раз именно сейчас лучше заметна красота. Неужели вы действительно ничего не замечаете? — лукаво заметил Ёнхынский Папаша и тут же добавил:

— Товарищ Дядя из Ковона, вы действительно ничего не видите? Это странно. Вы до сих пор не знаете о том, что если глазами невозможно увидеть, то люди смотрят либо ушами, либо чувствуют запахи, если «уши не видят»? В вашем возрасте это должно быть известно.

Почти в это же время, тяжело вздохнув, капитан сказал:

— Командиры взводов, отныне будьте внимательны. Я не знаю, с какого они взвода, но появились «перевертыши». Сделайте так, чтобы подобные случаи больше не повторялись!

В это время Но Чжасун, стоящий впереди людей, только что слившихся с командой, отталкивая других, пробивался сквозь толпу. Окружающие почувствовали что-то неладное и уступили ему дорогу. Он подошел к главному начальнику и негромко сказал:

— Именно так. Вы правы! Надо сделать так, чтобы дальше этого не было. Однако предупреждением здесь не обойтись. В данном случае необходим наглядный урок. Вы поняли, о чем идет речь? Вы вступили в сговор с этими двумя людьми и помогли им бежать! Вы заранее знали и промолчали. Таким образом, выходит, что были заодно с ними.

Ошеломленный капитан быстро поднимался с места, а Ким Докчин из Хамхына и Ян Гынсок из Яндока пятились назад в сторону Ким Сокчо, у которого в одной руке был пистолет. Но Чжасун быстро схватил за плечи капитана и посадил его на место.

Затем довольно резко сказал:

— Сидеть! Куда рвешься? А ну, сядьте-ка рядом. Ты больше не начальник, а преступник. Скажи всю правду, а меру наказания мы тебе сами придумаем. Задумал осуществить свой гнусный план за десять дней и не оставить никаких следов? Решил нас превратить в пушечное мясо, в жертв авианалета на передовой линии фронта и спасти собственную шкуру? Гнусный план!

В этот драматический момент люди окружили капитана, Ким Докчина и Ян Гынсока. Хоть и было темно, можно было разглядеть их жалкий вид. С трудом выдавливая из себя слова, капитан сказал:

— Нет! Это всего лишь ваши догадки. Или это клевета с их стороны! Чтобы выжить, они потянули меня за собой. Справедливости ради признаю, что у вас были основания для подозрений по отношению ко мне.

— Если так, то говори, какие это основания. Скажи прямо.

— Недавно днем была выпивка. Эти двое отдали деньги командиру 5-го взвода Ко Ёнгуку и вместе с ним все организовали. Можно сказать, что я так поступил под его влиянием.

— А когда позапрошлой ночью вы, офицеры, устроили пьянку в вагоне на пути в Косон, это тоже было делом рук командира 5-го взвода? Заранее запаслись водкой на станции Анбён, не так ли?

— Считайте, что все так и было. Тогда эти двое снабдили деньгами и действовали заодно с командиром 5-го взвода. К другим делам я не имею никакого отношения.

— Говоришь, что больше ничего не знал. Однако же водку-то вы пили вместе. Ты жалкий трус! Значит, решил, что раз к другим делам больше не причастен, то меньше виноват, чем другие. Забыл, наверно, что являешься общим руководителем этих двухсот новобранцев. Где твоя ответственность?

В довершение был вызван лейтенант Ко Ёнгук. Не задумываясь, он сразу дал по пощечине Ким Докчину и Ян Гынсоку. Вел себя как-то неофициально, что-то бурчал себе под нос. Создавалось впечатление, что он находится на пхеньянской фабрике по изготовлению соевого творога тофу. Одним словом, Ко Ёнгук вел себя чересчур вольно, гневно говоря двум своим сообщникам:

— Вы, уроды несчастные, коли задумали удрать, то надо было это сделать как следует! К тому же зачем втягивать других?

Его несколько шутливая манера говорить с людьми помогла немного разрядить напряженную обстановку, чреватую серьезными последствиями. Обращаясь к Но Чжасуну, он быстро

сказал:

— Товарищ, пожалуйста, послушайте меня. Если говорить честно, то да, через этих двух товарищей мы достали водку на станции Анбён. На станции Кочжин попойку офицеров организовали они же, вернее, эти «сынки от гулящих девиц». Кроме того, наш начальник говорит правду — именно я среди офицеров был заводилой. Однако мы не знали об отлучке этих двух типов. Поэтому ни о каком сговоре с этими нарушителями дисциплины не может быть и речи! Кстати, если кто-то хотел дезертировать, то он мог бы это сделать совершенно спокойно, незаметно, и никто этого не заметил бы. Еще раз хочу отметить, что никакого сговора не было.

На первый взгляд его слова казались правдоподобными, но элементы раскаяния в его речи и бегающие глаза по-прежнему вызывали подозрение. Лейтенант Ко всячески стремился показать, что это событие не имеет особого значения, чтобы обращать на него столь серьезное внимание.

А случилось вот что. Человек из Хамхына Ким Докчин и Ян Гынсок из Яндока незаметно покинули отряд. Их обнаружили идущие в конце колонны Но Чжасун и люди из группы Ёнбёнского Товарища. Если учитывать обстановку в колонне в целом, то, возможно, не стоило бы обращать внимание на это событие, которое могло происходить в какие-то десять минут. Однако дела обстояли иначе. Если бы речь шла о других людях, то, может быть, это событие не имело бы такого резонанса. Но это были Ким Докчин и Ян Гынсок, поэтому оно вызвало такой интерес. Хотя «офицерские попойки» происходили два дня назад, эти их деяния запомнились и породили негативные последствия.

— Коли так, то выскажите свое офицерское мнение. Что будем делать с этими двумя?

Можно было заметить, что Но Чжасун говорил несколько смягченным тоном, желая показать, что он готов к обсуждению вопроса. Воспользовавшись моментом, младший лейтенант Ко Ёнгук задал встречный вопрос:

— Но прежде у меня есть к вам вопрос: вы член партии?

После небольшой паузы Но Чжасун ответил, что да. Ко Ёнгук продолжал:

— Позвольте еще кое-что выяснить: вы как член партии официально выполняете эту работу по поручению парткома бригады?

— Вам необязательно знать. Это внутреннее дело партии! — отрезал Но Чжасун.

— Да, конечно, — бормотал Ко Ёнгук, кивая головой.

Действительно, с момента пребывания в резервном батальоне

в Тансалли Но Чжасун выполнял эту работу по заданию партийных органов и должен был продолжать ее до прибытия нашего отряда в Ульчжин. Чтобы не выдавать себя, пистолет он носил скрытно. По прибытии в Ульчжин он доложил парткому местного подразделения о состоянии прибывшего отряда и по указанию сверху продолжал работать уже на новом месте. Об этом я узнал позже, во время отступления, от него самого. До этого я даже предположить не мог, что он выполняет такую миссию. Думал о нем только как о великодушном члене партии.

Вдруг прогремел выстрел. Главный начальник упал ничком. Затем раздались еще шесть выстрелов. Ким Докчин и Ян Гынсок без крика о помощи упали лицом вниз. Все это произошло мгновенно. А после наступила мертвая тишина, лишь издалека доносились звуки бушующих волн. Прошло еще немного времени. Ким Сокчо яростно закричал:

— Товарищ Чо, товарищ Чо Сынгю, выходи сюда! Ты же жил вместе с ними в одной комнате и всё знал! Знал, что собираются удирать эти трусы. Но смотрел на это равнодушно, ничего не предпринимая. Убью тебя своими руками! Выходи, Чо Сынгю!

С трудом поднявшись с места, Чо пошел вперед, словно по скользкому льду. Он был похож скорее на призрак, а не на человека. Когда Чо Сынгю подошел к роковому месту, где должна была решаться его судьба, Но Чжасун быстрым движением руки отобрал пистолет у Ким Сокчо. Раздался еще один выстрел. Ким Сокчо уже и не думал стрелять. Он тупо посмотрел на катающегося по земле Чо Сынгю и спросил:

— Сам-то ты знаешь место своей смерти?

Я находился рядом и все слышал. Это Ёнбёнский Товарищ сказал Ким Сокчо стрелять. После того как он шепнул на ухо Ким Сокчо, прогремел выстрел. Ёнбёнский Товарищ считал, что медлить больше нельзя, что порядок можно восстановить только путем расстрела. Он рассуждал, что в той ситуации нет иного выхода. То, что младший лейтенант Чо Сынгю остался жив, — чистая случайность.

Кое-как мы похоронили троих расстрелянных и снова отправились в путь. Прохладная ночь опускалась на равнину у подножия горы.

Глава 5
Южане, северяне

1

КРАТКО О ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ

Впервые я встретил военного полицейского в начале октября 1950 года в Янъяне, в провинции Канвондо. Тогда же я впервые в жизни увидел нарукавную повязку со словами «военная полиция», которые были написаны четкими крупными буквами на белом фоне. Она хорошо гармонировала с цветными солнечными очками и опрятной формой цвета хаки. Вид у полицейского был свежий, а хорошо подогнанная форма подчеркивала его стройную фигуру. Можно сказать, что это была моя первая встреча с Республикой Корея. Мне было девятнадцать лет. Меня передали янъянской военной полиции, прибывшей к тому времени на Север, два молодых человека, похожие на руководителей местной ячейки Трудовой партии Кореи. Эти люди были одеты в ватные брюки и куртки оранжевого цвета с какими-то нарукавными знаками. Полагаю, они служили в отряде охраны общественной безопасности и порядка.

Меня привели в узкую комнату со старым деревянным полом, которая находилась в двухэтажном доме европейского типа. Вероятно, раньше это здание использовалось как место для проведения общественных мероприятий.

Передо мной предстал статный военный полицейский. Начался допрос. На первый взгляд он был не похож ни на северо-, ни на южнокорейского полицейского. Он скорее походил на подростка и не внушал никакого страха. Прежде всего спросил:

— Откуда ты прибыл?

— Возвращаюсь из Народной армии, — ответил я.

— Где проживаешь?

— В Вонсане.

— Чем занимался до призыва в Народную армию?

— Учился в старшем классе средней школы повышенной ступени.

— Оружие есть?

— Нет. При отступлении мы бросили его.

— Все вместе?

— Да. Каждый бросил свое оружие.

— Куда делись все эти люди? — спросил он, едва сдерживая улыбку.

— Все разбежались по лесу.

— Пойди и принеси автомат. Иначе умрешь. Все свои вещи выкладывай сюда.

Мне показалось, что это не допрос, а неофициальный разговор. Я почувствовал, что мой собеседник мягкий и приятный человек. Мне показалось, что такому интеллигентному человеку не совсем подходит должность военного полицейского. Создавалось впечатление, что он только по долгу службы вынужден выполнять порученное ему дело. Несмотря на солидный вид и блестящий мундир, он казался доброжелательным человеком. Его манера поведения была естественной. Выражение лица как будто говорило, что приказ сверху надо выполнять и он обязан это делать, но в то же время, казалось, он недоумевал, почему мы оказались в столь сложном положении. Как соотечественники — два корейца — могут не понимать друг друга? Кто породил такое несчастье? Другими словами, было видно: как кореец, лично не имеющий прямого отношения к развязыванию войны, он имел свое собственное мнение. В душе этого человека в блестящем мундире с нарукавной повязкой и в солнечных очках таилось истинное чаяние корейца, независимо от того, где он живет — на Севере или на Юге.

Кстати, в политуправлении Народной армии, где занимаются подобной работой, трудно найти военнослужащего с собственными независимыми суждениями. Хотя мой собеседник носил мундир полицейского, но в душе еще оставался студентом. Сам он не скрывал этого.

Мое впечатление о нем как о человеке с доброжелательным и мягким характером сложилось не случайно. Совсем недавно он говорил мне, что если я не принесу оставленный мной в лесу автомат, то мне не жить на этом свете. Однако мне показалось, что вскоре он забыл про эти слова. Он был совсем не строгим и не внушал страха. Он постоянно повторял: «не могу понять, что происходит».

Я вытаскивал из кармана одну вещь за другой и выкладывал на старый стол. Содержимое моих карманов было небогатым: ложка, железный стакан, записная книжка. Взгляд полицейского прежде всего упал на записную книжку. Он взял ее и стал медленно листать, обращая внимание на самые существенные места. Быстро взглянув на меня, он стал бегло читать некоторые строчки. Я внимательно следил за выражением лица моего собеседника.

Про себя я подумал, что если ему двадцать два или двадцать три года, то он старше меня всего на три или четыре года. Судя по тому, как он интересуется содержанием записной книжки, он наверняка студент. «Значит, когда я учился в средней школе, он учился в университете на юге страны», — промелькнула у меня мысль.

Так состоялась встреча двух молодых людей в то непростое время. Сначала это была встреча пленного и дознавателя, а затем учащихся с Юга и с Севера.

Что касается записной книжки, которую бегло читал мой собеседник, она была сделана из страниц Библии, случайно оказавшейся в нашем доме. Я сделал ее утром в начале июля, когда получил повестку о мобилизации. Прежде чем сделать записную книжку, я, обливаясь потом, усердно вырезал для нее перочинным ножом черную кожаную обложку. В эту записную книжку я день за днем в течение трех месяцев почерком, похожим на кунжутное семя, записывал обрывки своих мыслей. Так я впервые в жизни, отправляясь в неведомый путь, не зная, выживу или нет, завел дневник. Возможно, это объясняется тем, что в глубине моей души была мысль заняться литературной деятельностью.

Собеседник закурил папиросу, а лицо стало вроде добрее. Мягким голосом он неожиданно спросил:

— Увлекаешься литературой?

Сердце у меня забилось чаще, когда я услышал эти слова. Я почувствовал сильный прилив крови по всему телу. Мне показалось, что как будто я встретился с самим спасителем.

— Да, увлекаюсь. Поэтому перед уходом из дома и сделал эту записную книжку из Библии.

— Значит, сделал записную книжку как писатель… — После небольшой паузы, подумав, он спросил:

— Веришь в Бога?

— Нет, — ответил я.

— Стало быть, поэтому ножом вырвал кожаную обложку Библии… — При этом он слегка покачал головой.

— А каких писателей любишь?

— Люблю русских писателей XIX века — Толстого и Чехова. Особенно мне нравится Чехов.

Вдруг мой собеседник с небольшим чувством раздражения стал гасить папиросу о край стола, как будто хотел сказать: «Хватит! Почему я веду с этим малым такой разговор? Разве сейчас время для разговора о Толстом или о Чехове?»

Я заметил, что он явно хочет поменять тему разговора. В этот миг из записной книжки выпала фотокарточка, он согнулся и

поднял ее с пола.

— Кто это?

— Мой друг, с которым я сфотографировался 30 июля сего года.

— Выглядите довольно бодро, — сказал он и слегка улыбнулся.

Это была фотография моего друга детства Чхве Чжинмана.

В тот вечер мы с ним два раза обошли тихую плотину. При нашей встрече он обычно говорил больше, чем я. И он, как бы по секрету, сообщил мне, что по токийскому радио слышал, будто с сегодняшнего дня будут задействованы войска ООН и ситуация ухудшается…

Его отец работал извозчиком, поэтому рядом с их домом всегда был привязан крупный вол и пахло пометом. Возможно, как наемный работник, отец был членом партии, но Чхве Чжинман и его старая мать были примерными пресвитерианами. В то время я догадывался, как мучился Чхве Чжинман в поисках ответа на вопрос: быть верующим или нет? Он был старше меня на год и лучше разбирался в литературе и в жизни.

Когда он сообщил мне, что с сегодняшнего дня войска ООН примут непосредственное участие в войне, я, откровенно говоря, отнесся к этой новости равнодушно. А он продолжал:

— Рано или поздно мы тоже будем мобилизованы. Я пойду в армию. Как молодые люди своей страны мы должны служить Родине — поступить иначе будет преступлением. Давай-ка сфотографируемся на память. Когда-нибудь вспомним сегодняшний день. Идем в фотоателье, в то, что рядом со школой Ендон!

Мы пошли туда и сфотографировались. Через пять дней снимки должны были быть готовы. Однако в тот же день после обеда началась страшная бомбежка. Через три дня Чхве Чжинман был мобилизован, поэтому фото получил я. Через семь дней и я тоже ушел в армию. Я положил фото друга в записную книжку и покинул родной дом.

Запинаясь, я сказал, что мой друг очень любит французскую живопись. Поэтому он даже сам скопировал автопортрет Родена и повесил его в своей комнате.

Полицейский снова сел напротив. Он пристально смотрел на меня, по-прежнему излучая добродушие. Незаметно создалась необычная ситуация, отнюдь не похожая на допрос пленного. Казалось, будто полицейский старается выполнить свои обязанности, но напротив него сидит обычный собеседник, непонятно почему называемый «пленным».

И вот случилось нечто неожиданное. Случайное упоминание

Чехова, Толстого и Родена нас настолько сблизило, что мы перешли на неофициальный тон разговора. Надо сказать, что все это произошло совершенно естественно. Полицейский, поднимаясь с места, протянул мне записную книжку с листом бумаги. Уходя, сказал негромко:

— В общих чертах напиши свой адрес, фамилию и имя, образование, название воинской части и сведения о своей службе.

Мне было слышно, как он спускался по скрипучим лестничным маршам. Вот и все. Больше я его не видел. Я рассовал по карманам ложку, кружку и записную книжку.

Через тридцать минут меня доставили в полицейский участок Яньяна. Вот так произошла моя первая встреча с человеком в полицейской форме. Точнее, это была первая моя встреча с Республикой Корея. Надо сказать, что встреча эта произвела на меня неплохое впечатление. Особенно по сравнению с тем, что я сам испытывал и видел в течение пяти последних лет, находясь в условиях политической системы Северной Кореи, где о демократии никто не имел ни малейшего представления. Там, где небольшая группа образованных товарищей постоянно вдалбливает в головы людей так называемое народное сознание. А на Юге жили свободные люди, которые самостоятельно, по собственной воле, строили свою жизнь, несмотря на многочисленные трудности. Правда, военные носили форму цвета хаки и солнцезащитные очки, но это не мешало им быть свободными и решать свои проблемы собственными силами по своему разумению.

Даже военный полицейский, несмотря на специфическую должность, сохранял студенческую непосредственность, простоту и человечность — черты, свойственные корейцу. Он не манипулировал понятием «сознательность», как это часто делали большевики и их сторонники в Северной Корее для обмана народных масс и достижения своих целей. Мне, прожившему последние пять лет в условиях северокорейского режима, трудно было поверить в такие человеческие качества.

В полицейском участке Янъяна уже находилось пять-шесть человек, которых доставили до меня. Двое из них были в форме Народной армии, а еще один — в белых штанах из однослойной ткани и в куртке. Вид у всех был одинаково угрюмый и печальный. Я подсел к человеку в брюках и куртке — у него была более-менее нормальная физиономия — и тихим голосом спросил:

— Ты из ополченцев?

— Да, — ответил он.

— В какой части служил?

— Да какая там часть! Я всего лишь четыре дня назад покинул дом.

— Откуда?

— Из деревни около Самчхока.

— Тогда почему ты не вернулся домой и оказался здесь?

— А дело было так. Шел я домой по шоссе. Тут меня настиг грузовик с солдатами южнокорейской армии. Они спросили, куда я иду. Ответил, что иду домой после службы в Добровольческой армии. Они посадили меня в грузовик и привезли сюда, в полицейский участок.

— А почему ты шел по большой дороге?

— Я не знал другой.

— Ну, ты хоть числился в какой-нибудь части?

— Нет. Даже винтовку не видел. Прошло всего четыре дня с тех пор, как я ушел из дома.

— До какого пункта вы дошли вместе с народными ополченцами?

— Мы собрались в Самчхоке, а затем добрались до Каннына.

Мне показалось, что во время продвижения южнокорейской армии на Север он просто оторвался от ополченцев.

— А куда делись те, кто вместе покидали Самчхок? Вроде должны быть вместе.

— Я и сам не понимаю, как оказался в таком положении.

Мой собеседник был небольшого роста. У него было маленькое лицо и привычка постоянно ковырять в носу. Хоть и был он на вид неказистым, но оказался открытым и живым малым. Он производил противоречивое впечатление, поэтому не так просто было определить, что он за человек.

— А дома ты чем занимался?

— Я помогал отцу крестьянствовать. Однако наш участок земли был таким маленьким, что помощь особенно и не нужна была. Урожая на пропитание не хватало. Все равно, как единственный сын, я должен быстрее вернуться домой.

Собственно, я начал с ним разговор, потому что он, как и я, был одет в брюки, сшитые из одного слоя ткани.

Пройдя во время отступления горный хребет Тхэбэксан, я встретил товарища Но Чжасуна в горах Одэсан около храма Вольчжонса. Вместе с ним я дошел от Вонсана до Ульчжина и там был зачислен в 249-ю воинскую часть. Полагаю, что наша встреча в ту ночь была не случайной. При отступлении из Ульчжина командир бригады приказал, чтобы все до единого собрались в ущелье Инчже. Решение, принятое в храме Вольчжонса, стало судьбоносным. Вопрос стоял так: либо по приказу комбрига идти на запад, в сторону Инчже, либо двигаться в сторону Янъяна, до

Восточного моря или на северо-восток. Для меня вопрос был ясен — надо идти в северо-восточном направлении, чтобы быстрее добраться до дома. Южнокорейская армия быстро продвигалась по шоссейной дороге вдоль побережья Восточного моря на Север. В этих условиях не было никакого смысла находиться в ущелье Инчже. Это было очевидно. Спустя двадцать лет я случайно встретил одного южнокорейского солдата, который участвовал в том инчженском бою. Он рассказывал, что северокорейские войска, оказавшиеся в ущелье, были полностью уничтожены объединенными силами американских и южнокорейских войск. Это произошло весной 1951 года. О последствиях такого приказа можно было догадаться заранее. Однако если бы, вопреки приказу комбрига, личный состав, допустим, решил бы идти в северо-восточном направлении, то надо было, как минимум, хорошо знать дорогу в лесной чащобе. Конечно, можно было сориентироваться по Полярной звезде, но в дремучем лесу этого было мало, чтобы двигаться по столь непростому маршруту.

В той сложной обстановке в храме Вольчжонса я и встретил среди ночи благородного человека с Юга по имени Но Чжасун. Он был родом из Янъяна, поэтому более или менее знал эти места. Он сказал, что надо добраться до холмов, тогда можно будет идти дальше. Месяц назад, когда мы вместе двигались на Юг, он говорил, что некоторое время работал секретарем партячейки, будучи рабочим на предприятии по добыче железной руды.

Была чудная звездная ночь. Мы зажгли костер из сухих веток и всю ночь вели задушевные беседы и делились своими мыслями. Он хотел как можно скорее увидеть своих престарелых родителей и жену. И у меня тоже было желание скорее добраться до своего дома. Для этого надо было идти не в сторону Инчже, а по горным цепям Тхэбэксана двигаться к местности Янъян, куда направлялся мой собеседник. Другого выхода не было, и я решил идти вместе с ним. Тогда нам было не до «сознательности», мы думали только о выживании. Два дня мы шли от Одэсана до горной местности Сурисан, что находится около Янъяна, по красивым горным тропам, за два дня преодолев более 100 ли. И сейчас я вспоминаю эту прекрасную дорогу.

На пути мы прятались от дождя под большими скалами в течение трех дней. На четвертый день ночью Но Чжасун пошел домой. Пробыв дома один день, рано утром он вернулся ко мне с двумя комплектами крестьянской одежды; принес также сладости из клейкого риса — «инчжольми». Еще накануне мы заметили улей диких пчел. Собрали мед и вдоволь наелись им и рисовыми колобками. Затем мы расстались в лесу, даже не договорившись о возможной встрече в будущем…

Расставаясь, Но Чжасун сказал:

— Говорят, что южнокорейские войска отправляют домой тех, кто возвращается из Народной армии. Если ты скажешь, что был мобилизован в армию насильно, как и другие учащиеся средней школы, то тебя отпустят. Если пойдешь по течению реки, окажешься в Янъяне. Поезжай на грузовике. Да, послушай — твоя форма Народной армии выглядит уж очень убого. Возьми эту одежду и надень. Ее летом носил и отец, и я, иногда даже моя мать.

— К сожалению, я сейчас не могу возвращаться домой. Так сложились обстоятельства. Моя деятельность в прошлом ничего хорошего мне не сулит. Пойду на Юг, в Каннын, Самчхок и поработаю какое-то время разнорабочим. Я ведь как член партии много чего натворил в родных местах. Я об этом и жене рассказал.

Попрощавшись с товарищем Но Чжасуном, я, посвистывая, шел по горной долине. Затем наткнулся в одном месте на южнокорейские войска, которые двигались на Север. В крестьянской одежде я попал в руки двух статных молодых людей с нарукавными повязками, возможно, из отряда охраны общественного порядка.

Уже в грузовике на шоссейной дороге я откровенно сказал солдатам, что возвращаюсь домой после службы в рядах народного ополчения. Один из них, как бы одобряя мою откровенность, спросил, школьник ли я. При этом он назвал меня словом «товарищ», как принято в Северной Корее.

— Да, учащийся средней школы повышенной ступени, — ответил я ему.

— Значит, ты, как и мой сын Сеён. Хорошо бы, чтобы он тоже вернулся домой с поля боя. Следуй домой этой же дорогой, она пролегает далеко от района военных действий.

Затем он спросил:

— А откуда у тебя эти летние брюки и телогрейка? Кто тебе их дал? Почему крестьянская повязка на голове? Решил нас обмануть? Не выйдет! Тебя выдает твое лицо.

Слегка улыбнувшись, я не сказал ни слова в ответ. Если бы я признался, каким образом у меня оказалась эта крестьянская одежда, которую принес мне член Трудовой партии Но Чжасун, трудно даже представить себе, какими могли быть последствия.

Так, благодаря этим людям, я попал в полицейский участок. Первый полицейский, с которым я встретился здесь, был недавним южнокорейским студентом. Он сразу заметил на мне крестьянскую одежду, но не обратил никакого внимания на мой вид и не спрашивал ни о чем. Он был не только полицейским, но

и настоящим представителем родной страны. Кроме того, полагаю, он понимал, почему я облачился в крестьянскую одежду и воспринимал это скорее как шутку.

Только что я сказал, что этот человек, будучи полицейским, является и достойным представителем своей страны. Понимаю, что не все согласятся со мной. Потому что он полицейский, и одет в форму американской военной полиции, и носит зеленые солнцезащитные очки, и поэтому не может уважать и любить нашу землю. Однако хотя он и носил эту форму с нарукавной повязкой, но, судя по тому, как он гуманно вел себя во время допроса пленного, можно было понять, что у него добрая душа и что он близок к народным массам. Вместе с тем возникает вопрос: не являются ли слова «народные массы» понятием относительным? К примеру, я, совсем молодой, литератор, увлекающийся Толстым и Бальзаком, носил крестьянскую одежду, подаренную мне товарищем Но Чжасуном. Но это не значит, что и другие стали «крестьянами». В этой связи хочется сказать, что понятие «народные массы», возможно, изменяется и приобретает новый смысл с изменениями в общественной жизни. Любое явление надо рассматривать в развитии. Невозможно сделать так, чтобы люди всегда носили черное пальто дурумаги[29] с резиновой обувью. В таком случае — что означает, в сущности, понятие «народные массы»?

Может быть, основными чертами являются благородство, совесть, справедливые поступки?

…В этот момент молодой человек из Самчхока шепнул мне на ухо:

— Говорят, вон тот человек служил в китайской армии Пхаллогун{20}. Но что-то не похоже.

Я с некоторым удивлением посмотрел в противоположную часть комнаты и увидел человека обыкновенного телосложения в светлой военной форме. Почему-то он усердно тёр свою спину о стену. Двигаясь то вправо, то влево, как будто по спине у него ползли вши. Я подумал, как недостойно ведет себя пленник 8-й Китайской армии. Заметив мой пристальный взгляд, незнакомец перестал тереть спину.

За время службы в Народной армии в течение трех месяцев я слышал много рассказов о китайской армии, все они были похожи на легенды. Однако ни разу мне не доводилось видеть солдата этой армии своими глазами. Поэтому я был очень взволнован, когда появилась возможность поговорить с бойцом этой легендарной армии. Я осторожно попытался заговорить с ним, но он почти не реагировал. Потом он очень кратко ответил на мои вопросы. Из его немногих слов я выяснил, что он с 17 лет до

сегодняшнего дня прослужил в армии. А теперь оказался в таком незавидном положении. В нем совсем не было привлекательности, какая бывает у ветеранов. Более того, по сравнению с другими солдатами он выглядел неряшливо. Казалось, что он остался бы таким же туповатым человеком, даже если прослужил бы в армии не шестнадцать лет, а все сто шестьдесят.

Я был очень разочарован и потерял всякий интерес к этому человеку. Вероятно, он тоже знал свои «достоинства». Поэтому, видно, вначале и не клеился наш разговор. В конечном счете мы остались при своем — каждый играл свою игру. Так устроен человек.

Когда ты находишься далеко от человека и не сталкиваешься с ним, слышишь о нем только хорошее, это вызывает у тебя самые добрые чувства, даже трепет. Но когда находишься рядом и узнаешь человека, то складывается совсем другое впечатление в зависимости от достоинств или недостатков собеседника. В этом смысле можно сказать, что в нашей жизни нет каких-то уникальных людей. Мы все похожи друг на друга. Характер взаимоотношений между людьми в большей или в меньшей степени зависит от их человеческих качеств и от конкретных обстоятельств в данный момент. Поведение человека зависит от условий среды, в которой он находится. Сам поражаюсь, когда думаю об этом. Вот бывший воин китайской армии. Почему он так быстро опустился? Почему попал в руки противника? По идее, он, отважный воин, героически сражавшийся с врагом на огромной территории Китая в течение шестнадцати лет, не должен был сдаваться в плен. Подобные факты, а также беглое знакомство с этим человеком слишком отличались от моих представлений о жизни. Может быть, все это закономерно?

…Прошло уже обеденное время, и нам дали по горсти вареного риса, который мы съели с солью прямо из ладошки. И тут же нас вызвали на улицу. Стояла ясная осенняя погода. Во дворе полицейского участка нас уже ждала автомашина. Вместе с нами в машину сели двое охранников с карабинами — сзади и впереди нас. Машина быстро мчалась на Юг…

Через несколько дней, когда мы прибыли из Янъяна в Каннын, наша группа пополнилась местными пленными и теперь составляла более двадцати человек. Мы были все еще в подвешенном состоянии — не знали, что нас ждет. Переночевали мы в классной комнате одной из народных школ.

Утром на следующий день нам выдали паек из сухого вареного риса, слепленного в колобки размером с человеческий кулак, и не тревожили до обеда. После обеда, где-то в районе

двух часов дня, происходила смена караула у полицейских, и мы решили подслушать, о чем они будут говорить. В этот момент на дороге через высокий горный перевал, находящийся на южной стороне Самчхока, скопилось большое количество солдат разбитой северокорейской армии. Поэтому первой была мысль снова идти пешком на Север. Правда, окончательное решение принято не было.

Широкоплечий полицейский, похожий на дзюдоиста, с легкостью закинул карабин на плечо, другой рукой вытирая жирные губы. Видимо, до выхода на смену он ел рис с говяжьим или медвежьим бульоном. Он сказал, что надо принимать решение, иначе, мол, будет хуже. Он говорил на диалекте провинции Пхёнандо, так как в детстве с родителями перебрался на Юг и там учился в средней школе в Сеуле или Ёнсане. Вероятно, тогда он и был мобилизован в армию. В то время я не знал об этом. Но когда встретился с этими молодыми людьми — выходцами из Пхёнандо, где я в течение трех месяцев служил в Корейской народной армии, — стал немного разбираться в них. Теперь они вернулись на Север в качестве полицейских. Все они были подтянутые, симпатичные и так похожи друг на друга, что я сначала не мог отличить одного от другого. По их упитанному виду можно было предположить, что все они выходцы из состоятельных семей.

Глядя на это, я вспомнил вот о чем.

В дневнике Ким Сончхиля от 14 июля 1950 года было записано:

> «Не обязательно вопрос стоит так: если права Республика Корея, то буду на ее стороне, а если Народная Республика, то буду следовать за ней. Важнее здесь то, кто победит. Тогда уже вопрос — какую сторону поддерживать, чтобы было выгоднее? В данный же момент лучше не говорить о своей позиции, и тогда после не будет нежелательных для меня разговоров. Поэтому сейчас главный вопрос заключается в том, кто окончательно победит — Республика Корея или Народная Республика?»

С тех пор прошло уже сорок четыре года[30]. Я вновь читаю эти строки и чувствую, как они перекликаются с сегодняшними проблемами взаимоотношений между Севером и Югом.

Как раз в том же 1950 году, 14 июля я находился в мёнсанской средней школе в городе Вонсан вместе с прибывшими на поезде студентами из университета имени Ким Ирсена и из педагогического института. Они все еще носили студенческую

форму и ленинские кепки зеленого цвета, а я уже был в форме Корейской народной армии.

Надо сказать, мне сильно повезло в тот день. Увидев приезжих пхеньянских студентов, ожидающих своего расквартирования в батальоне, я вернулся в штаб роты, которая к тому времени уже находилась в траншеях горного ущелья Синпхуни. В тот же день, после моего ухода, улицы Вонсана подверглись сильной бомбардировке американской авиации.

Самолеты поочередно бомбили гавани и порты, Штаб Военно-морского флота, расположение авиаотрядов, нефтеперерабатывающий завод, бывшую женскую среднюю школу (теперь здесь находился штаб 87-й бригады) и другие важные объекты. Трагически сложилась судьба только что приехавших пхеньянских студентов — они подверглись внезапному обстрелу с самолетов, и среди них было немало жертв.

Впрочем, точно не могу сказать, когда это произошло — 14-го или 13-го числа. Если судить по записям в дневнике студента-обществоведа Ким Сончхиля, то в тот апрельский день, в свои девятнадцать лет я находился на улицах Вонсана…

Ну, хватит об этом. Вернемся к основному рассказу. Я догадывался, что штаб дивизии южнокорейской армии своей главной задачей на тот момент ставит продвижение южнокорейских войск в направлении Вонсана и Хамхына. Никто не ожидал такого резкого поворота событий.

Что касается пленных, их решили размещать в лагерях для военнопленных по мере занятия новых территорий. Никто не думал, что может возникнуть проблема с их размещением. Войсковое командование на уровне дивизии считало, что у них и без того дел по горло, а потому на подобные «пустяковые» дела махнули рукой. Если кто-то звонил по телефону по поводу пленных, ответ начальника был предельно краток:

— Что еще там? Такие вопросы решайте сами на месте. Выполняйте! Самим кумекать надо…

Таким образом, судьба военнопленных решалась не централизованно, а местными полицейскими чинами. Естественно, в этих условиях не было никаких согласованных действий между инстанциями, решавшими судьбу пленных. Например, говорили, что из Каннына следует добраться до Чумунчжина, а оттуда на судах или на катерах нужно плыть на Юг. Однако когда прибыли в Чумунчжин, оказалось, что там никто и понятия не имеет о катерах или судах. Поэтому нам пришлось снова добираться пешком — сначала до Сокчхо, а там уже действовать по обстановке. Так один полицейский участок спихивал пленных другому. Принимающая сторона должна была

обеспечить пленным ночлег и питание — хотя бы горсть вареного риса. В тех скудных житейских условиях это была нелегкая задача. Естественно, каждый новый полицейский пост, принимающий нас, был очень недоволен. Полицейские возмущались, потому что для них мы являлись тяжелой обузой в то время, когда южным войскам надо было успешно продвигаться до Хамхына, Чончжина, а затем до горы Пэктусан.

Одним словом, мы оказались никому не нужны, и никто не знал, что с нами делать. Мы были похожи на беспомощных детей, брошенных в какой-то отдаленной глубинке. В сопровождении шести-семи полицейских, вооруженных карабинами, мы еле-еле тащились на Север. В день проходили примерно по 50–60 ли. Полицейские тоже особенно не спешили. Они думали лишь о том, как бы передать нас очередному полицейскому посту и поскорее освободиться.

Вместе с тем и у этих полицейских южнокорейской армии, конвоировавших нас в течение нескольких дней, постепенно стало проявляться поведение, естественное в их обычной жизни. Все они были похожи друг на друга — внушительные, одетые в форму цвета хаки, они всегда ходили в солнцезащитных очках. Нарукавные повязки полицейских вызывали некоторое настороженное отношение к ним. Между тем, наши конвоиры хоть и были похожи внешне, как и все военные, но были совершенно независимы друг от друга.

Мне, за пять лет привыкшему к северокорейской режимной жизни, их поведение было удивительно. Вместе с тем оно вливало в мою жизнь какую-то новую струю.

Мы, полицейские и пленные, словно защищая и охраняя друг друга, шли вдоль берега Восточного моря. Мы так сблизились, что постепенно перестали подозревать друг друга и даже вместе пели песни. Правда, по известным причинам, это были разные песни. Например, полицейские пели такие песни, как «Созвездие Южного Креста — материнское лицо», «Узы, связанные во вчерашнем утреннем сне», «Лунная ночь Силла» и другие. Эти песни были тогда самыми популярными на юге страны.

Мы не знали этих песен и пели свои: «Марш Корейской народной армии», «Кантата о Советской армии», «Ода о Сталине». Иногда даже довольно бодро пели «Песню о полководце Ким Ирсене», неоднократно упоминая отроги горы Чанбэксан.

Слушая наши песни, полицейские выражали свои чувства по-разному, но все были довольны. А некоторые из них просили, чтобы мы спели еще что-нибудь интересное. В то же время другой полицейский говорил:

— Ну хватит, остановитесь! Так мы можем оказаться в плену

агитационно-пропагандистских песен красных. Опомнитесь!

Так пленные и военные полицейские стали постепенно привыкать друг к другу, и между ними начали устанавливаться контакты. Сравнивая порядки в Северной Корее, где я прожил всю жизнь и где три месяца прослужил в армии, с независимым поведением этих полицейских, с их доброжелательностью, я не мог не удивляться. Но, с другой стороны, возникал вопрос: как военнослужащие могут вести себя столь свободно? Ведь армия — это особая организация, где жизнь сильно отличается от гражданской. Этого я не понимал.

Отношение к нам со стороны полицейских становилось все лучше. Даже во время передачи нас одним полицейским участком другому не производили никакого осмотра. Не случайно во время перехода от одного пункта к другому иногда пять-шесть человек отставали от основной группы. А однажды даже был такой случай. Произошел он около 38-й параллели, недалеко от местности Ингу. Один из пленных ополченцев, одетый в легкую куртку и в белые штаны, случайно сказал, что недалеко, за гребнем горы, находится его дом. Хотя сказано это было довольно тихо, эти слова услышал один полицейский, проходящий мимо. Неожиданно он отреагировал:

— Что? Ваш дом там находится? Но я ничего не вижу.

— Гребень горы закрывает, поэтому не видно. Но совсем недалеко. Отсюда можно дойти за десять минут, — ответил пленный.

— Вот как! В самом деле? — вдруг воскликнул полицейский. Затем о чем-то шептался с другим высоким полицейским, который отвечал непосредственно за надзор над пленными.

После снова подошел к ополченцу и непринужденно спросил:

— Значит, ты хочешь домой?

Парень даже не успел отреагировать, а полицейский тем временем продолжал:

— Ну, иди домой, коли в самом деле там твой дом. Отпускаю. Вот только скажи, ты коммунист или нет? Пусть даже так. Мы не враги с тобой в этой войне. Так зачем я буду тащить тебя за собой? Считай, что я делаю для тебя доброе дело. Ну, теперь ступай домой.

На прощание, как бы желая удачи, полицейский дал пленному легкого пинка по заднице. Ополченец в белых штанах был настолько растерян, что никак не мог сообразить, что с ним происходит.

— Ну, иди, малый! Хорошо ухаживай за родителями. Беги, пока не я передумал!

Полицейский хотел еще раз подтолкнуть парня, чтобы тот

наконец сообразил, что происходит. Но пленный уже ступил на тропинку по меже рисового поля и изо всех сил побежал в сторону своего дома.

В этот момент в отряде наступила глубокая тишина. Пленные со своими надзирателями стояли все вместе. Лениво садилось вечернее солнце, казалось, все вокруг мило улыбается — и горы, и реки… Казалось, что никогда наша природа не была такой красивой. Все меньше становилась фигура человека, бегущего по межевой насыпи рисового поля. А там, за гребнем горы, поднимались клубы дыма из трубы его родного дома.

Наверно, там зажгли очаг и готовили ужин. Мы медленно шли и смотрели в ту сторону. «Белые штаны» уже поднимались по горной тропе. Наконец ополченец взобрался на самую высокую точку гребня, обернулся, посмотрел на нашу сторону и тут же исчез. Я еле сдерживал слезы.

Вот в таком состоянии мы, пленные, находились в то время. На первый взгляд казалось, что творится такая неразбериха, что никто никого не замечает. Действительно, прием и передача пленных в полицейских участках происходили формально. Проверка личного состава происходила также поверхностно. Однако и в такой сложной обстановке, как оказалось, человек всегда остается человеком. Ведь расстояние до дома этого парня составляло меньше километра. С точки зрения нормальных человеческих отношений в тот момент других решений и быть не могло! В данном случае даже легкий пинок под зад означал не грубость, а дружеский жест, знаменующий свободу. Этот поступок полицейского выходил за рамки существующих правил военнослужащих и объяснялся только его личными человеческими качествами и его настроением в той обстановке. Конечно, в данном случае это также зависело от другого полицейского, который поддержал его в столь благородном деле.

С одной стороны, мне было завидно, что вот так запросто человек освобождается из плена и возвращается домой. С другой стороны, мне казалось, происходит что-то невероятное, почти невозможное.

Вообще-то наше положение в то время было весьма неопределенным. Фактически находясь в плену, мы нигде в официальных документах не числились как пленные. В этом смысле наша судьба целиком зависела от сопровождавших нас полицейских. По своему желанию они могли нас отпустить или же пристрелить всех в пути — все равно не было бы особых последствий. Даже Женевская международная конвенция вступает в силу, лишь когда пленные внесены в реестр.

В те суровые дни, когда происходили упомянутые события,

всё в конечном счете зависело от того, кто контролировал ситуацию. Тогда наряду со злыми людьми встречались и добрые. От личных качеств начальника и от конкретной обстановки зависела судьба человека. В этой связи хочется вспомнить слова одного философа, который говорил, что в жизни человека его разумные и сознательные поступки составляют лишь половину, а другая половина поступков зависит от опасных случайностей. Возможно, это связано с какими-то магическими силами.

Может быть, следующий случай также происходил под влиянием момента. Если исходить из логической последовательности рассуждения, то начало и конец рассказа должны поменяться местами. Но я намеренно раньше рассказываю о маленьком эпизоде, который произошел на границе 38-й параллели недалеко от местности Ингу. Сам толком не понимаю, почему я так делаю. Тем не менее, есть у меня кое-какое предположение.

Сегодня, когда совершенно изменилась обстановка по сравнению с девяностыми годами двадцатого столетия и мы можем отвлеченно рассказывать о событиях пятидесятилетней давности, мы не думаем о тех драматических событиях в их хронологической последовательности. Кроме того, сегодня я все больше задумываюсь о добре и зле в человеческих отношениях. О том, что в зависимости от условий существования человек может стать добрым или злым…

Итак, этот случай произошел после пребывания в Чумунчжине. По указанию сверху мы должны были отправиться на Юг на попутных суднах, но это было невозможно, так как в действительности не было никаких судов.

Поэтому одну ночь мы переночевали в Чумунчжине, а у военных полицейских произошла смена. Передав нас другому посту, сопровождавший нас отряд уходил обратно в Каннын. Их главным ответственным был человек из Чиннампхо. Собираясь в обратный путь, он почему-то часто оглядывался назад, словно искал меня среди пленных. Я не ошибся.

На прощание он сказал:

— Я постараюсь помочь тебе выбраться отсюда.

Он уже не ехал на Юг вместе с другими полицейскими, сопровождавшими нас в течение двух дней, а отправился в город Вонсан, в штаб корпуса. Об этом ему было известно уже с момента выезда из Каннына. Откровенно говоря, я не совсем верил этому обещанию и поэтому отнесся к его словам довольно равнодушно. Ведь у него должны быть другие, более важные дела, подумал я. В то же время он производил приятное впечатление, и где-то глубоко в душе у меня теплилась слабая надежда, что он

сдержит свое слово.

— Если вам не трудно и у вас будет такая возможность, прошу оказать мне помощь. Буду вам очень благодарен, — сказал я спокойно, уже не так волнуясь, как вчера, когда состоялся наш разговор.

Он же вместо «до свидания» сказал «бай-бай», словно прощаясь с детьми при уходе на работу в офис. При этом он поднес одну руку к уху и тут же быстро ушел. Все еще сомневаясь, что происходящее — реальность, я задавал себе вопрос: как такое возможно, в чем причина, почему все выглядит так естественно, может ли быть, чтобы все это называлось «война»?

Теперь пора переходить к рассказу о тех противоречивых и ужасных событиях, которые произошли позже. Но рассказ о них я почему-то по-прежнему откладываю на потом; я не могу разобраться в событиях, которые произошли так неожиданно. Сам не знаю, почему так поступаю. Может быть, это объясняется тем, что они развивались очень быстро и еще быстрее мы забыли о них. По моему разумению, люди, живущие вместе, не должны так поступать…

Так или иначе, наша судьба целиком зависела от сопровождавших нас полицейских. В этом мы убедились на следующий день до прибытия в Ингу, когда полицейские отпустили на волю еще одного ополченца, тоже в белых штанах и куртке. Вместе с тем, днем раньше, до прибытия в Чумунчжин, совершенно случайно был убит другой ополченец в точно такой же одежде.

Каждый человек в подобной ситуации инстинктивно использует все свои пять органов чувств для самосохранения. К данному случаю вполне подходит древнее изречение о том, что, даже находясь в когтях смерти, можно выжить, если сохранить ясный ум. Вот в такой обстановке мы находились тогда.

Формально наши отношения с полицейскими были вполне мирными: мы вместе шли на Север, иногда даже шутили, пели северокорейские революционные песни… Но наша судьба в той конкретной обстановке целиком зависела от них. Другими словами, в любой момент они могли сохранить или отнять наши жизни.

Инстинкт самосохранения требовал держать в напряжении все органы чувств и быть готовыми ко всякому непредвиденному случаю. Я бдительно следил за происходящим с момента выхода из Каннына. Особенно внимательно я наблюдал за поведением начальника полицейской охраны. Позже мне говорили, что он родом из Чиннампхо, но по характерному говору я догадывался, что он выходец из провинции Пхёнандо.

Его внешний вид также говорил о том, что он из Пхёнандо: широкоплечий, как дзюдоист, он обладал сильным голосом и другими характерными признаками. Один из передних резцов у него рос неправильно, но этот недостаток вовсе не портил его внушительного вида. Наоборот, даже как бы создавал дополнительное впечатление о нем как о веселом, ласково-приветливом старшем полицейском, который должен будет находиться вместе с нами несколько дней.

Ну, а теперь вернемся к сути рассказа. Вообще-то трудно описать ситуацию в двух словах, хоть события и развивались очень быстро.

Недалеко от Чумунчжина в середине поля, густо заросшего полынью, откуда хорошо была видна река, человек из Чиннампхо неожиданно остановил нас и сказал, чтобы мы сделали свои дела, так как в Чумунчжине, возможно, будут проблемы с туалетом. Он настойчиво предлагал оправиться именно здесь. Он предполагал, что если в Чумунчжине мы остановимся в какой-нибудь народной школе, то появятся определенные сложности с этим делом, даже если мы будем ходить в туалет по одному.

Мы как воробьи разбежались по разным сторонам дороги и стали делать свое дело. Одни освобождались быстро, другие делали это долго и без особого желания, но старательно выполняли приказ. У меня тоже не было особого желания, но я старался.

Забавным было то, что и сам начальник, только что отдавший приказ, с удовольствием справлял нужду у дороги. Я невольно засмеялся, потому что понял — он сам этого сильно хотел. Сделав дело, он привел одежду в порядок и вернулся на свое место. Раздал по одной сигарете стоявшим рядом и сам смачно закурил. Глядя на это, даже мне, некурящему, захотелось закурить. Я заметил у полицейского одну интересную привычку. Тлеющую часть окурка он отрывал большим и указательным пальцами и бросал на землю, затем топтал подошвой армейской обуви. Делал это он очень умело и с явным удовольствием. Он потушил окурок и, глядя на дальние горные цепи, пробормотал, что природа настолько прекрасна, что дух захватывает.

Незаметно прошло около семи минут. Он посмотрел на наручные часы и сказал:

— Наверно, все уже в основном закончили. Полагаю, что такой скудной едой — двумя горстями сухого вареного риса особенно не заполнишь желудок. Двигаемся дальше!

Был дан приказ «Всем строиться!» Но и без команды все уже были в строю. Но тут начальник полицейской охраны случайно заметил, что нет одного человека, и гневно произнес:

— Э! Что случилось? Почему нет одного типа?

— Не может быть, — ответил один из молодых полицейских.

Другой, оглядываясь вокруг, крикнул:

— Вон, идет. Наверное, по-большому ходил? Тварь ты такая, почему так далеко ходил? Можно было сходить и поближе. А то все поле облазил.

Глядя на беднягу, еще три-четыре человека говорили между собой:

— И все же его можно понять. Традиционно корейцы так воспитаны, что не распространяют дурной запах где попало.

— Возможно, из-за такой скудной пищи у него запор, поэтому он так долго и сидел.

— Тогда выходит, что он так долго сидел не потому, что соблюдал правила хорошего тона.

В этот момент полицейский начальник, человек из Чиннампхо, грозно закричал:

— Эй, ты, иди сюда. Паршивец с лошадиным носом, беги быстрее. Обожравшийся красный сукин сын, ты еще ходил по-большому?

Ругательство «красный сукин сын» вот уже несколько лет являлось привычным для всех. На грубый окрик начальника человек в штанах и телогрейке бежал изо всех сил. И тут произошло невероятное. Подойдя к человеку из Чиннампхо, он опустился на колени, соединил ладони вместе и принялся страстно умолять:

— Мне никак нельзя умирать. Никак. Меня днем и ночью ждут дома, в Самчхоке, мои родители. Я единственный сын.

Все это произошло так неожиданно, что полицейский был поражен. Он раздраженно сказал:

— Ты, сукин сын, так хотел умереть, что помешался. Встать!

Одновременно он пнул пленного по голени.

По-прежнему стоя на коленях, человек в телогрейке обхватил полицейского за ногу и снова стал выпрашивать пощады:

— Я никак не должен умереть! Дома отец и мать ждут меня, все глаза проглядели.

— Да отцепись ты, в конце концов! — рявкнул полицейский, еще больше раздражаясь. Пытаясь освободиться, он поворачивался то вправо, то влево.

Наконец они освободились друг от друга и немного успокоились. Но тут, к несчастью, произошло неожиданное. Ополченец в белых штанишках и телогрейке, что-то бормоча себе под нос, пошатываясь, вдруг побежал в поле, заросшее полынью.

— Эй, посмотрите на этого мерзавца! В самом деле он сошел с ума или хочет умереть? — спросил полицейский. Он снял с

плеча карабин и прицелился. А ополченец, едва держась на ногах, продолжал бежать в сторону поля с высокой полынью.

Раздался оглушительный выстрел. Пленный упал ничком посреди поля. Кажется, пуля попала ему в ногу, и он продолжал ползти, извиваясь всем телом. Одновременно он что-то бормотал еще громче, чем раньше. Человек из Чиннампхо решительно подошел к извивающемуся телу и выстрелил в спину еще четыре-пять раз.

Затем, обращаясь к нам, зычным голосом скомандовал:

— Уходим, уходим! — И как бы разговаривая сам с собой, тихо добавил:

— Пусть станет пищей для ворон, бурундуков, полевых мышей и удобрением для полыни…

Кругом стояла мертвая тишина, лишь ветерок колыхал сухие ветки полыни, погода была ясная, и солнышко уже медленно клонилось к закату на западе.

Дело вот в чем. Я, словно магнит к куску железа, тянулся к полицейскому из Чиннампхо. Это происходило не потому, что я стремился подхалимничать или застраховать себя от страшной участи человека из Самчхока, а из-за необъяснимой симпатии к нему. Возможно, мое тогдашнее поведение объясняется тем, что я был сильно взволнован и не мог разобраться в той сложной обстановке. Тем более сегодняшнее суждение о тех драматических событиях не может быть объективным. Пусть все это останется в прошлом.

Не могу точно утверждать, но, возможно, мои чувства передались и человеку из Чиннампхо. После убийства парня в белых штанах на пути к Чумунчжину молчали и пленные, и сопровождающие нас полицейские. Только я, находясь рядом с начальником отряда, завел разговор примерно такого содержания.

Я спросил:

— Господин начальник, откуда вы родом? Мне кажется, что вы из провинции Пхёнандо.

— Да, из Чиннампхо.

— Когда вы перешли на Юг?

— В 1947 году. Невыносимо было жить при коммунистах.

— Ваша семья занималась торговлей?

— В Чиннампхо мы занимались и торговлей, и садоводством. Выращивали яблоки, груши и персики. Если точнее сказать, дядя отвечал за торговлю, отец ухаживал за дедушкой и бабушкой, занимался скотоводством. Отец, дядя, вся семья перебрались на Юг. Дед с бабушкой остались, чтобы охранять свою землю. Если они еще живы, то им по семьдесят шесть лет. Вот почему я решил

отправиться на западный фронт, но не всё получается по нашему желанию…

— И наша семья тоже занималась садоводством.

— Да, а где же?

— В Вонсане, в провинции Хамгёндо. Там в основном выращивают груши. У нас тоже был свой сад.

При этом, к своему удивлению, я, сам того не замечая, постепенно стал переходить на пхёнанский говор.

— Вот как! А с какого времени ты стал служить в Народной армии?

— Какая там служба… В начале июля все учащиеся старших классов средней школы повышенной ступени были мобилизованы в армию.

— Вот негодяи! Что могли сделать учащиеся средней школы на войне? В таком случае не надо было начинать войну. По меньшей мере, здесь, в Республике Корея, такого не было. Теперь я понимаю, почему в Народной армии так много новичков и так мало взрослых. А тебе сколько лет исполнится в этом году?

— Мне девятнадцать лет.

— Значит, ты ровесник моего самого младшего брата Сангори.

После небольшой паузы он продолжал:

— Сейчас он учится в средней школе повышенной ступени в Ёнсане. Когда мы переезжали на Юг, сначала думали, в какой школе учиться — в сеульской или ёнсанской.

Вот так мы говорили о разных вещах. Другие пленные и полицейские по-прежнему молчали. Мы тем самым выделялись среди других в команде. Пользуясь случаем, как можно мягче, я осторожно спросил:

— Уважаемый товарищ, передав нас… Ой, извините, не «товарищ». Это я по привычке — на Севере при обращении всегда использовалось это слово.

— Ничего. Нормально. Я это знаю. А что ты хочешь сказать? Рассказывай.

— Я слышал, что вы, передав нас, отправитесь в Вонсан. Это правда?

— Откуда тебе известно? Как ты узнал?

— Узнал совершенно случайно. Когда оказываешься в таком положении, обостряется слух.

— Понятно. В чем дело?

— Если позволите, есть одна просьба к вам.

— Что за просьба?

— Я буду очень благодарен вам, если вы передадите, что я жив и здоров.

— Мне зайти к вам домой?

— Нет. К нам трудно добраться. Самый удобный путь — это зайти к моему бывшему однокласснику и сказать ему. А он передаст нашим.

— А почему он не в армии?

— Он скрывался до последнего момента. Он такой.

— Значит, ты другой. Присоединился к «красной банде».

— Если сравнивать с ним, то так. Вообще-то я был мобилизован наполовину принудительно вместе с классом, а наполовину — добровольно. Конечно, при большом желании можно было избежать мобилизации.

— Тогда в чем дело?

— Представьте себе на минутку, что освобождена Южная Корея и страна объединилась. В таком случае как выглядели бы те, кто укрывался от войны?

— Это было бы ужасно, но твой друг не боялся этого.

— Он был спортсменом — играл в футбол и регби.

— Он не задумывался над этим вопросом, а жил как мог, тогдашним днем. А ты думал по-другому.

— Я же увлекался литературой…

— Эх! Беда с тобой. Вот почему ты добровольно оказался в Народной армии… Ну, хватит, противно слушать.

Человек из Чиннампхо дал понять, что он не знает деревню Вонсан, и сказал, чтобы я написал ему адрес. Обещал, что по пути заедет.

Я быстро начал искать свою записную книжку, но напрасно. Ее не было. Я вспомнил, что, когда мы ночевали в Канныне, она лежала в большом кармане куртки и мешала мне спать. Поэтому среди ночи я ее выбросил из классной комнаты во двор вместе с фотографией моего товарища Чхве Чжинмана. Мне казалось, что если я выброшу фото в отдельной обертке во двор, то это будет слишком дерзким поступком с моей стороны. Кроме того, я не был уверен, что без записной книжки могу сохранить эту фотокарточку.

Еще за день до этого дневник принес мне пользу в янъянском полицейском посту. После того как тот образованный полицейский бегло прочитал основные моменты моих записей, его отношение ко мне изменилось в лучшую сторону. Ведь до прочтения он угрожал, что, если я не принесу брошенный мною в лесу автомат, мне не жить. Ну а теперь, в Канныне, я избавился от дневника, так как он причинял мне неудобство во время сна. К тому же в той подозрительной обстановке, при которой все всегда проверялось и запрещалось, ни записная книжка, ни литература, ни фотография Чхве Чжинмана не представляли особой ценности,

и я с легкостью с ними расстался.

И вот теперь, когда мне нужно написать адрес хоть на клочке белой бумажки, ее нет. Поэтому мне оставалось только объяснить устно, словами:

— На пути к Вонсану будут два перехода по железной дороге хумикири[31]. Затем пройдете местность Калма, будет начало Вонсана, пройдете еще примерно два километра, там еще раз перейдете один железнодорожный переход и увидите большой книжный магазин «Пэкха». Внутри здания встретитесь с парнем по имени Ли Ёнхван и скажите только, что я жив.

— Понял, — ответил он. Затем достал маленький блокнот и ручку. Спрашивал на ходу:

— Что делать на втором переходе?

— Надо переходить.

— Понял, перейду, а дальше?

— Надо идти налево.

— Сколько метров примерно надо идти?

— Совсем рядом. Первый или второй большой дом, магазин канцтоваров.

— Как называется магазин?

— «Лавка Пэкха».

Сказав, что понял, записал в блокнот и мое имя.

Наступило утро следующего дня, мы были еще в Чумунчжине. Откровенно говоря, я совсем забыл наш разговор. Помнил только тот ужасный момент, когда произошло то страшное событие с беглым ополченцем. Конечно, в глубине памяти где-то оставалась моя просьба, но результатов я не ожидал. И вот где-то часов в девять утра, собираясь в дорогу, человек из Чиннампхо нашел меня и напомнил мне о том разговоре. Мои сомнения несколько рассеялись. Перед отъездом он сказал:

— Если ты доберешься до Вонсана, я постараюсь тебе помочь освободиться. Впрочем, не уверен, буду ли я к тому времени в штабе корпуса.

Поистине удивительно, но он помог мне.

Однако пока ограничимся этим. Более подробно речь пойдет позже. Сейчас я хочу рассказать то, что непосредственно я услышал от приятеля Ли Ёнхвана, который где-то в 1959 году перебрался на Юг. К тому времени я был освобожден в Хыпкоке и вернулся домой, а потом также перешел в Южную Корею.

Он рассказывал о том, что приключилось с ним в далеком прошлом:

— Однажды перед закатом солнца мы сидели с приятелями в задней комнате. Вдруг неожиданно открылась дверь. В магазин

вошел высокий полицейский в полной форме цвета хаки и в солнцезащитных очках. С ходу он назвал твое имя и спросил, знакомы ли мы с тобой. Мы все сильно перепугались и сказали, что не знаем. Догадавшись, в чем дело, он, чуть улыбаясь, спросил, кто из нас Ли Ёнхван.

Ёнхван осторожно откликнулся. Полицейский продолжал:

— Говорят, что ты играешь в футбол и регби. Кстати, твой друг жив и находится в плену в Чумунчжине. Иди к нему домой и сообщи родителям об этом.

Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Разумеется, Ли Ёнхван тогда не пошел к нам и не передал это сообщение. На то у него были свои причины: видимо, ему было очень неловко говорить моим родителям об этом. Ведь он и его дружки осознанно уклонились от мобилизации в Народную армию. Им наверняка было неудобно перед теми, кто служил в Народной армии. Однако слухи быстро распространились, и наши родители и без него уже знали. Я был очень удивлен этим фактом. В общем, вот она какая, человеческая жизнь!

Из-за внутренних беспорядков в 1980 году{21} в течение двух месяцев я был заточен в подвале на горе Намсан. Затем меня перевели в сеульский следственный изолятор, где за каждым моим шагом следил высоченный молодой солдат из Самчхока.

Однажды ночью у меня появилась возможность поговорить с ним наедине. Я узнал, что один из его двоюродных братьев был насильно завербован добровольцем в Народную армию во время Корейской войны 1950 года и что до сих пор нет никаких сведений о нем. Судя по возрасту, этим пропавшим добровольцем мог быть тогдашний человек из Самчхока. Однако я не сказал моему охраннику ни одного слова о событиях осени 1950 года.

…Кажется, это было в июне 1987 года до 29 числа{22}, примерно 18 июня. В 12 часов ночи должны были начаться массовые аресты. Один из полицейских заранее пришел в наш дом и предупредил об этом, чтобы хоть на несколько дней отсрочить наш арест…

2

ЮЖАНЕ, СЕВЕРЯНЕ

— Эта местность называется Кансон.

— Кансон или не Кансон, разницы нет. Дадут нам, чем укрыться?

— Давайте немного подождем, может быть, принесут ватные

одеяла…

— Да, люблю ватное одеяло.

— Захотел ватное одеяло! Ты что, решил, что это спальня у тебя дома? — Такой разговор происходил между людьми на новом месте.

Над свободным пятачком земли за железнодорожным вокзалом мы натянули большой навес, который достался нам от местной администрации. Кое-как провели электричество, раздобыли несколько электроламп довольно большой мощности. Так что, вопреки ожиданиям, устроились довольно уютно.

Мы готовились к ночлегу прямо на полу на соломенных мешках. С разных сторон доносились разговоры о том, что на пути к Северу все время увеличивается количество пленных и их число уже превышает пятьдесят человек. В Чумунчжине состав полицейского наряда обновился. Нам стало труднее общаться с новыми надзирателями. Даже если подчиненные общаются с начальником в течение трех дней, все равно с ним удобнее, чем с новыми, незнакомыми людьми. При постоянной смене начальства люди не застрахованы от случайных сюрпризов и вынуждены держаться настороже.

Завершив свою работу с нами, наш «старый знакомый» полицейский, выходец из Чумунчжина, отправлялся в штаб корпуса. Он уже садился в джип, как вдруг принял решение — снова повидаться со мной. Он подошел ко мне, похлопал два раза по плечу на прощание и просто сказал:

— Как я говорил вчера, постарайся добраться до Вонсана. Если буду в штабе корпуса, помогу тебе выбраться отсюда.

Я был настолько взволнован и смущен его вниманием и заботой, что не знал, как вести себя. Полагаю, что он тоже не ожидал, что когда-нибудь ему случится так разговаривать с пленным северокорейской армии.

Он не смог бы так поступить в условиях Северной Кореи, где я прожил всю жизнь. Такое поведение рассматривалось бы как проявление буржуазной морали, игнорирование существующих порядков и нарушение служебной дисциплины. Естественно, он подвергся бы ожесточенной критике как «антиобщественный элемент».

Я тогда стал понемногу понимать, какая свобода личности существует в Южной Корее и как это отличается от реального состояния дел в Северной Корее. Казалось бы, одна небольшая фраза, сказанная мне человеком из Чиннамхо перед отъездом, для меня имела огромные последствия. Можно сказать, что она изменила мою судьбу, принесла мне большую удачу.

С той поры каждый новый полицейский наряд относился ко

мне с особым вниманием. Конечно, я не могу делать выводы о каждом конкретном случае, но человек, оказавшийся в моем положении, надеюсь, поймет меня. Кто знает, может быть, человеческая жизнь заключается не в том, чтобы на каждом шагу искать, где правда, а где ложь, а в том, чтобы исходить из реально существующей в данный момент ситуации. Может быть, поэтому Людвиг Витгенштейн{23} говорил: «Мир есть всё то, что имеет место… Мир определен фактами и тем, что это всё факты. Потому что совокупность всех фактов определяет как всё то, что имеет место, так и всё то, что не имеет места».

Вот так с того момента, когда произошла очередная смена полицейского наряда, то есть утром того дня, когда мы из Чумунчжина снова вышли на Север, я незаметно стал связующим звеном между полицейскими и пленными. Кроме того, казалось, что временами полицейское начальство проявляло особую заботу обо мне. Эта забота заключалась в том, что иногда мне давали лишнюю порцию из оставшейся еды. Хочу подчеркнуть, что эта добавка в то голодное время, если судить мерками сегодняшнего дня, стоила дороже, чем здание стоимостью в один миллиард условных единиц.

В конце дня, как только мы прибыли в Кансон и определились с ночлегом, к нам явился незнакомый полицейский. По комплекции он был такой же крупный, как человек из Чиннампхо, с которым мы незадолго до этого расстались в Чумунчжине. На первый взгляд новый полицейский выглядел как-то слишком простовато, по-деревенски. Мы решили, что он является военным полицейским только что освобожденного уезда и одновременно руководит временной администрацией данной территории.

Он встал перед нами, заложив руки за спину, и сказал:

— Эй, гасите свет! Еще светло. Думаете, что электричество дается бесплатно? Даже длинноносые янки не поступают так в своей богатой стране.

Надо сказать, что я был удивлен тем, как пренебрежительно он говорит об американцах. Дело в том, что и на Севере, в так называемой Народной Республике, среди простых людей в быту иногда называли русских солдат уничижительно «роске». Но в общественных местах, тем более на официальном уровне, — это было исключено. Идея дружбы между СССР и КНДР проникла сверху донизу, поэтому если где-то употреблялось слово «роске», то произносили его осторожно, чтобы этого не могли услышать соседи.

Однако на Юге люди вели себя совсем по-другому: в разговоре между собой они не боялись официальных лиц,

свободно выражали свое мнение. Мне, прожившему последние пять лет в северной части страны при другом режиме, такое поведение казалось странным и невиданным явлением. Вместе с тем понемногу на собственной шкуре я начал чувствовать, хоть не совсем отчетливо, «демократию» южнокорейского общества.

Полицейский, стоявший перед нами, сказал:

— Вы знаете лучше, чем я, что мы сейчас находимся на территории северной части страны, бывшей Народной Республики. Поэтому временно в ходу смешанные денежные единицы, как южные, так и северные. Совершенно равноценными являются десятирублевые и сторублевые денежные купюры. Я сейчас точно не могу сказать, кто окажется в худшем положении, когда все встанет на свои места. Могу только сообщить вам, что происходит в настоящее время. Недалеко от нас здесь — в Кансоне — находится базар. Там продают ттоk[32], каштаны, груши, яблоки, хурму, в том числе сушеную, и другие продукты. Например, можно купить несколько сортов ттока.

— А теперь внимательно слушайте меня, — продолжал полицейский. — Если при отъезде родители дали вам карманные деньги, то не надо их прятать. Лучше покупайте с моей помощью еду. Если у кого-то имеются деньги, то в соответствии с выложенной суммой, строго по учету, по вашему желанию мы купим на них ттоk, каштаны или хурму. При этом каждый может сдать деньги полностью или частично. Если нет вопросов, поторапливайтесь — солнце уже садится!

Затем он стал рассматривать нас, как будто кого-то искал. Наконец взгляд его остановился на мне. Подав знак рукой, он крикнул:

— Эй, ты, иди сюда!

Он вытащил из своего кармана записную книжку, вырвал один листок и вместе с огрызком карандаша потянул их мне. Крайне удивленный, я последовал за ним.

Полагаю, что он заметил меня еще в Кансоне, где мы задержались чуть более часа, поэтому его выбор пал на меня. К тому же, возможно, кто-то из полицейских шепнул обо мне, и он это запомнил.

Довольно быстро вокруг меня собрались другие пленные. По приказу полицейского я стал записывать их заказы. Кто-то заказывал хурму на определенную сумму, кто-то высушенные плоды хурмы, другие ттоk… А один даже просил купить две редьки. Но никто не реагировал на это со смехом.

Я был удивлен еще и тем, что почти все пленные считали своей родиной Северную Корею и держали в карманах северокорейские деньги. Вероятно, они остались у них, потому

что им нечего было покупать, тем более в плену. К тому же они не верили полицейским, хоть судьба каждого из нас целиком зависела от них. Пленные просто не знали, как поступать в данном случае с деньгами, и хранили их при себе.

К примеру, если бы в то время полицейские приказали выложить все наличные деньги, этот приказ надо было выполнять. Несговорчивым была бы обеспечена дорога в потусторонний мир. Жаловаться было некуда. Полный полицейский произвол был продемонстрирован расстрелом ополченца из Самчхока по дороге в Чумунчжин: в один миг человека убили как муху. В другом случае, как известно, по доброй воле одного из полицейских был отпущен пленный, находившийся по счастливой случайности недалеко от родного дома.

Таким образом, при одинаковых условиях одни попадали в беду, а другие, наоборот, находили удачу, как тот парень, который совершенно случайно нашел дорогу в родной дом. Все эти превратности судьбы происходили на наших глазах, и мы невольно переживали их. Вновь и вновь я вспоминаю события, произошедшие пятьдесят лет назад. То было мое первое впечатление о Республике Корея, в которой я прожил последние пятьдесят лет…

Если рассматривать события тех дней в отрыве друг от друга, то они кажутся хаотическими. Однако тот «хаос» со временем начал превращаться в упорядоченность: появилась устойчивая организованность в развитии страны, потому что все как один вносили свою лепту в общее дело укрепления Родины. Все люди словно находились в большой повозке, управляемой одним кучером. Конечно, имелись и такие люди, которые время от времени твердили, что, мол, все «кончено», все «безнадежно»… Кто знает, может быть, такое поведение изначально присуще всем людям?

Между тем в стране успешно решались все вопросы как в общественной, так и в личной жизни. Громкие, недовольные голоса вскоре исчезли, как отработавшие свое проржавевшие трубы…

Один из сидящих впереди пленных неожиданно поднял руку и крикнул:

— Есть вопрос!

Все посмотрели в его сторону. Это был пленный офицер северокорейской армии весьма неприглядного внешнего вида. Будучи студентом педагогического института, в начале июля он был призван в Народную армию в качестве штабного офицера. С ним мне приходилось общаться с момента пребывания в Кансоне.

Вел он себя нескромно, стремясь обратить всеобщее внимание на свой офицерский чин. Если ты настоящий офицер, ты и в плену должен вести себя подобающим образом! Но он думал только о своей личной выгоде.

Уже знакомый нам полицейский спросил, какой вопрос он хочет задать. Пленный офицер ответил, что желает поподробнее узнать о продуктах и о том, сколько человек сможет пойти на рынок.

Полицейский ответил:

— Там продают несколько видов ттока: чальтток, тток с толченой фасолью, а также с растертыми соевыми бобами; яблоки сорта «ренет», груши, хурму, высушенные плоды хурмы, каштаны и другие овощи.

— А там есть какие-нибудь лекарства, стимулирующие сердечную деятельность?

— У тебя что-то болит?

— Нет, пока не болит, это на всякий случай.

Догадливый полицейский понял, что этот разговор пленный затеял только для того, чтобы присоединиться к идущим на рынок. Полицейский дипломатично сказал:

— Ну, тогда я разузнаю все на рынке, так что заказывай. Если не достану, то на эту сумму куплю тебе тток. На рынок я иду вместе с секретарем, который делает все необходимые записи и выполняет обязанности делопроизводителя. Есть другие мнения?

Сразу стало тихо. В последних словах полицейского можно было заметить признаки раздражения. Вместе с тем он обошел личный состав и достаточно мягко сказал:

— Хочу сказать откровенно. Вы должны ценить наше доброе отношение к вам. Если бы мы захотели отобрать у вас все деньги, сделали бы это, но мы так не поступаем, хотя вы бессильны перед нами. Это факт. Тем не менее при согласии других полицейских я взял эту работу на себя. Заодно хочу поблагодарить вас за доверие. Обстановка довольно сложная, и вы меня еще совсем не знаете, так как находитесь здесь недавно. Тем не менее вы поверили мне. За это вам еще раз спасибо!

Закончив речь, он, к моему удивлению, тихо сказал доверительным тоном:

— Ну, собираемся. Надо успеть до захода солнца, пока не закрылся рынок. — Он произнес эти слова так, как будто мы не пленный и полицейский, а давно знакомые, близкие люди.

Я, как человек, всю жизнь проживший в Северной Корее, был приятно удивлен той атмосферой, которую новый полицейский создавал вокруг себя. Не успел я опомниться, как тут же вокруг нас собралась толпа пленных, так что пришлось еще немного

задержаться, записывая их заказы. Полицейский делал вид, что якобы ничего не замечает, и продолжал курить.

Закинув на плечо заранее приготовленный пеньковый мешок, я вместе с полицейским тронулся в путь. Это был осенний вечер в середине октября, когда солнце уже лениво клонилось к закату. По дороге я отметил, что рост полицейского несколько выше, чем мне показалось сначала. Он вообще был крупного телосложения. Рост у него был такой же, как и у человека из Чиннампхо, который позавчера уехал от нас в штаб корпуса. При наличии внешнего сходства они отличались тем, что человек из Чиннампхо, как и другие жители провинции Пхёнандо, был несколько суетлив. И суета эта проявлялась без особой причины. С первого взгляда по комплекции можно было догадаться, что человек из Чиннампхо занимается регби или играет в футбол. Мой новый знакомый по природе своей был более добродушным и простым человеком, похожим на коренного жителя нашей страны.

Мы с полицейским вышли вдвоем, настроение у меня было хорошее. Еще впервые общаясь с военными полицейскими южнокорейской армии, я успел заметить, что они по телосложению крупнее, чем мы. Думаю, что это не случайно. Дело в том, что в Южной Корее в военную полицию призывали по специальному отбору. Прежде всего, кандидаты должны быть высокого роста и крепкого телосложения.

Кроме того, если сравнивать с северокорейской армией, солдаты и офицеры южнокорейской армии были старше примерно на десять лет. Это были уже зрелые люди. Северокорейская же армия в основном была укомплектована совсем зелеными молодыми людьми, подростками. Правда, в спешном порядке призывались и крестьяне старше тридцати лет. Но и они почему-то выглядели как десятилетние мальчишки перед военнослужащими южнокорейской армии. Я никак не мог понять, почему все они такие хилые и изможденные. Невольно даже возникал вопрос: может быть, богатые янки хорошо подкармливают южнокорейцев, поэтому они так отличаются от северян? Вместе с тем я подумал, что, должно быть, дело не только в питании; может быть, это зависит от политической системы. Так казалось на первый взгляд, но точного ответа у меня не было.

Однако настроение у меня было хорошее, потому что мы шли только вдвоем. Я даже ненадолго забыл о том, что являюсь пленным и нахожусь под надзором полицейского, от которого зависит моя судьба, жизнь и смерть.

Я с пустым пеньковым мешком на боку едва плелся за

полицейским, как нашкодивший младший братишка за старшим братом. Шел он мерно, поэтому я скоро оказался рядом с ним. И тут он тихо спросил:

— Сколько тебе лет?

— Мне девятнадцать.

— Так я и думал. Значит, учащийся старшего класса высшей средней школы?

— Да. — Чуть улыбнувшись, я заметил, что, мол, на севере страны говорят «средняя школа» вместо «высшая средняя школа». — Мы не употребляем слова «высшая средняя школа» потому, что так говорили японцы. А используем слова «полная средняя школа», как принято в Советском Союзе.

— Вот как. Значит, так вы решили искоренить пережитки японского империализма? — с легкой ироничной улыбкой спросил он, а затем добавил:

— А мне в этом году исполнилось двадцать девять.

Мне показалось, что он сказал так потому, что знал мой возраст. Он, видимо, считал, что так положено делать порядочным людям. Это был редкий случай, когда встречаются такие совпадения. Например, полицейскому из Чиннампхо тоже было двадцать девять лет, а Но Чжасуну, с которым вместе добирались до Ульчжина на Юг, — также девятнадцать и, наконец, мне — девятнадцать. Говорят, что число «19» нехорошее. «Может быть, и правда, это число несчастливое», — подумал я про себя.

В это время он снова заговорил:

— Вообще-то я жил на Кюсю. В июле этого года был мобилизован в качестве водителя грузовика. А родился я в Чханвоне, в провинции Кёнсаннамдо. Поработал немного водителем военного грузовика и перевелся на службу в полицию.

Я был так удивлен его откровенностью и доверительным отношением к подопечному пленному, что даже не знал, как реагировать на такое уважительное отношение ко мне. Я впервые за долгое время почувствовал дуновение свежего ветерка. Впрочем, его необычное поведение я заметил уже тогда, когда он в первый раз выступал перед нами.

Его речь как общественного лица перед нашим, пусть даже совсем маленьким, коллективом глубоко врезалась в мою душу. С того момента, когда он выступал в необычной для него роли, я подумал про себя, какую действительную пользу он мог бы принести строительству социализма на севере страны, где на официальном уровне происходит лишь бестолковая агитационно-пропагандистская шумиха. По сравнению с той отвратительной картиной, которую я наблюдал в течение пяти прошлых лет,

слова этого человека были искренними и естественными. Они вызывали доверие у слушателей.

Выходит, что даже в малой работе ее результат зависит от искреннего желания человека, который занимается этим делом в данный момент. В противном случае последствия могут быть плохими. К примеру, этот полицейский начал заниматься делом, за которое не осмеливались браться другие, потому что именно в данной обстановке оно являлось наиболее важным.

Надо сказать, люди нутром угадывают, искренне ли человек совершает свои поступки или же он поступает, исходя из корыстных побуждений. Разумеется, с ходу трудно разобраться в таком сложном вопросе.

Вот в такие мысли я был погружен. Вдруг полицейский, шедший рядом, спросил:

— Ты случайно не служил в одной части вместе с тем малым, который говорил, что является офицером Народной армии, и настойчиво интересовался пилюлями для сердца?

— Нет. Я впервые встретил его в лагере для военнопленных в Канныне.

— Какой-то странноватый он, — сказал полицейский.

Я слегка улыбнулся, так как не был готов к ответу. К тому же чутье подсказывало мне, что в такой неопределенной ситуации нельзя отвечать как попало, ибо в случае ошибки последствия могут быть непредсказуемыми.

Вместе с тем я знал, что об этом типе среди пленных ходили всякие разговоры. В частности, о нем говорили, что, несмотря на внешнюю привлекательность, он туповат и сам иногда не понимает, о чем говорит. Например, все знали, что он «штабной офицер», но при этом сам он распускал слухи о том, что является «командиром роты Культурного батальона». Поговаривали, что он даже не разбирается в служебных должностях.

Об этом «офицере» более подробно рассказал один человек, который вместе с ним служил в одном батальоне. Согласно его словам вырисовывается следующая картина. Однажды под натиском наступающей передовой части южнокорейской армии рассказчик что есть мочи бежал по меже рисового поля, как вдруг заметил в зарослях спелого риса медленно поднимающегося того самого офицера и страшно испугался. Но когда присмотрелся, то узнал в нем человека, с которым служил в одном батальоне. Продолжая удирать, очевидец сказал: «Товарищ офицер штаба, сейчас не время так прятаться. За этими холмами противник, преследующий нас!» В ответ офицер, подняв руку вверх, сказал: «Смотрите, как истребители утюжат каждый клочок земли. Куда идти?» Сказав это, он снова залег в середине рисового поля,

предлагая своему однополчанину бежать одному. А удирающий вдруг осознал, что вражеские самолеты действительно беспрерывно ведут обстрел с воздуха.

Через несколько дней рассказчик был пленен. Тогда же он узнал, что спрятавшийся в рисовом поле «штабной офицер» попал в плен даже раньше, чем он. При этом офицер делал вид, будто они не знакомы. После с его слов выяснилось вот что. Он продолжал лежать в рисовом поле до тех пор, пока не прошел передовой отряд наступающих, Потом через несколько часов прибыла тыловая часть, и он сдался в плен. А на деле это выглядело так. Его разбудили шум и крики проходящей мимо тыловой части, в этом шуме среди прочего раздавался и приятный смех женщины-санитарки в новой военной форме с сумкой на боку. Он тут же выскочил из кустов с поднятыми руками и сдался в плен. Решил, что лучше сдаться тыловикам, чем обозленным солдатам передового отряда. К тому же когда он услышал чарующий голос женщины, не выдержал и выбежал как чокнутый.

Этот человек не имел понятия о чести и достоинстве, поэтому рассказал, как бы шутя, о своих приключениях двум-трем людям из числа пленных. Однако вскоре об этой истории знали уже почти все в нашем подразделении. Так он стал известен среди нас как самая неприятная личность. Надо сказать, что интерес к нему со стороны полицейского, с одной стороны, вызвал во мне смех, а с другой — некоторое удивление.

Незаметно прошло время, мы оказались у входа на рынок, и наш разговор закончился. Собственно, рынка как такового не было. Торговля шла прямо на обочине дороги. Говорливые старушки в основном продавали продукты питания, разложенные в деревянных корытцах, эмалированных тазах и в другой посуде. На местном диалекте старушки громко зазывали покупателей:

— Пожалуйста, подходите. Уже поздно, базар закрывается, поэтому дешево продаем.

Я вытащил из кармана записи с перечнем продуктов, которые предстояло покупать. Я никак не мог сообразить, как покупать — то ли каждому отдельно купить в соответствии с заказом, то ли закупить всем вместе тток, хурму, яблоки, каштаны, а потом распределить их каждому в соответствии с затраченной суммой. В этот момент, наклонив голову в мою сторону, полицейский спросил:

— Что-нибудь случилось? Есть проблемы?

— Нет. Я просто не могу сообразить, купить ли каждому то, что тот заказал, или же закупить все вместе и отнести в общежитие. Ой, не в общежитие…

Сказав это, я невольно усмехнулся. Оказавшись вдвоем на рынке с этим человеком, я совсем забыл, что он полицейский южнокорейской армии, а я пленный солдат.

Я продолжал:

— Вернемся и каждому раздадим в соответствии с выложенной суммой…

Он в ответ несколько раздраженно сказал:

— Надо закупить все вместе. В мешке все равно все смешается.

Затем он обошел ряды бабушек и женщин, бросил на землю окурок и растоптал его каблуком. Одновременно, как бы возмущаясь, он тихо говорил:

— Никак не могу понять, как такое могло случиться! Когда смотришь, как живут эти люди, сердце кровью обливается. Наверно, в истории нашей страны не найдется больших злодеев, чем те, кто развязали эту войну. И в прошлом, и в настоящем люди вынуждены влачить нищенское существование из-за нескольких безмозглых мерзавцев, которые организовывали такие беспорядки в стране. Будь они прокляты, негодяи!

— Уважаемый полицейский, ачжубэни[33], пожалуйста, попробуйте этот тток. Совсем недавно приготовила, все еще горячий, смотрите, даже пар идет, — особенно навязчиво предлагала одна из старушек.

Полицейский мельком взглянул на деревянное корытце, в котором находилась всякая еда, накрытая платком, и быстро сказал мне:

— Побыстрее сделай подсчет по каждому виду еды. Посчитай, сколько будет стоить весь тток, вся хурма, каштаны. Чальтток и сирутток посчитай поровну.

Я быстро начал подсчеты по покупкам, а он вплотную подсел к одной старушке, попробовал еду из корытца и начал торг:

— Вы предлагаете купить всю еду? Хорошо было бы, но вот денег не хватает.

Но старушка все уговаривала:

— Я, конечно, не знаю, сколько человек будет кушать, но этого мало. Молодые должны есть много.

— Мы тоже так считаем, но для этого нет возможности. Здесь не место для такого разговора, — ответил он.

Посчитав сумму, затраченную на тток, яблоки, хурму и каштаны, я положил всю еду в мешок. Тток сложили отдельно в большой таз из латуни, который на время одолжили у одной продавщицы. Хозяйке сказали, что посуду можно будет взять обратно через два-три часа под навесом около железнодорожного вокзала. Я решил было, что ноша будет тяжелая, но, когда

накинул мешок на плечо, оказалось, покупки гораздо легче, чем я думал.

Торгуясь, полицейский проявлял излишнюю щепетильность, поэтому старушки клали ему чуть больше, чем положено ттока, каштанов, груш. Эти добавки он тут же отдавал мне, и я с удовольствием ел, например, чальтток, обмазанный кунжутным маслом. Он даже спросил у одной старушки, нет ли у нее средства, стимулирующего сердечную деятельность, что вызвало у продавщиц громкий смех.

— Ну, теперь идем, солнце уже село, — сказал мой начальник. Он шел впереди, а я тащился сзади с мешком. Дойдя до какого-то переулка, он мельком посмотрел на меня и сказал:

— Мне нужно кое-куда заглянуть, к вокзалу вернемся позднее.

Недавно, по дороге к смотровой площадке «Объединения», я ненадолго останавливался в Кансоне, чтобы пообедать. Тогда я стал вспоминать, где же раньше находился этот переулок. Полагаю, что где-то рядом с теперешним уездом Косон. Теперь эту территорию расширили и сравняли вровень с большой дорогой. Пятьдесят лет назад, чтобы попасть в этот переулок, надо было идти по крутому склону с правой стороны холма.

Полицейский тихо открыл плетеную калитку крестьянского дома, окруженного изгородью, и вошел в узкий дворик, где старик в старенькой одежде, сшитой из конопляного холста, большим веником подметал двор. Хотя уже опустились сумерки, можно было заметить, что двор был чистый, но старик все равно убирал его. Подумалось, что он это делает, чтобы убить время.

Заметив вошедшего человека, старик поднял голову. Полицейский спросил, дома ли мать. Удивленный старик, хоть и не понимал, о какой матери идет речь, недовольно ответил, что она на кухне. Гость для проформы сказал:

— Что она может делать на кухне одна в такой темноте, без света?

Услышав голоса, хозяйка вышла из кухни во двор. Хотя было довольно темно, я успел заметить, что это была высокая и стройная женщина с широким лицом. Одним словом, ее можно было назвать привлекательной женщиной, в отличие от невзрачного старика.

Приятным звонким голосом она приветствовала гостя:

— Ой, это ты? Почему в такое позднее время? Что-нибудь случилось?

Я был удивлен тем, что они общались между собой как мать и сын. Ведь совсем недавно полицейский говорил, что в июле сего года был мобилизован с японского острова Кюсю водителем

военного грузовика и что родился он в провинции Кёнсандо. Невольно я задался вопросом, какое же отношение он имеет к этому дому. К тому же южнокорейские войска, двигаясь на Север, покинули эту местность совсем недавно, примерно неделю назад.

Не успел я сообразить, в чем дело, полицейский со скрипом раздвинул дверцы и вошел в комнату. Совершенно непринужденно, как своей родной матери, он сказывал о разных своих делах и вдруг спросил:

— Почему так рано вечером закрываете двери?

— Не рано. Праздник Чхусок{24} прошел уже полмесяца назад. Скоро наступит зима. Кроме того, какие дела могут быть у двух стариков ночью? Зачем держать двери открытыми?

— Разве в этом доме живут только старик со старухой? А куда девались два сына?

В это время за спиной полицейского она заметила еще одного гостя, но промолчала, делая вид, что ничего не видит.

— Принесите, пожалуйста, еду на одного, если осталось что-нибудь после ужина. Не для меня, а для одного парня, который служил в северокорейской армии. Он почти ровесник с вашим вторым сыном. У нас мало времени, поэтому принесите, что имеется.

— Чёрт побери! Это солдат Народной армии? — взволнованно воскликнула женщина и выбежала с кухни во двор. В то же время дед с козлиной бородкой, наоборот, пошел в дом. Убедившись, что этот молодой человек не их сын, он вернулся во внутренний двор.

— Ладно. Старик только что вернулся с вечеринки по случаю шестидесятилетия со дня рождения одного соседа, так что он не стал ужинать. Поэтому остался рис, хоть он немного и остыл, — сказала она, глядя на меня. Затем продолжала:

— Кстати, недавно поползли слухи о том, что в деревню прибыла группа северокорейских военнопленных. Многие семьи интересовались, нет ли среди пленных их родственников.

— Их можно понять. Ведь из каждой семьи забирали молодых людей в армию, чтобы быстрее добраться до Пусана, затем в Сеуле 15 августа отпраздновать День Победы. Негодяи были абсолютно уверены в этом! — ответил полицейский, а затем добавил специально для меня:

— Ну, заходи, немного перекусим. Не беспокойся. И в этой семье в июле забрали двоих сыновей в Народную армию. Никто не знает, живы они или нет. Не стесняйся, они поймут тебя.

Затем тихо, не спеша стал рассказывать историю своей жизни:

— В прошлом и на мою долю выпало немало невзгод. Когда

мне было чуть больше двадцати, я скитался по Японии, Маньчжурии и другим местам, набираясь жизненного опыта. На чужбине одному всегда очень трудно, поэтому надо иметь хороших знакомых, которые могли бы поддержать при необходимости. В твоем возрасте, конечно, трудно все это представить. Иногда в свободное время мне приходилось бывать у этих старичков, оба сына которых служили в армии. Они угощали меня вкусным, горячим супом, заправленный соевой пастой. После голодного армейского пайка я наслаждался этой домашней едой и таким родным кисловатым старческим запахом. Так, возможно, устроена наша жизнь. Иногда лучше быть неискренним, чем говорить правду. Например, когда я лицемерно называю ее «мамой» и подлизываюсь к ней, то она для виду вроде бы отчитывает меня, говоря, что, мол, солидному двадцатидевятилетнему человеку нельзя вести себя так несерьезно. Однако в душе своей она радуется, ей это нравится. Ты понимаешь, о чем я? Хотя… даже если и понимаешь, в твоем возрасте трудно так поступать. Ну, садись. Сейчас принесут еду. Ешь, не стесняйся.

В конце рассказа его голос звучал как-то слабее, и я посмотрел на него. Он уже лежал на боку, положив голову на согнутую в локте руку, и погружался в глубокий сон.

Комната была размером около четырех квадратных метров. Это была обычная комната старого крестьянского дома с соломенной крышей. Потолок был так низок, что, резко встав, можно было стукнуться об него головой.

Я подумал о хозяине дома. Он казался каким-то угрюмым и странным. Когда мы вошли во двор, он, увидев нас, лишь одним словом ответил на наш вопрос и продолжал ходить вокруг дома. Как будто его ничто не интересовало. Пожалуй, полицейского южнокорейской армии и этот дом связывала только старушка. Я никак не мог понять причину их сближения. Южнокорейские войска заняли эти места всего лишь неделю назад, в октябре, и за такой короткий срок между ними установились настолько тесные отношения. Мне сложно было поверить в это. Окончательно запутавшись в своих мыслях, я в задумчивости сидел, прислонившись к стене.

Хочу сказать, что первое выступление этого полицейского перед нами, пленными, произвело приятное, свежее впечатление. Однако после его рассказа я слегка охладел к нему. Вместе с тем все его слова были искренними, правильными. Может быть, действительно надо помнить его слова, находясь на чужбине? Но когда я увидел, как этот человек и старая хозяйка балагурят, у меня сложилось совсем другое мнение и возникли некоторые

вопросы. Пусть даже он приобрел эти навыки общения с людьми, как говорится, пройдя огонь, воду и медные трубы. Что ж, взрослый двадцатилетний мужчина, военный полицейский сумел найти общий язык с пожилой хозяйкой дома, но все равно непонятно, как за такое короткое время, в течение одной недели, пока здесь были дислоцированы южнокорейские войска, они могли так сблизиться. Возникают и другие вопросы, на которые трудно ответить. Однако я не думаю, что между этими двумя людьми были какие-то порочные отношения. Наоборот, полагаю, у них были самые нормальные человеческие связи. По словам того же полицейского, на такие дружеские отношения способен не каждый человек, а лишь тот, кто расположен к этому.

В этой связи хочется сказать, что находятся люди с таким высоким самомнением, что даже не думают о том, к каким тяжким последствиям могут привести их поступки. Полагаю, что к такой категории людей относятся те, кто в 1990-х годах любыми способами стремился занять выгодное положение в нашем обществе, в частности попасть в Национальную Ассамблею 15-го созыва[34]. Большинство из них не останавливалось ни перед чем для достижения своих корыстных целей.

Конечно, это ретроспективный взгляд человека на южнокорейское общество 1990-х годов; на то общество, в котором я прожил более пятидесяти лет. А тому молодому человеку, каким я был в девятнадцать лет, не могла прийти в голову подобная мысль. Тогда у него были какие-то свои взгляды на жизнь…

Побалагурив немного и велев старой хозяйке принести ужин, военный полицейский тут же, ни о чем не думая, крепко заснул. Глядя на эту картину, я почувствовал, что разочаровался в этом человеке.

Примерно через шесть-семь минут со стороны внутреннего двора послышались шаги, затем бесшумно приоткрылись двери, и показалась хозяйка с ужином на маленьком столике. Я отодвинулся от стены и уселся как следует. Лампочка была слабой, в комнате было темновато. Тем не менее я успел заметить, что хозяйка дома выглядела намного моложе своего мужа, старика, с которым мы встретились, когда вошли во двор. Это была женщина хорошего телосложения, широколицая, осанистая. Одним словом, она производила впечатление вполне здоровой зрелой женщины.

— Вот это да! Заставил старого человека приготовить ужин, а сам дрыхнет. Что за манеры! Эй, дядя, пора вставать, — сказала она шутливым тоном и поставила посередине комнаты столик с ужином. В это время она впервые посмотрела мне прямо в глаза и тихо сказала:

— В нашей провинции Канвондо готовят рисовую кашу с картошкой или же кашу на пару из чумизы. Я немного замешкалась, но тут как раз дали электричество, и я успела приготовить суп из головы сушеного минтая в томатном соусе. Закуски нет, так что ешь супа побольше.

Она присела с другой стороны стола и тихим голосом заговорила:

— Где же ты родился? Извини, что говорю на «ты». Присмотрелась поближе и подумала, что моему младшему сыну примерно столько же лет, что и тебе. Поэтому поневоле так получилось.

— Я родился в Вонсане.

— Значит, в одной с нами провинции Канвондо. Когда же ты ушел в Народную армию?

— Седьмого июля этого года.

— Значит, раньше на три дня, чем мой младший сын. Его забрали третьего. До какой местности дошел?

— До Ульчжина, что на Юге.

— Стало быть, ты воевал против них и попал в плен. Теперь я понимаю, как ты оказался в руках этого человека. Может быть, и наш сын, и другие дети нашей страны тоже находятся в таком же положении. — Сказав это, она быстро посмотрела на спящего полицейского с явным выражением досады.

Ведь совсем недавно они болтали о всякой всячине, а теперь в ее глазах застыло глубокое чувство вражды. Я был удивлен таким поворотом событий. В этот момент уснувший ненадолго полицейский, словно по сигналу, зашевелился, стал дышать тише, а затем медленно поднялся и сел, обхватив руками колени. Вид у него был такой, как будто он услышал всё, что говорила хозяйка, и готов согласиться с ее словами; весь его облик словно просил прощения за совершенное преступление.

— Я думаю, что твоя мать тоже сейчас очень тоскует по тебе. Как тяжело растить детей, столько переживаний! Наверно, каждый день и утром и вечером твои родные молятся за тебя. Если ты еще жив и находишься здесь, знай, что это благодаря молитве твоей матери. Как хорошо было бы, чтобы и наш сын сейчас был жив, как ты. Ой, я не должна так жаловаться. Хватит. Давай, ешь, а то суп остывает. Я буду как будто кормить своего сына.

Она стала тихонько вытирать слезы. В этот миг мне стало так плохо, что я не смог сдержать себя и громко заплакал. Впервые за долгое время я сидел за обеденным столиком, пусть и с кривыми ножками. Мне хотелось выпить прохладной воды из латунной чашечки, но в горле стоял ком.

Я был глубоко взволнован, но понимал, что нельзя понапрасну тратить время, и надо есть всё, что находится на столике, — кимчхи из молодой редьки, чеснок и красный неспелый перец с острой соевой пастой, еще совсем горячий суп, заправленный соевой пастой, кашу из чумизы, и с удовольствием запивать всё это прохладной водичкой. Но я никак не мог дотронуться до еды и продолжал плакать.

Хозяйка успокаивала меня как могла:

— Ну, хватит плакать. Ты ведь знаешь, твои родные ждут не дождутся тебя. Я хорошо понимаю, как ты страдаешь, но кушай. Мне кажется, что я сижу со своими младшими братьями. Если тебе девятнадцать, то у тебя с ними разница в десять лет. Этот Ким Ирсен, развязавший такую страшную войну, заслуживает самого страшного наказания.

Даже не припомню, чтобы я когда-нибудь так горько плакал. Плача и всхлипывая, я все же взял ложку, палочки и принялся за еду.

Хозяйка продолжала успокаивать:

— Выпей холодной водички. Успокойся и ешь спокойно. Жуй хорошенько, чтобы пища хорошо переварилась. Каждый человек в чужих краях должен прежде всего заботиться о себе. И ты сейчас находишься тоже как бы на чужбине.

Далее хозяйка и полицейский продолжили свой разговор…

— В самом деле, куда мы будем их доставлять? Надо было везти их из Чумунчжина до Пусана на корабле.

— Вообще-то и сверху сначала тоже так думали. Но это оказалось невозможным по ряду причин. Прежде всего — нет корабля. А доставлять их по суше из Каннына через Самчхокские холмы — дело рискованное. Дело в том, что вдоль побережья Восточного моря еще находится довольно большое войско разбитой северокорейской армии, в том числе из Нактонганского фронта. Они могут отбить у нас пленных. Но это не самое главное — мы сами можем оказаться в плену.

— Но куда их девать в таком случае? Что делать с ними? Вот ведь в какое неприятное положение попали!

— Да, никто не знает, что делать. К тому же и с погодой не повезло — надвигающиеся осенние дожди ничего хорошего не сулят.

— Да, ничего хорошего они не принесут. Вот влипли в историю. Сейчас наши передовые части успешно продвигаются на Север, стремясь первыми дойти до горы Пэктусан, а мы оказались в таком дерьме. То-то капитан Ким и не смог придумать ничего лучшего и принял в Канныне такое решение. Полагаю, что у него

тоже не было четкого плана действий. Даже при самом поверхностном рассмотрении положение этих ребят не соответствует статусу военнопленных по Женевской конвенции. Поэтому при желании мы можем делать с ними все что угодно, безо всяких последствий. Об этом никто открыто не говорит, но все догадываются. Как назло и погода отвратительная — целый день идет дождь. Просто не знаю, как избавиться от этих типов. Может быть, завести их куда-нибудь в глухое место и разом всех укокошить? Так, чтобы не осталось никаких следов… Капитан Ким был того же мнения, но он не мог говорить об этом открыто. Однако мне показалось, что он закроет глаза, если мы сделаем это без его ведома.

— Ой, если даже это необходимо, как можно так поступать с людьми одной с нами нации? В таком случае не избежать небесной кары многим поколениям.

— Это верно. Я разве против? Как человек может так поступать? Но какой же выход? Голова идет кругом…

— Коли так, то без особого рассуждения надо двигаться на Север. Доберемся до штаба дивизии, который находится в Вонсане, а там будет видно… Однако оттуда дороги на Север уже нет.

— Зато там много длинноносых суденышек, поэтому можно будет что-нибудь придумать.

— Вот только далековато это от здешних мест. Раньше я всегда говорил, что от Вонсана до Косона триста ли, затем от Косона до Каннына — еще триста, и в общей сложности — шестьсот ли. Люди говорят, что это самые красивые места нашей страны. Так рассказывали в счастливые минуты жизни. А теперь, в сегодняшней обстановке, не до красот…

— В общем, нечего долго рассуждать. Если среди них найдется какой-нибудь храбрый тип, сделаем его зачинщиком. Он поведет людей в какое-нибудь глухое место, которое мы укажем, а мы будем спокойно следовать за ними. Там их всех и перестреляем. Другого выхода у нас нет. Только так мы сможем избавиться от них…

Так полицейские чины неторопливо и равнодушно замышляли планы своих гнусных действий, а мы, пленные, находясь недалеко от них, все это слышали…

По милости новых полицейских, пришедших на смену прежним, мы пробыли в Чумунчжине некоторое время. Затем, пообедав колобками сушеного вареного риса, во второй половине дня мы тронулись в путь. Дни стали короче, и, когда мы прибыли в Ингу, было уже темно.

Мы остановились недалеко от большой дороги в актовом зале

народной школы[35], где и переночевали. Здесь нас встретили так же, как и в других местах — весьма недружелюбно. По дороге из Каннына с нами случались постоянные неприятности, и мы постепенно привыкали к тому, что иногда жители очередного населенного пункта забрасывали нас камнями и кричали, что надо убивать «негодяев из северной армии». В таких случаях полицейские делали вид, что унимают разбушевавшихся людей. Однако разъяренные толпы все же успокаивались. Какие-либо действия против мнимых защитников пленных — полицейских — не допускались.

Кроме того, продвигаясь на Север как пленные, мы уже привыкли к тому, что население южнее 38-й параллели относится к нам как к преступникам. Многие люди искренне считали, что беззащитные пленные должны расплатиться за всё. Мы принимали недружелюбное отношение к нам как должное.

Переночевав в Ингу, мы пошли на север к 38-й параллели. Здесь отношение к нам со стороны местного населения было совсем другим. Прежде всего, это было заметно по еде: значительно увеличилась порция вареного риса с разными приправами. Если на южной стороне в качестве приправы подавалась только соль, то теперь на обеденном столе лежали разные соления из капусты и редьки. Нам даже давали по одному минтаю на двоих. Несмотря на такие перемены, никто из нас не обронил ни слова — все как один прикидывались равнодушными и вели себя очень сдержанно. Пожалуй, исключением был Штабной Офицер, которого теперь стали называть Штабным Офицером Колонны. С тех пор как он получил среди нас такое прозвище, он выглядел еще более смешным и почему-то чаще попадался людям на глаза. Его бесцеремонность и скандальное поведение становились все заметнее. Порой он вел себя очень нагло: во время обеда настойчиво требовал, чтобы ему дали голову рыбы. Получив ее, продолжал капризничать и не хотел отдать вторую половину минтая соседу по столу.

Судя по его поступкам, можно сказать, что он был совсем глупым и несмышленым ребенком. Однако если принимать во внимание ту непростую обстановку, то в его поведении можно было заметить и какие-то разумные начала, так что невозможно сделать однозначного вывода об этом человеке. В одних случаях он вроде походил на офицера, но, попав в другую обстановку, превращался в неразумного и глупого сопляка.

На пути к Северу мы проходили мимо разных деревень и ночевали в домах местных жителей по договоренности полицейских с руководителями местной администрации. Надо сказать, что к северу от 38-й параллели обстановка была более

спокойная, чем южнее. На первый взгляд казалось, что изменений никаких нет. В некоторых населенных пунктах на своих постах даже оставались прежние председатели уездных народных комитетов Народной Республики. Надо сказать, что при столь кардинальных переменах в политической жизни такую должность мог у нас занять только человек, обладавший абсолютным доверием большинства жителей деревни. Помимо того председатель должен был являться членом Трудовой партии в должности секретаря сельского комитета. Пришло другое время, пути назад уже не было. Затаив обиду, такие люди, как этот председатель, вынуждены были мириться со своим теперешним положением. И полицейские, наблюдавшие за ними, знали их настроение, но не очень-то интересовались ими. В частности, так поступили и с упомянутым председателем уездного комитета. Разобравшись в реальной обстановке, полицейские пришли к выводу, что этот человек не будет обманывать и скрывать свое прошлое. В самом деле, когда его спросили, чем он занимался при северокорейском режиме, он прямо отвечал, что был председателем сельского комитета. А на вопрос, был ли он членом Трудовой партии, председатель четко ответил, что да. Более того, еще и сам уточнил, что являлся секретарем сельского комитета Трудовой партии. После такой откровенности обстановка становилась довольно щекотливой. Выполняя свои обязанности, он ежедневно связывался с партийной, профсоюзной и женской организациями. Кроме того, он направлял деятельность многочисленных органов местных государственных структур, испытывая постоянное давление со стороны вышестоящей власти. Все трудности он переносил молча, незаметно для чужих глаз; он искренне болел душой за свое дело, за развитие родного села. И жители села это знали и высоко ценили его работу. По идее, после прихода южнокорейских войск на него должны были надеть кандалы, но он не только избежал этого, но, наоборот, по-прежнему оставался председателем народного комитета, потому что завоевал исключительное доверие людей. Он остался на прежней должности благодаря своему благородству, искренности и порядочности.

Вместе с тем следует отметить, что никто достоверно не знает, сколько было подобных населенных пунктов, где сохранялась такая форма управления после прихода южнокорейских войск.

Деревня, в которой мы остановились, чтобы немного отдохнуть и попить холодной воды, находилась в глухом ущелье и состояла из шести-семи домишек, крытых соломой. Выглядела она настолько убого, что даже трудно назвать ее деревней. Вот

здесь мы встретились с таким председателем. Если происходили какие-то события, то он как председатель всегда был в центре внимания, потому что он руководил всем. По его указанию женщины принесли кувшины с вкусной холодной водой, хорошо известной во всей округе.

После короткого разговора с председателем, полицейские закурили. Казалось, что они не хотели поставить его в неловкое положение какими-то случайными неудобными расспросами и другими непредвиденными обстоятельствами. Все это чувствовали и потому молчали.

Именно в такой неподходящий момент Штабной Офицер, находившийся среди нас, задал председателю довольно щекотливый вопрос:

— Что вы делали в Народной Республике? Речь идет о событиях десятидневной давности. Судя по всему, похоже, вы не все время жили в этой глухомани.

С легкой, добродушной улыбкой председатель ответил:

— Я всегда жил в этой деревне.

Штабной Офицер не унимался и продолжал:

— Вот как! Не похоже. Тогда чем вы занимались в этой деревне?

— Я занимался сельским хозяйством.

— А какую должность занимали?

На мгновение лицо председателя словно застыло: было видно, что он чувствует себя неловко. Собравшись, он ответил:

— Я был председателем сельского народного комитета. Это маленький населенный пункт, поэтому, кроме меня, никто не мог занять эту должность.

Воцарилась тишина — как будто все в рот воды набрали, а Штабной мельком взглянул в сторону полицейских. Те продолжали курить и, конечно, слушали разговор между двумя людьми, но никакой реакции с их стороны не было. Вид у них был совершенно равнодушный.

Штабной продолжал:

— Значит, вы были и членом Трудовой партии?

— Да. Одновременно я был и секретарем партячейки. Селение-то маленькое, — ответил председатель, слегка улыбаясь.

— И после прихода южнокорейских войск продолжаете оставаться председателем местного народного комитета?

— По этому поводу я ничего не могу сказать. Я продолжаю занимать эту должность по волеизъявлению взрослого населения деревни.

— Что за взрослое население?

— Это старшие по возрасту жители деревни.

Штабной недовольным голосом продолжал спрашивать:

— А где вы учились?

— Я окончил Хамхынский пединститут.

Хотя на лице отвечающего по-прежнему была чуть заметная улыбка, в том, как в уважительной форме он произнес слово «окончил», можно было заметить легкую иронию.

— Чем вы занимались при японцах до освобождения страны?

— Был учителем начальной школы.

Штабной вновь посмотрел на полицейских и, снова не заметив реакции с их стороны, с недовольной физиономией продолжал:

— Ведь этот человек был членом Трудовой партии и председателем народного комитета в прошлом, а теперь, после прихода войск Национальной армии, продолжает оставаться на этой должности. Как это возможно!

Штабной Офицер орал во всю глотку, как будто совершил какой-то подвиг.

В этот момент с места быстро поднялся полицейский, который вчера вечером сопровождал меня до рынка в уезде Кансон. Он бросил на пол окурок и стал топтать его подошвой армейского сапога. Теперь он командовал нами вместо тех полицейских, которые вели нас от Чумунчжина. Надо сказать, что он выполнял свои обязанности честно и очень аккуратно. Выпрямившись во весь рост, он несколько раздраженно скомандовал: «Встать, уходим!»

С недовольным видом, прямо глядя в лицо Штабного, он проворчал:

— Это дело касается только вас. Мы, полицейские, обязаны лишь доставить пленных до места назначения. Мне хотелось бы бросить тебя здесь, чтобы ты занялся делом председателя народного комитета, но, к сожалению, я должен забрать тебя с собой и довести до места назначения. Такие негодяи, как ты, приносят нам дополнительные хлопоты и лишнюю головную боль. Это мне совсем не нравится. Это ваши внутренние проблемы, и мы не имеем к ним никакого отношения, так что разбирайтесь сами. Ну, хватит, пора в путь!

Не забыл военный полицейский попрощаться и с худощавым председателем народного комитета. На прощание он сказал ему:

— Спасибо за вкусную водичку!

Председатель реагировал спокойно и также ответил вежливым тоном. Что касается Штабного, то какое-то время он пребывал в смущении, но вскоре справился с ним.

Итак, к северу от 38-й параллели нас встречали совсем по-другому, нежели южнее. Отношения были самые

благожелательные. Прежде всего мы заметили, что в деревнях совсем не было молодых людей. Встречались лишь седовласые старики и старушки, редко — люди средних лет. Окружив нас, они осторожно задавали всякие вопросы, явно сочувствуя нашему положению «пленных». Кроме того, всюду царила возбужденная атмосфера вдохновения — люди только что освободились от тирании и страха. В этом отношении здешняя обстановка намного отличалась от той, которая наблюдалась южнее 38-й параллели.

Конечно, полицейские тоже это замечали, но делали вид, что ничего не видят, притворялись равнодушными. Надо отметить, что и пожилые, и молодые женщины нисколько не огорчались тому, что на их глазах гибнет Народная Республика. Однако все они думали о молодежи, которую забрали в Народную армию. По сути дела, простые люди совершенно равнодушно относились к судьбе Народной Республики даже в тот период, когда она какое-то время развивалась довольно успешно. По всей вероятности, это объясняется тем, что людям надоело слушать бесконечную пропагандистскую шумиху, навязываемую сверху. И в данном случае эти люди хотели лишь одного — узнать о судьбе своих сыновей и внуков, мобилизованных в армию. Они хотели получить от нас, пленных, хоть какие-то весточки о своих детях, ушедших на войну. Они следовали за нашей колонной, а когда мы останавливались, то, окружив нас, наперебой расспрашивали. Вот некоторые из этих вопросов:

— Эй, ребята, где вы находились в последнее время, до какой местности дошли?

— Среди вас есть кто-нибудь из 87-го полка? Наш сын должен быть там…

— Вы тоже были на реке Нактонган? Говорят, что в Пхохане происходили ожесточенные сражения. Много было жертв?

— Среди вас случайно нет человека по имени Ким Ису? В этом году ему исполнится двадцать четыре года…

— Если кто-то служил в 8-й дивизии, поднимите руку и посмотрите на меня. Никто не знает человека по имени Ким Марён?

Какая-то седая старушка в отчаянии спрашивала:

— Вы случайно не встречались с нашим Кибеки? Если кто-то знает, откликнитесь, пожалуйста!

Некоторые даже пробивались в колонну пленных. Как ни странно, полицейские относились к действиям женщин совершенно спокойно, даже снисходительно. Хотя некоторых из них иногда приходилось выносить из колонны на руках, так как они мешали движению колонны. При этом полицейские не проявляли никакого недовольства, не возмущались и делали свою

работу словно механически. Казалось, что в душе они понимают этих несчастных бабушек и матерей. Я поневоле задумался над увиденным, искренне сочувствуя этим несчастным женщинам. Мне показалось, что полицейские аккуратно выполняли свои обязанности, одновременно проявляя настоящие человеческие качества. Подобную картину я никогда не встречал в Северной Корее за последние пять лет пребывания в ней. Там действовала командно-административная система, и вся жизнь была наполнена агитационной пропагандой. Из той жизни совсем исчезли традиционные человеческие ценности, царила атмосфера хаоса. Одним словом, нормальная жизнь в том мире была невозможна.

К вечеру мы добрались до уездного городка Косона. Наша команда была размещена в здании местного театра, в самом центре города. Здесь мы оказались в более строгой обстановке, чем в предыдущие дни. Так, в Кансоне нас охранял только один полицейский, теперь же за нами следил целый отряд полицейских в полном обмундировании. Однако нас беспокоило не столько большее количество полицейских, сколько то напряжение, которое мы ощущали на новом месте. Без особых усилий можно было заметить, как суетятся и нервничают полицейские. И надзиратели, доставившие нас из Чумунчжина, вдруг куда-то исчезли, не было никакой процедуры сдачи и приема пленных, как раньше.

Особое подозрение вызывало именно столь быстрое исчезновение сопровождавших нас полицейских. Раньше после сдачи военнопленных на очередном пункте приема, как правило, пленные и сопровождавшие полицейские душевно прощались, говоря друг другу теплые слова прощания: «до свидания» или «пока». И это не удивительно: за то время, пока мы все вместе несколько дней добирались из Чумунчжина до Косона, полицейские и пленные успели привыкнуть друг к другу. Можно сказать, что между нами появилось какое-то чувство привязанности. И вдруг такая резкая перемена, которая не могла не насторожить нас, пленных.

У всех было одинаковое тревожное настроение, но никто не стремился разобраться в происходящих событиях, мы молчаливо ждали какой-то развязки. Возможно, каждый понимал, что в этот момент лишние слова совершенно неуместны, а может быть, и опасны.

Возможно, к такой внезапной перемене обстановки имели отношение и следующие обстоятельства. Когда нас поместили в театр, с левой стороны, на самых крайних местах для зрителей, мы заметили людей в гражданской одежде. Их было более

двадцати человек. Это были местные красные, которые либо не успели эвакуироваться, либо не захотели отступать. Вид у них был очень неприятный, жалкий. Особенно среди них выделялся человек с вывернутой челюстью. Может быть, он повредил ее дома, когда происходила облава, или здесь, когда слишком широко открывал рот, зевая. Однако ни полицейские, ни пленные не обращали никакого внимания на раненого. Им было не до этого человека, так как обстановка была слишком напряженная. Вместе с тем, как ни странно, именно этот случай помог мне лучше разобраться в происходящем вокруг.

Арестованные местные красные также чувствовали, что обстановка накаляется, но молчали, будто не происходит ничего особенного. Они делали вид, что не замечают и человека с разбитой челюстью среди них, — им также было не до него в той напряженной обстановке. И все же нашелся один из них, кто робко заметил, что надо бы сделать что-нибудь для оказания помощи несчастному. Остальные тоже так думали, но считали, что этот вопрос нельзя ставить решительно. Я тоже так подумал, когда вошел в театр и увидел раненого и людей вокруг него. Одним словом, я стал немного разбираться в той ситуации, которая сложилась к тому времени. Однако в тот момент я не мог рассуждать спокойно, как сейчас. В голове путались различные мысли. Вообще, может быть, человек живет не логикой, а чутьем, догадками? Кто знает? Может быть, мы сейчас находимся на краю пропасти и не знаем, что будет с нами этой ночью?

На улице стало темно, а внутри здания театра горела электрическая лампа, излучая тусклый желтый свет. На подносах, сделанных из бамбуковых ветвей, принесли ужин. В Кансоне нам дали на завтрак горсть вареного риса с солью, и после мы целый день ничего не ели. Конечно, мы были очень голодны, но никто не обращал на это внимания. Мы были заняты другими мыслями.

К нашему удивлению, ужин был довольно «богатый». Нам принесли большую порцию вареного риса и по одному вяленому минтаю каждому. Казалось, что здесь о нас проявляют прежде не виданную заботу. Однако никто не радовался этому. Наоборот, каждый про себя думал, почему вдруг проявляется эта неожиданная забота, которая на самом деле не радует, а вызывает непонятную тревогу. Поэтому в зале стояла гнетущая тишина. На лицах людей была заметна тревога.

С первого же момента размещения в здании театра нас разделили на три группы. С левой стороны зрительного зала сидели красные — ответственные работники партийных или административных учреждений, среди которых находился и человек с разбитой челюстью. Их было человек двадцать. Они

были одеты в ватные брюки, плащи, в черные пальто и в другую гражданскую одежду. Чуть поодаль от них, на втором ряду, разместились только что прибывшие из Кансона в Косон пленные северокорейской армии в количестве тридцать пять — тридцать шесть человек, все еще в военной форме, кроме меня. Среди них были три-четыре офицера, в том числе Штабной. На правой стороне зрительного зала ждали своей участи так называемые добровольцы, в основном одетые в летнюю крестьянскую одежду, — они были в штанах и рубашках из одного слоя ткани. Правда, некоторые из них были и в военной форме. Этих добровольцев было тринадцать или четырнадцать. Если бы несколько дней назад во время марша не был расстрелян человек из Самчхока, наверно, сейчас он также сидел бы среди этих добровольцев на правой стороне зала.

Кажется, прошло минут десять после ужина. Неожиданно посреди театральной сцены появился худощавый офицер Национальной армии. Он был небольшого роста, в больших черных очках, похожих на маску. Офицер негромко сказал:

— Сейчас я назову фамилии тех, кто должен сразу подняться сюда, а затем следовать моим указаниям.

Посмотрев на людей в ватных брюках и куртках, он стал называть их фамилии и имена. Те быстро вскакивали с места и поднимались на сцену. Между ними и офицером происходил краткий разговор, они обменивались двумя-тремя фразами. Хотя четко не было слышно, но можно было догадаться, что офицер уточнял их биографические данные. Например, он выяснял, чем занимался тот или иной человек в Народной армии, как долго он там служил, сколько лет ему исполнилось и прочее. После этого каждый удалялся налево, где его ждал сержант или солдат для сопровождения на задний двор театра.

Вся эта процедура, совершаемая по указке сверху, происходила быстро, вскоре ряды сидевших в зале поредели. В числе вызываемых был и человек с разбитой челюстью. Он также быстрыми мелкими шажками поднимался на сцену. Над его комичными движениями в мирное время сослуживцы могли бы посмеяться, но в данное время им было не до смеха. Наоборот, его вид вызывал ужас.

Настала очередь для военнопленных северокорейской армии. Офицер, глядя на клочок бумажки с записями, обращаясь к залу, сказал старательно, с каким-то усердием:

— По мере вызова поднимайтесь ко мне, затем отходите в другую сторону, то есть в противоположную, вон туда.

Наконец дошла очередь и до меня. Как и другим, он задал мне стандартные вопросы: сколько мне лет, где я живу и в какой

школе учился. Я ответил кратко и по существу. После допроса пошел направо, как он требовал. Там солдат с карабином грубо схватил меня под руку и потащил на задний двор.

Он отодвинул черную занавеску, которая прикрывала заднюю дверь театра. За дверью начиналась деревянная лестница, по которой мы спустились вниз.

Уже чувствовалась прохлада октябрьской ночи. При расставании с Но Чжасуном в горном ущелье я снял военную форму и переоделся в легкие брюки и тонкую куртку. Внутри здания мы согревались, плотно прижавшись друг к другу. Но когда я оказался на улице, холод стал пробираться под мою легкую крестьянскую одежду.

Постепенно мои глаза привыкали к темноте, и вскоре я даже разглядел ограду вокруг театра. Она была похожа на деревянный забор темного цвета. Скорее всего, мы находились не на заднем дворе, а в узком угловом пространстве с задней стороны театра. Там уже была одна группа, которая вышла раньше нас. На мокрой земле люди не могли сидеть вытянув ноги или на коленях. Они сидели на корточках, как бы полусидя. Старший из сержантов охраны Национальной армии негромко пробурчал:

— До поступления распоряжения сверху сидеть тихо. По возможности терпите, если имеются позывы. Слишком долго терпеть, конечно, тоже нельзя. Можно сходить под нашим наблюдением.

В этот момент я вдруг услышал знакомый голос, и удивился. Оглянувшись, я увидел полицейского, с которым вчера вечером в Кансоне ходил на рынок. Вероятно, после командировки в Кансон он вместе с нашим отрядом ненадолго прибыл в Косон.

Вскоре вся наша группа должна была выйти из здания театра. В зрительном зале по-прежнему оставались только добровольцы с Юга. Обстановка была настолько необычная, напряженная, что каждый чувствовал — что-то должно произойти. Но что конкретно — никто не знал. Я, как ни странно, был спокоен. Казалось, что мне все равно и происходящее вокруг не касается меня. Я равнодушно оглядывался по сторонам. И вдруг с ужасом заметил, что сверху на нас направлены стволы ручного и станкового пулеметов. В темноте не совсем четко было видно, но блеск металлических предметов можно было разглядеть. Ошибки быть не могло! Рядом с театром находились подсобные помещения — сарай или какой-то склад без дверей, на крыше которого и располагались эти орудия. Правда, за ними не было видно стрелков.

Из заднего выхода театра к нам вышел офицер, который допрашивал нас недавно. А вместе с ним — сержант, который дал

команду «Встать!». Мы, пленные, медленно поднялись. Я еще внутри театра заметил, как опрятно был одет этот офицер, и его приятную манеру ведения разговора. Он и теперь был таким же. В этом отношении он отличался от других офицеров. Выходя на задний двор, он снял темные очки и неторопливо, тихим голосом произнес:

— Эту ночь вам придется провести здесь. Так надо, другого выхода нет. Будет холодновато, но придется потерпеть. Неожиданно обстоятельства сложились таким образом, что нам придется держать вас здесь. Будем надеяться, что к завтрашнему утру вы будете целы и невредимы. Доверьтесь нам, здесь вы будете в безопасности. После, когда вы переживете этот трудный момент, вы поймете, в чем дело, а пока придется потерпеть. Существует некая непреодолимая сила, которая вынуждает нас поступить именно так. Поверьте, так нужно. Надеюсь на вас. Желаю благополучно провести время до утра.

После этой короткой речи он повернулся к выходу. Несмотря на тревожную обстановку, я почему-то подумал, что этот офицер, вероятно, до службы в армии был студентом и много читал, потому что уж больно грамотно он говорил, употребляя специальные термины, например «непреодолимая сила» и другие подобные слова.

И в этот момент неожиданно кто-то громко обратился к нему из наших рядов:

— У меня к вам есть один деликатный вопрос, я отниму совсем немного вашего времени. Если позволите, то это займет всего две-три минуты.

В ответ офицер спросил:

— Вы хотите встретиться со мной лично?

— Именно так. Уделите, мне, пожалуйста, две-три минуты. Этого будет вполне достаточно.

Вдруг мне стало жутко, по коже пробежали мурашки. Пока этот тип говорил, что он, мол, хочет сообщить нечто важное и просит уделить ему немного времени, я не обратил на это внимание — подумал, пусть говорит в свое удовольствие. Но когда в конце своей просьбы он сказал, что требуется всего лишь две-три минуты, меня бросило в дрожь. Тут же я почувствовал всю мерзость и низость этого человека. Конечно же, это был наш Штабной Офицер, сомнений нет. До меня дошло, что он пытается спасти свою шкуру. Именно поэтому он искал повод для встречи с этим офицером. Ему нужны были зацепки для встречи, потому что в действительности ему потребовалось бы поговорить с начальником как минимум минут десять. Мне захотелось быть на месте офицера и не задумываясь отправить этого негодяя на тот

свет. Про себя я подумал: неужели слова «две-три минуты» имеют столь большое значение в данной ситуации?

Офицер Национальной амии ответил:

— В данный момент, как вы видите, я очень занят. Кстати, вы в каком звании?

— Я был лейтенантом и командиром роты по культурной работе.

— Значит, возглавляли всю идеологическую работу роты?

— Да, так, — ответил Штабной. Затем, извиваясь всем телом, добавил:

— Хотелось бы более подробно объяснить потом, но если господин офицер позволит, то разрешите продолжить. Дело в том, что известный командир дивизии Национальной армии — мой дядя. Здесь я не могу назвать его фамилию и имя открыто, но наедине я бы назвал его…

Не успел офицер отреагировать, как еще один пленный пробормотал:

— Господин офицер, у меня тоже имеется родственник в Республике Корея. Он мой родной брат и работает министром транспорта. Я могу назвать его имя прямо здесь. Если бы в 1946 году я уехал вместе с ним на Юг, то сейчас не был бы в таком положении.

Говоривший также был офицером северокорейской армии и постоянно вращался в компании Штабного Офицера. Он выделялся среди других своей крупной комплекцией и постоянным ворчанием. Надо сказать, что бывшие офицеры Народной армии постоянно держались вместе, хоть и находились в плену.

Мне было смешно смотреть на них, и как-то, особенно не задумываясь, я невольно проронил:

— Ой, смотрите, какие звезды! Как величественно и красиво!

Я произносил эти слова просто так, не имея в виду именно звезды. И тут один из пленных, находившийся рядом со мной, ткнул меня в бок и недовольным голосом сказал, что я, мол, болтаю в такое неподходящее время. Некоторые, как и он, также считали меня слегка свихнувшимся. Я это чувствовал и продолжал упорно повторять:

— Посмотрите на эти звезды. Как их много на небе. Как красиво, аж дух захватывает!

И сейчас, пятьдесят лет спустя, я не могу объяснить мой тогдашний поступок, который для меня самого так и остался неразгаданной тайной. Однако вот что я могу сказать совершенно точно: в тот вечер я был абсолютно уверен, что останусь в живых. И сейчас я не могу логически объяснить ту мою уверенность. С

тех пор за пятьдесят лет много воды утекло, но те слова, которые я сам себе сказал в ту ночь: «Я не умру, я останусь в живых» — до сих пор живы в моей памяти. Некоторые утверждают, что, когда человек оказывается в безнадежном состоянии, он обрывает связь с реальностью. Отчасти, может быть, подобное утверждение имеет под собой реальные основания, но я, несмотря на все невзгоды, по-прежнему верил в таинственную жизненную силу.

Самое удивительное произошло чуть позже. Видя, что события развиваются не в его пользу, Штабной в отчаянии забормотал что-то невнятное:

— Господин офицер, не один я хочу жить, и я думаю не только о себе. Я думаю, что все вопросы надо решать справедливо и до конца. Дело в том, что сегодня на пути сюда мы останавливались в одной деревне, где, как и прежде, живет припеваючи и работает председателем народного комитета бывший секретарь местной ячейки Трудовой партии, хотя та местность уже занята войсками Национальной армии. Этот человек живет совсем недалеко отсюда и в ус не дует, а мы тут подвергаемся таким испытаниям! Так ведь нельзя, надо по справедливости всё решать!

Офицер, к которому он обращался, двигался к входу в театр. И тут навстречу ему вышел полицейский, с которым вчера вечером мы были в частном доме в Кансоне. Полицейские из Чумунчжина вскоре исчезли куда-то, и только этот знакомый еще оставался в составе полицейского отряда, дислоцированного в этой местности. Мы его часто видели, но он в той напряженной обстановке, конечно же, не замечал нас, в том числе и меня.

Неожиданно этот полицейский закричал:

— Вот как? Это ты так думаешь? Ты, каналья, наверно, успокоишься лишь тогда, когда мы приведем сюда того человека и расстреляем вместе с тобой. Говоришь о «беспристрастном» решении вопроса… Только вы способны на это в смертельной схватке между собой! Только вы рождены для такого дела. Ты, тварь, не способен даже поблагодарить человека за доброе отношение к себе. У тебя на уме только одно желание — для собственного удовольствия взять с собой в ад других людей. Ты получишь первый урок. Для таких, как ты, даже жалко тратить пулю, так что в эту ночь я сам удавлю тебя своими собственными руками! А ну, сюда, быстро!

Обстановка становилась все более напряженной, но я почему-то продолжал бормотать:

— Какие прекрасные звезды, как они красивы…

Полицейские выволокли на улицу Штабного Офицера, громко ругая его всякими словами. Затем его нещадно избивали, топтали

ногами и снова били, пока он не перестал орать от боли. Когда он уже почти потерял сознание, его оттащили обратно в театр и кинули на пол. Через некоторое время его снова выволокли на улицу и продолжили избивать. Как ни странно, все это было немного смешно. Но мы не смеялись.

Как я и предполагал, в ту ночь не произошло ничего особенного. Примерно в четыре часа утра наша группа снова вернулась в здание театра, где Штабной все еще валялся на сцене. Мне показалось, что он избегает встречи с нами. Полагаю, к тому времени он немного очухался. Но, каким бы толстокожим он ни был, наверно, ему было стыдно перед людьми, и потому, видимо, он избегал всех нас.

Местные красные в гражданской одежде также оказались в помещении вместе с нами. На рассвете мы съели по горсти вареного риса с солью и снова отправились в путь. Местные же красные, позавтракав вместе с нами, остались в театре.

Сначала мы шли по дороге вдоль дамбы, затем сели на частные рыбацкие лодки и поплыли в сторону Чанчжона. К нам присоединились несколько человек из добровольцев-ополченцев, но, к нашему удивлению, среди пленных не оказалось Штабного. Мы не могли понять, почему его нет. Были разные предположения: может, из-за побоев у него не было сил прийти, а может быть, ему помог дядя — командир дивизии Национальной армии…

Впрочем, кто знает. Может, дядя-командир и не помог Штабному. Тогда, если повезет, он в конце концов мог бы попасть в лагерь для военнопленных северокорейской армии на острове Кочжедо. Там он мог бы переметнуться на сторону антикоммунистически настроенных военнопленных, и таким образом ему удалось бы остаться на юге страны. Пожалуй, именно таким людям, как он, проще было найти себе место для существования в Южной Корее, чем при суровом режиме Северной Кореи.

Кроме того, задним числом мы узнали, что в ту ночь, по данным разведотряда, со стороны алмазных гор Кымгансан могло произойти внезапное нападение остатков разбитой северокорейской армии. Если бы это случилось, никто из нас не остался бы в живых.

Прибывший вместе с нами из Кансона полицейский не показывался вплоть до нашего ухода. Должно быть, он крепко спал, так как мы уходили ранним утром. Полагаю также, что он немного устал после «воспитательной работы» с нашим Штабным в прошлую ночь, и потом весь день хмурился.

На корабле мы добрались до Чанчжона, затем снова шли

пешком и к заходу солнца прибыли в Тхончхон. Здесь я работал учителем в народной школе после возвращения войск Национальной армии. Тогда же я встретил своего младшего двоюродного брата, который работал в одной молодежной организации и даже носил нарукавную повязку. Благодаря его ходатайству, я был освобожден из плена. Похоже, мое доброе предчувствие тем вечером на заднем дворе косонского театра осуществилось именно сегодня.

Значит, «мир есть всё то, что имеет место. Мир определен фактами и тем, что это всё факты, потому что совокупность всех фактов определяет как всё то, что имеет место, так и всё то, что не имеет места».

comments

Комментарии

1

Минчхон — Союз демократической молодежи Кореи. После капитуляции Японии во Второй мировой войне Корея была освобождена из-под японского колониального ига. Более точное название союза Минчхон — «Лига демократической патриотической молодежи». Она была создана левыми силами.

2

События в Ёсу. 3 апреля 1948 г. на острове Чечжудо усилилось народное недовольство, направленное против создания сепаратного южнокорейского правительства. Демонстрация протеста постепенно перерастала в вооруженное восстание. Для его подавления правительство решило в срочном порядке направить на остров части Национальной армии, дислоцированные в городе Ёсу. В центре этих событий 19 октября 1948 года стояли левые военные силы, выступавшие против правительственной мобилизации. Они также требовали наказания прояпонских элементов и объединения родины. Восставшие захватили арсенал, склад боеприпасов, полицейские участки и различные учреждения в городе Ёсу, Сунчхоне и в пяти других городах Южной Кореи. Правительству пришлось обращаться за помощью к американским военным советникам, которые усилили правительственные войска бронемашинами, минометами и другой военной техникой. В результате восстание было подавлено. Однако эти события нанесли серьезный удар по новоиспеченному правительству, которое существовало всего лишь три месяца. Пользуясь случаем, Ли Сынман начал жестокое преследование политических противников, установил новые порядки в армии и избавился от левых сил в стране, в том числе и от тех, кто принимал участие в освободительном движении против Японии, находясь в Китае. Так складывался антикоммунистический фундамент южнокорейского правительства.

3

События 3 апреля на Чечжудо. В результате Второй мировой войны произошло освобождение Кореи от колониального ига Японии. Однако страна была разделена на две части — Север и Юг. Отпал вопрос о создании единого правительства страны. Развернулась борьба против выборов депутатов в Национальное собрание, которое должно было сформировать сепаратное правительство Южной Кореи. В этой борьбе переплелись действия самых разных политических сил — отдельных фракций компартий и прояпонских элементов в Американской военной администрации, членов Северо-западного Черносотенного молодежного движения и тех сил, которые были недовольны произволом и насилием в стране.

События на острове Чечжудо в той или иной форме продолжались до конца Корейской войны. За это время жертвами зверских убийств стали около 25–30 тысяч ни в чем не повинных людей. Большинство из них погибло от рук членов террористической Северо-западной молодежной организации и других правых сил, а также пограничного карательного отряда действующего правительства.

4

Ли Сынман (1875–1965) — деятель национально-освободительного движения, первый президент Республики Корея. Добился создания сепаратного правительства в Южной Корее. В качестве первого президента он правил страной в течение 12 лет, установив диктаторский режим. В 1960 году в результате всекорейской студенческой демонстрации Ли Сынман был свергнут и бежал на Гавайские острова, где и умер. Впоследствии он был перезахоронен на корейском национальном кладбище.

5

Ким Гу (1876–1949) — деятель корейского национально-освободительного движения. После создания в Шанхае Временного корейского правительства в 1919 году, он вошел в его состав и возглавил национально-освободительное движение. После поражения Японии Ким Гу руководил Временным правительством, затем вернулся на родину. В условиях раскола страны прилагал большие усилия для создания единого корейского правительства. В 1949 году был зверски убит.

6

38-я параллель. Военно-демаркационная линия, зона оккупации США и СССР. Линия разграничения между Севером и Югом на Корейском полуострове по 38-й параллели возникла в ходе Второй мировой войны. Но никто доподлинно не знает, как появилась 38-я параллель и по чьей вине. На Потсдамской встрече не обсуждался корейский вопрос. Однако очевидно, что уже тогда США вынашивали план высадки и оккупации Корейского полуострова советскими и американскими войсками. Начальник штаба сухопутных войск США генерал армии С. Масёр и начальник оперативного управления генерал-лейтенант Джон Е. Холл отметили, что зоной оккупации США должны быть как минимум порты Инчхон, Пусан, территории, расположенные к северу от Сеула на 45 миль. Конечно, эта предполагаемая линия не совсем точно проходит по 38-й параллели, но очень близко.

Объединенный комитет трех ведомств США — Государственного департамента, Военно-морского флота и Сухопутных войск — составил план действий, согласно которому советские войска должны были занять территорию к северу от 38-й параллели, а американские — к югу от нее после капитуляции Японии. Надо сказать, что и Советский Союз без особого возражения согласился с американским предложением. А советские войска еще до утверждения названного плана, 12 августа, заняли города Унги и Начжин. После этого главнокомандующий союзными войсками в районе Тихого океана генерал Дуглас МакАртур 15 августа 1945 года издал общий приказ, в котором говорилось, что на территории к северу от 38-й параллели капитуляцию японских войск принимают советские войска, а к югу от нее — американские. Таким образом, 38-я параллель стала официальной линией разграничения, совершившимся фактом.

Трумэн, говоря о линии разграничения по 38-й параллели, говорил, что благодаря этому предложению США было найдено решение многих проблем. Так, разделение Кореи произошло не по секретному соглашению между США и СССР, а по инициативе Соединенных Штатов Америки. Можно сказать, это предложение было обусловлено не только успешной реализацией капитуляции Японии. Похоже, руководство США имело далеко идущие планы.

Между США и СССР до и после Второй мировой войны постоянно происходила борьба за монопольную опеку. Ни одна из этих стран не могла допустить принятия капитуляции Японии только одной державой и установления ею своей опеки над

политическим вопросом. Разграничение сферы влияния по 38-й параллели и есть результат этой конфронтации. И сегодня, после Корейской войны 1950–1953 годов, эта конфронтация продолжается между двумя странами в политической, экономической, военной, культурной и в других областях.

7

15 августа 1945 года после освобождения от японского колониального господства Корея получила суверенитет и независимость. Однако 27 декабря 1945 года на совещании министров иностранных дел четырех держав — США, СССР, Китая и Великобритании — было решено установить опеку над Кореей. По этому вопросу в Южной Корее возникли острые противоречия между правыми и левыми силами. Ким Гу и сторонники Временного правительства требовали немедленного предоставления независимости вместо опеки. Между тем движение за опеку находило широкую поддержку у населения. Сначала левые силы были против опеки, но 2 января 1946 года, изменив свою первоначальную позицию, стали поддерживать ее установление. Конечно, вопрос об опеке как у движения правых, так и у националистов в то время стоял на первом месте. Однако из-за вопроса о создании разделенного правительства в Южной Корее и об избрании единого правительства Юга и Севера между президентом Ли Сынманом и националистами во главе с Ким Гу началась ожесточенная борьба.

8

25 июня 1950 года, как только началась Корейская война, северные корейцы, которые перешли на Юг с Севера, стали называться «первой волной беженцев».

9

Сразу после освобождения Кореи от японской колониальной зависимости был начат процесс национализации. Строительство социалистической экономики шло быстрыми темпами. К марту 1946 года, когда началась земельная реформа, была заложена база для коллективизации сельского хозяйства.

10

25 июня 1950 года Северная Корея напала на Южную Корею. Началась Корейская война, в которой приняли участие войска ООН — 16 государств, в том числе США как ведущая сила. Сначала почти вся территория Южной Кореи была занята северокорейскими войсками. Однако, некоторое время спустя, войска ООН отбросили их назад. Более того, они заняли почти всю территорию Северной Кореи. Казалось, объединение Кореи неминуемо. Однако 4 января 1951 года в Корейскую войну вступила двухмиллионная армия коммунистического Китая; войска ООН и южнокорейская армия вынуждены были отступить.

11

С момента поражения Японии 15 августа 1945 года до образования южнокорейского правительства в 1948 году в стране происходила ожесточенная идеологическая конфронтация между левыми и правыми силами, Севером и Югом. В это сложное и хаотическое время происходило становление государства в обеих частях страны. Как раз тогда среди образованных людей началось движение против проекта реорганизации Сеульского университета. Движение происходило с июля 1946 года до октября 1947 года, когда американское управление на Корейском полуострове становилось все очевиднее. Названное движение происходило в тот период, когда вопрос об образовании тесно переплетался с проблемами внутренней и внешней политики страны. И сегодня нет единого мнения в оценке тех событий. Это естественно. В условиях раскола страны и бескомпромиссной идеологической конфронтации противоположных сил невозможна никакая объективная оценка.

12

Патти Пэйдж родилась в 1927 году в Америке. В 1950–1960 годах ее называли лучшей певицей — королевой вальса Америки. Песня, которая принесла ей популярность, ее коронный номер — «Changing Partners» («Изменчивые партнеры»).

13

Третьекурсники — в данном случае имеются в виду учащиеся третьего класса высшей ступени средней школы. Корейская система образования включает в себя «начальную ступень обучения», которая называется также народной школой (6 лет обучения), «среднюю ступень» (3 года обучения), «высшую ступень» (3 года обучения); и, наконец, университет — 4 года.

14

12 января 1950 года госсекретарь США Д. Ачесон обнародовал географический рубеж оборонной стратегии Вашингтона в странах азиатско-тихоокеанского региона, получивший название «Линии Ачесона». Данная линия была проведена от Алеутских островов к Японии и далее, через Окинаву к Филиппинам. Ни Корейский полуостров, ни Тайвань в пределы зоны, ограниченной этой линией, не вошли. Однако с началом Корейской войны 25 июня 1950 года, вопреки ожиданиям, США сразу же предприняли шаги по оказанию помощи Южной Корее.

15

В 1948 году руководитель Компартии Югославии Иосип Броз Тито отказался подчиниться диктату Сталина по вопросу о включении Югославии в Балканскую федерацию, несмотря на то, что ранее правительство Югославии поддерживало коммунистический режим. Югославия отвергла не только тот путь развития, которым следовал Советский Союз, в тот момент являвшийся центром коммунизма, но и модель развития США, самое сердце капитализма. Югославия пошла по другому пути, как некоторые страны третьего мира: Индия, Индонезия, Египет и прочие. Произошёл разрыв межгосударственных и межпартийных связей с СССР. В 1949 г. советское руководство разорвало Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Югославией. Началась пропагандистская кампания, направленная на дискредитацию югославского руководства.

16

Кисэн — артистка развлекательного жанра в Корее. Первый слог слова означает «проститутка», второй — «жизнь». Главное отличие кисэн от японских гейш состоит в том, что первым было разрешено предоставлять платные услуги сексуального характера. Кисэн фактически являлись государственными крепостными. Их профессиональной деятельности предшествовало серьёзное обучение. Этих женщин учили музыке, поэзии, литературе. Кисэн играли важную роль в корейском обществе. Во время войн они выполняли не только свои прямые обязанности, но и оказывали медицинскую помощь раненым, ухаживали за больными.

17

С 1909 по 1945 год Корея находилась под колониальным управлением империалистической Японии. Летосчисление шло также по японской системе, когда отсчет лет велся от начала правления той или иной династии японских императоров. В данном случае речь идет о 16-м годе правления японской династии Сёва. Император правил с 1926 года. Соответственно, собрание старейшин в деревне проходило в 1941 году.

18

Ким Дубон (1889–1961) — деятель национально-освободительного движения, лингвист, специалист по корейской национальной письменности, первый глава государства.

19

Ан Досан (1878–1936) — историк, деятель национально-освободительного движения. Ли Санчжэ (1850–1927) — участник «Движения за цивилизацию», деятель национально-освободительного движения. Син Чхэхо (1880–1936) — историк, деятель национально-освободительного движения.

20

Пхаллогун — сокращенное название 8-й Народно-освободительной армии Китая. В 1937 году после заключения второго соглашения о совместных действиях между Компартией Китая и партией Гоминьдан Народно-революционная армия была преобразована в 8-ю армию, которая вместе с новой 4-й армией отвечала за оборону передовой линии фронта в антияпонской войне в районе Хубэя. В 1947 году была переименована в Китайскую народно-освободительную армию.

21

События, связанные с внутренним заговором. В 1979 году военный диктатор Пак Чонхи был убит своим подчиненным, директором Центрального разведывательного управления страны. Сторонники Пак Чонхи в армейских кругах совершили государственный переворот в мае 1980 года. Политический оппонент президента Пак Чонхи Ким Дэчжун вместе с двадцатью участниками движения «За демократию» в Кванчжу обвинялись в сотрудничестве с Северной Кореей и были переданы военному суду, а Ким Дэчжун был приговорен к смертной казни.

22

Диктатор Пак Чонхи правил страной в течение 18 лет. После его убийства власть захватили военные, а президентом стал генерал Чон Духван. После внесения 8-й поправки в Конституцию была создана Пятая республика. Теперь глава республики избирался на основе непрямых выборов сроком только на семь лет. Военный режим Чон Духвана жестоко подавил движение «За демократию» в городе Кванчжу 18 мая, запретил свободу слова, ограничил деятельность политических партий. Тем не менее народное движение за демократию и свободу продолжалось. Непрерывно происходили демонстрации протеста, особенно с момента зверского убийства студента Пак Чончхоля в январе 1987 года.

В то же время, ссылаясь на Конституцию Пятой республики, Чон Духван и его сторонники выдвинули в качестве кандидата на пост следующего президента Ро Дэу в условиях сохранения системы непрямых выборов. В ответ на это население организовало грандиозные митинги с требованием введения прямых президентских выборов. 9 июня во время акции протеста серьезно пострадал студент Ли Ханёль в результате попадания в него слезоточивой гранаты. На следующий день, 10-го числа, началась всенародная демонстрация протеста. Движение с требованием введения прямых президентских выборов продолжалось в течение всего июня. 29 июня Ро Дэу вынужден был признать, что принимает требование масс о введении прямых президентских выборов. По этому поводу было опубликовано специальное заявление.

23

Людвиг Витгенштейн (1889–1951) — австрийский философ, выдающийся представитель философии XX века. Он оказал большое влияние на развитие двух философских течений — логического позитивизма и лингвистической философии. Его труды «Логико-философский трактат» и «Философские исследования» имеют особое значение в развитии философии XX века. Идеи Витгенштейна оказали огромное влияние на последующее развитие общественных наук. Как представитель аналитической философии он широко известен и среди деятелей искусства.

24

Праздник Чхусок отмечается 15-го числа 8-го месяца по лунному календарю и является одним из трёх самых важных и всенародно отмечаемых праздников Кореи. Чхусок — это праздник благодарения предков за новый урожай. На праздник Чхусок собираются все члены семьи и вместе с родственниками едят приготовленную пищу, сделанную из нового урожая, отдавая дань благодарности предкам и прося обильного урожая в следующем году.

notes

Примечания

1

15 августа 1945 года в результате капитуляции Японии во Второй мировой войне произошло освобождение Корейского полуострова, с 1909 года находившегося под игом японского колониального режима. — *Здесь и далее примеч. редактора.*

2

Ыйёнгуны — добровольцы, уроженцы Юга, которые во время Корейской войны служили в частях Северокорейской народной армии.

3

Сентябрь 1945 года — начало 1946 года.

4

Тайсё — период правления императора Тайсе (30.07.1912–25.12.1925), Сёва — годы правления японского императора Хирохито (26.12.1925–07.01.1989).

5

Кончхон — Коммунистический союз молодежи Северной Кореи.

6

Государственный флаг Республики Корея.

7

Начало Корейской войны 25 июня 1950 года.

8

Два маль риса равны 36 килограммам.

9

Первый корейский медицинский колледж «Северанс» был основан в 1904 году.

10

Первая в Корее полная мужская средняя школа, основанная в 1885 году американским миссионером.

11

«Лунная ночь в Силла» — модная песня в столице беженцев — Пусане — во время Корейской войны 1950–1953 годов.

12

Намнодан — сокращенное название Трудовой партии Южной Кореи. Партия была создана в Сеуле 23 ноября 1946 года как первая коммунистическая партия.

13

К тому моменту, как автор занялся написанием отдельных частей книги, прошло около 30 лет со времени описываемых событий. Ли Хочхоль работал над книгой с 1986 по 1996 год.

14

1 ли = 0,4 километра. Соответственно 300 ли — это 120 километров.

Ончхон *(кор.)* — горячий источник.

16

Батат — сладкий картофель.

17

«Ку» в переводе с корейского означает число 9. Соответственно 9, помноженное на 9, равняется 81 (ку-ку).

18

Посыльный в годы японского колониального господства.

19

Согласно северо-корейской системе того времени, четыре средние по величине звездочки на погонах обозначали звание «майор», две большие звездочки — «подполковник».

20

Корейская пословица, означающая, что никаких следов уже не осталось.

21

1 пхён равен 3,3 кв. м.

22

В те времена 1 ли равнялся 0,4 километра. Соответственно, 70 ли — это 28 километров.

23

Третий по счету дядя в доме семьи Квандон.

24

Речь идет о японско-китайской войне, которая началась 7 июля 1937 года вторжением японских войск в Китай. Продолжалась до поражения Японии в 1945 году.

25

Со времен правления династии Чосон крестьяне отдавали половину урожая хозяину земли. После овобождения страны от японского колониального господства урожай делился следующим образом: хозяин земли получал 30 %, в то время как крестьянину, который ее обрабатывал, оставалось 70 % урожая.

26

Секретная организация, которая была создана студентами города Тхончхона (провинция Канвондо).

27

Коммунистическая партия Кореи, которая была основана Ким Дубоном.

28

Этот праздник отмечается 7 июля по лунному календарю. Согласно преданию, в этот день раз в году Волопас, что находится на восточной стороне Млечного Пути, встречается с Ткачихой-Вегой на мосту Очжак. Сороки наводят этот мост через Млечный Путь 6-го числа 4-го лунного месяца.

29

Корейское традиционное пальто. Такие пальто в то время носило большинство населения.

30

Эту часть книги автор писал в 1994 году.

31

Хумикири — японское слово, которое обозначает пересечение обычной дороги с железнодорожными путями.

32

Рисовый хлебец, приготовленный на пару.

33

Ачжубэни — мужчина (обращение женщины к мужчине).

34

Созыв Национальной Ассамблеи Республики Корея с 30 мая 1996 года по 30 мая 2000 года.

35

До 1994 года «народными школами» на территории Кореи называли начальные школы (возраст учеников от 7 до 12 лет).